

Кельтские мифы

Я Р К И Е С Т Р А Н И Ц Ы

Яркие страницы. Легенды, мифы и сказки народов мира

Эпосы, легенды и сказания

Кельтские мифы

«ЭКСМО»

УДК 398.21(=15)
ББК 82.3(4)-6

Эпосы, легенды и сказания

Кельтские мифы / Эпосы, легенды и сказания — «Эксмо»,
— (Яркие страницы. Легенды, мифы и сказки народов мира)

ISBN 978-5-04-218092-7

Кельты, как ни один другой народ, окружены ореолом тайны, их культура, повлиявшая на традицию всей Европы, манит и завораживает. Кельтская мифология богата волшебными легендами и преданиями, передававшимися из уст в уста, и по многообразию богов и героев не уступает древнегреческой. Легенды о доблестном Кухулине, Артуре, подвигах Финна, племени богини Дану, любви Тристана и Изольды стали богатейшим материалом для У. Шекспира, У. Вордсворта, А. Теннисона, Дж. Толкиена и многих других классиков мировой литературы. В книгу вошло знаменитое собрание валлийских сказаний «Мабиногион» в переложении леди Шарлотты Гест, а также «Ирландские сказания» (переложение леди Изабеллы Августы Грегори). В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 398.21(=15)

ББК 82.3(4)-6

ISBN 978-5-04-218092-7

© Эпосы, легенды и сказания

© Эксмо

Содержание

Валлийские сказания	6
О валлийцах и валлийских сказаниях	6
Мабиногион	10
Часть I	10
Пуихл, король Даведа	10
Бранвен, дочь Хлира	20
Манавитан, сын Хлира	28
Мат, сын Матонви	35
Часть II	45
Сон Максена Вледига	45
Сказание о Хлите и Хлевелисе	49
Килхух и Олвен, или Турх Труит	51
Сон Хронабви	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эпосы, легенды и сказания

Кельтские мифы

© Володарская Л.И., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Валлийские сказания

О валлийцах и валлийских сказаниях

Кельты (галлы) – индоевропейские племена, известные со второго – начала первого тысячелетия до н. э., – в континентальной Европе к середине I века н. э. были покорены римлянами и, ассимилировавшись в течение нескольких веков (с первого по четвертый), по сути, исчезли с ее исторической карты. Однако, оставив о себе вечную память в названиях таких городов, как, например, Париж, Милан, Вена, и таких рек, как Сена, Рейн, Дунай, они еще прежде разделились на ирландцев и валлийцев, которые продолжали развивать на островах две основные ветви кельтского языка и кельтской культуры.

Примерно до X века н. э. Ирландия жила относительно мирно, но, населенная бриттами (островными кельтами), Британия уже в I веке н. э. претерпела нашествие римлян, которые оказали большое влияние на ее культуру, однако не сумели ассимилировать местное население, принявшее плоды более развитой цивилизации, принявшее христианство, но не отказавшееся от своего языка, своих традиций, даже социального устройства.

«...Сбросив с себя ярмо римской власти, – пишет историк VIII века Ненний, – они (бритты) перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев»¹.

Потом наступил V век, точнее, 428 год, и в Британию пришли германские племена. Англы и саксы – менее цивилизованные, но более воинственные – в V–VIII веках упорно вытесняли бриттов из Кембрии, Лотиана, Корнуолла, пока не дошли до западного гористого полуострова, где столкнулись с не менее воинственными племенами, которые оказали пришельцам достойное сопротивление. В конце концов англосаксы оставили мысль завоевать полуостров и в VIII веке совершили нечто, определившее историю этого края на несколько столетий. Они отгородили полуостров «валом Оффы» и назвали непокорную территорию «застенной землей», то есть Валлисом, или Валлией, или – в современном звучании – Уэльсом. Но у этой страны было и другое название, данное ей самими бриттами, – Кимру, что значит «страна сородичей». И Ненний, и Гальфрид Монмутский с явным раздражением пишут о «диких Кимрах», посмевавшихся не подчиниться «благоразумным саксам», которые, по словам самого же историка XII столетия Гальфрида Монмутского, усеяли всю землю непогребенными трупами крестьян и священнослужителей. Пусть это не покажется странным, но его перу принадлежит и следующая (по-видимому, идеологически выдержанная в соответствии с современными ему требованиями) легенда о происхождении непокорных валлийцев и их страны Валлии:

Ивор и Инн, снарядив для себя корабли и собрав, сколько им удалось, готовых отправиться с ними воинов, высадились на острове и в течение сорока девяти лет тревожили народ англо-валлийцев частыми и беспощадными нападениями. Но это мало чему помогло. Мор и голод, а также непрекращающиеся внутренние раздоры настолько обессилили некогда гордый народ, что ему было невмочь упорствовать и отражать врагов. Погрязнув в невежестве, он стал называть себя не бриттами, а валлийцами, присвоив себе это название потому, что у них был вождь Валлон, либо по имени королевы Валаес, либо их окрестили так чужеземцы. Саксы, напротив, соблюдая благоразумие, сохраняли между собой мир и согласие, обрабатывали поля, устраи-

---

¹ Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С. 178.

вали города и укрепления и, лишив бриттов господства при вожде Адельстане, который первым из них увенчал себя королевской короной, держали уже в подчинении всю Лоегрию (Англию. – Л. В.). Утратив бриттское благородство, валлийцы впоследствии не воссоздали древнего государства на острове; недовольные саксами, они порой восставали на них и непрерывно дрались либо с ними, либо в междоусобных схватках².

Валлийцы отказывались называть себя бриттами и даже как будто забыли о своей связи с жителями Лоегрии, но в народной памяти и, естественно, в фольклоре примерно в VIII веке появились мечты о будущем поражении англосаксов и «воссоздании» королевства Британия, которого никогда не существовало, – и даже многочисленные «пророчества» на сей счет легендарных мудрецов и волшебников. Но в то же время в самом Уэльсе, поделенном на множество кланов, шла бесконечная междоусобная война, не предполагавшая даже попыток объединения. Валлийские вожди стали большими врагами своей родины, чем пришельцы.

В 1066 году англосаксы потерпели поражение от армии Вильгельма Завоевателя, и франко-нормандцам удалось то, что оказалось не по силам англосаксам. Они завоевали южную часть Уэльса, которую называли Марч, то есть «пограничный край». Тем временем валлийские вожди продолжали сражаться между собой в стране, остававшейся скотоводческой и неразвитой с точки зрения земледелия и ремесел, в которой не было не только городов, но и даже постоянных поселений. В это время, насколько известно, прогрессивную стабилизирующую роль в социальной жизни Уэльса, хоть и не очень успешно, играла Церковь, несмотря на немногочисленность монастырей. Гораздо больше ей удалось сделать для культуры страны, в которой письменная традиция не отличалась зрелостью. Первое известное историческое сочинение, «Анналы Камбрии», относится к 954 году, а самые давние записи сказаний, легенд, песен – к XI веку. Сохранение письменных памятников Уэльса – исключительная заслуга Церкви.

В XII столетии от валлийского существования наособицу не осталось и следа, и только теперь, когда не отдельные феодалы грозились проникнуть на полуостров, а английская корона – подчинить себе всю непокорную территорию, правители Уэльса попытались что-то сделать и несколько оттянули свое поражение. Но со своими благими намерениями они опоздали. В 1282 году противостояние Левелина ап Гриффилда, последнего короля независимого Уэльса, и английского короля Эдуарда I из династии Плантагенетов закончилось поражением Уэльса, и с 1301 года наследники английского престола носят титул «принцев Уэльских». Правда, валлийцы еще долгое время поднимали одно восстание за другим и до 1536 года Уэльс сохранял статус автономного княжества.

С покорением Уэльса его язык и культура стали насильственным образом искореняться. И это неудивительно, ведь даже английский язык долгое время считался языком, «неприличным» для благородных господ и развлекавших их песнопевцев. Что же до странствующих валлийских бардов, то их преследовали как бродяг.

Казалось бы, сказания, мифы, легенды валлийцев должны были исчезнуть с лица земли. Но, к счастью, этого не случилось. Народное наследие выжило, но выживало оно, скажем так, двумя этапами.

Одна его часть не только проникла в английскую, французскую, да и чуть ли не во всю западноевропейскую литературу, но и, обжившись там в Средние века, стала основой того, что в дальнейшем получило название «артуровского цикла» и дало импульс к созданию великих памятников литературы так называемого Нового времени. Первым было сочинение «История бриттов» Гальфрида Монмутского, где в короле Артуре соединились валлийская и англо-нормандская традиции, представив его как могучего короля Британии и идеального рыцаря, окруженного другими более или менее идеальными рыцарями, с которыми было связано множе-

---

² Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 137.

ство самых разных любовных, приключенческих, волшебных и христианских сюжетов. Более того, обогащенная, эта литература вернулась в Уэльс и соединилась с изначальным вариантом валлийского традиционного фольклора, ведь при дворах валлийских королей всегда большим почетом пользовались барды, которые использовали в своих творениях исторические и мифологические образы, не давая им потеряться во времени, тем более когда был унижен сам народ. Кстати, как раз в XII веке «История бриттов» Гальфрида Монмутского была переведена на валлийский язык, одновременно став знаком пробуждения и сама пробуждая новый интерес не только к историческому прошлому Уэльса, но и к его культурному наследию.

Именно к этому времени относятся два замечательных рукописных свода древних валлийских легенд: «Белая книга Риддериха» (датируется примерно 1325 годом) – к сожалению, представляющая собой лишь фрагменты собрания легенд под названием «Мабиногион», и «Красная книга Хергеста» (датируется примерно 1400 годом) – первое полное собрание одиннадцати легенд «Мабиногиона». Отметим, что, помимо вполне доказанного факта зависимости этих рукописей от неизвестных и более ранних источников, о происхождении, авторстве и даже переписке текстов практически ничего не известно. Даже название памятника – «Мабиногион» – имеет несколько толкований. Четыре первые легенды объединены под названием «Ветви Мабиноги», то есть «*Мабиногион*», так как *мабиногион* – множественное число от *мабиноги*. А само слово *мабиноги*, как считают одни, означает «повествование об отроках», другие переводят его как «повествование о юных годах героя», третьи – как «повествование о сыновьях кельтских богов». Следовательно, собрание легенд должно было бы называться «Повествование об отроках и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о юных годах героя и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о сыновьях первых кельтских богов и другие древние валлийские легенды». Но что исторически сложилось, то сложилось, и сейчас можно лишь строить предположения, почему сложилось так и не иначе...

Волна интереса к валлийским древностям поднялась в XII веке и через какое-то время опять спала, если, конечно, не считать популярный и в Европе и в Америке образ короля Артура, в который неумолимое время постоянно вносит изменения. Собрание под названием «Мабиногион» оставалось неизвестным даже в постепенно забывавшем родной язык Уэльсе до тех пор, пока в 1838 году не вышла в свет английская версия рукописного собрания валлийских легенд в великолепном переводе-пересказе леди Шарлотты Гест (1812–1895), значение которого трудно переоценить, оно сравнимо разве что с влиянием переводов В. А. Жуковского в русской литературе. Итак, «Мабиногион» обрел вторую жизнь в переводе на английский язык и стал первым произведением новой национальной литературы Уэльса, оказав при этом огромное влияние на всю последующую мировую англоязычную литературу. Думаю, любители творчества великих валлийцев XX столетия – прозаика Артура Мейчена и поэта Дилана Томаса – лучше поймут созданные ими произведения, узнав их корни.

Как памятник литературы «Мабиногион», передаваемый из уст в уста, по-видимому, складывался довольно долго, наверняка претерпев к тому же на последнем этапе редакцию монахов, хотя религиозной дидактики здесь нет и в помине. В конце концов он стал представлять разные эпохи и множество персонажей от древнейших мифологических до более поздних и реальных. Рядом с реальными людьми живут волшебники, в повествования о тяжком ратном труде неожиданно вторгаются сказочные мотивы, история сочетается с псевдоисторией, боги общаются со смертными, смертные наделены чертами богов...

Если в первых «мабиноги» можно усмотреть некоторые социальные приметы раннефеодальной эпохи как детства народа, то в последних – о короле Артуре – очевидно тяготение к романтическому и в общем-то абстрактному противопоставлению королевства Артура как царства добра и остального мира как царства зла, куда рыцари уезжают совершать подвиги. И хотя они совершают много подвигов, зла не становится меньше в черном лесу, окружающем королевство Артура, но и не ослабевает желание рыцарей постоять за свою честь, за честь

дамы, за честь своей земли. На этом заканчивается повествование о героях и вождях, королях и богах, простых смертных и волшебниках, мужах и женах долгой истории валлийского народа.

Одиннадцать сказаний, представляющих сложившийся в веках литературный памятник «Мабиногион», составляют яркую, словно мозаичную, картину валлийской жизни, которой придают единство два параметра: известная, хотя и менявшаяся, география обитания и вполне определенное, хотя и продолжительное, историческое время.

Л. Володарская

Мабиногион

Часть I

Пуихл, король Даведа

Короля Даведа звали Пуихлом, и он был господином над семью округами Даведа. Как-то раз, отдыхая в своем главном дворце в Нарберте, он задумал поохотиться и избрал для этого Глин Ких. Не медля нимало, он в тот же вечер выехал из Нарберта и на ночь остановился в Хлуин Диарвиде. Поутру он уже был в Глин Кихе, на опушке леса спустил собак, затрубил в рог – и пошло веселие. Псы мчались что было мочи, Пуихл за ними, и вскоре свита потеряла его из виду. Когда он остановился и прислушался, то лай был впереди и сбоку, только сбоку собаки лаяли совсем не так, как те, что бежали впереди.

Наконец между деревьями показался просвет, и Пуихл нашел свою свору, которая ждала его на краю большого поля. Тотчас справа появились олень и другая свора. Половину пути не добежал олень до леса, когда его догнали и повалили наземь сверкавшие белой шерстью и красными ушами псы, подобных которым король не видел во всю свою жизнь.

Пуихл подъехал поближе и, отгоняя чужих собак, стал натравливать на оленя своих.

Тем временем прискакал на светло-сером жеребце-великане всадник в охотничьем платье из серой шерсти и с охотничьим рогом на шее.

Он сказал:

– Вождь, я знаю, кто ты, но не хочу тебя приветствовать.

– Наверно, – ответил Пуихл, – твое звание не позволяет тебе первым приветствовать меня.

– Нет, дело не в звании.

– В чем же я виноват?

– Клянусь небом, тебе неведомы законы приличия.

– В чем я виноват, вождь?

– Нет ничего хуже, чем отгонять от добычи чужих псов и натравливать на нее своих. В этом ты виноват, и хотя я мог бы тебя отпустить, клянусь небом, даже сто оленей не стоят того позора, которым я тебя заклею!

– Ты прав, вождь, но позволь мне искупить зло и стать твоим другом.

– Чем же ты искупишь зло?

– Чем положено по твоему званию, но мне неведомо, кто ты.

– В своей стране я – коронованный король.

– Пусть удача сопутствует тебе, господин. Но откуда ты и как тебя зовут?

– Я – король Аннувина³, и зовут меня Араун.

– Господин, – спросил Пуихл, – чем мне заслужить твою дружбу?

– Ты заслужишь мою дружбу, – сказал король, – если победишь Хавгана. Его владения рядом с моими, и он все время нападает на меня. Избавь меня от него. Тебе это не составит труда. И я буду тебе другом.

– Я с радостью. Скажи только, как это сделать.

– Скажу. Но знай, я не прошу о невозможном. И, клянусь, я буду тебе преданным другом. Ты поедешь в Аннувин вместо меня, и самая прекрасная дама в Аннувине станет твоей.

---

³ Аннувином кельты называли подземный мир, преисподнюю.

Я сделаю так, чтобы все принимали тебя за меня и чтобы ни один паж и ни один воин не усомнился в том, что ты – это я. Так, начиная с завтрашнего дня, пройдет год, а через год мы встретимся здесь.

– Будь по-твоему, – согласился Пуихл, – но как мне узнать врага?

– Ровно через год мы поклялись сойтись у реки, и ты явишься в моем обличе и покончишь с ним одним ударом. Однако берегись. Если он попросит тебя ударить его еще раз, не делай этого, как бы он ни просил. Я вот не утерпел, и он взял надо мной верх.

– Но скажи, как мне оставить на год мое королевство? – спросил Пуихл.

– Ни один твой подданный, ни один мужчина и ни одна женщина, не узнают, что я – не ты, пока я буду править в твоём королевстве.

– Тогда у меня нет причин отказывать тебе, и я отправляюсь в путь.

– Желаю тебе удачи, – сказал Араун. – Пусть будет прямой твоя дорога. И позволь мне проводить тебя до границы моего королевства.

Араун скакал рядом с Пуихлом, пока не показался дворец.

– Отныне мой двор и все мое королевство в твоей власти. Иди смело во дворец. Никто не узнает в тебе чужака. Только советую тебе сначала приглядеться к нашим обычаям, а уж потом поступай как знаешь.

Распрошавшись с Арауном, Пуихл отправился во дворец, оглядел там все спальни и залы и решил, что красивее дворца не может быть на земле. В одном из залов он задержался, чтобы снять с себя охотничье платье, и тотчас к нему вышли пажи, которые приветствовали его и помогли ему раздеться, а потом явились два рыцаря и унесли его платье, но сначала накинули Пуихлу на плечи синий с золотом плащ. Через несколько минут зал наполнился челядью. Пришли воины, достойнее и наряднее которых Пуихл еще не видел в своей жизни. Следом за ними в платье из желтого блестящего шелка явилась королева, и Пуихл подивился ее необычайной красоте. Она пригласила его омыть руки, а потом они уселись за стол, королева по одну сторону от Пуихла, а тот, кого он принял по меньшей мере за графа, – по другую.

Пуихл заговорил с королевой и вскоре был очарован ее умом и веселостью, которыми она превосходила всех благородных дам. Они ели мясо, пили вино, пели песни и произносили здравицы, и ни в одном дворце на земле не было столько мяса, и столько вина, и столько посуды, украшенной драгоценными камнями.

Целый год Пуихл охотился и пировал, слушал песни менестрелей и беседовал с придворными, пока не приблизился день, назначенный для сражения. Об этом дне помнил не только он, но и все жители королевства, даже с самых дальних окраин, и, когда Пуихл поскакал на коне к знакомому месту, с ним вместе поскакали все его приближенные. Наконец путь им преградила река, и Пуихл, приподнявшись на стременах, сказал:

– Мои верные рыцари, слушайте меня и запоминайте. Я привел вас сюда, но это моя битва. Я сам сражусь с моим врагом, ибо в этом деле замешаны только мы двое: он претендует на мои земли, я – на его. Вы не должны мне помогать. Стойте в стороне и смотрите, кто из нас одержит победу.

Соперники поскакали навстречу друг другу, и тот, кто был в обличе Арауна, ударил копьём прямо в центр Хавганова щита, расколол его надвое и пробил доспехи Хавгана, который упал, смертельно раненный, на землю, не в силах нанести ответный удар.

– О вождь, – вскричал Хавган, – по какому праву ты убил меня? Я не причинил тебе зла и даже в мыслях не держал, что могу пасть от твоей руки. Но коли так суждено и ты меня ранил, заверши начатое – добей меня.

– О нет, я не сделаю этого, чтобы не раскаяться потом.

– Мои верные рыцари, – воззвал Хавган, – унесите меня домой, ибо настал мой смертный час. Никогда больше не пировать мне с вами.

– Рыцари, – сказал тот, кто был в обличье Арауна, – держите совет, кому быть моими подданными, а кому это не по душе.

– Господин, – ответили рыцари, – мы все будем твоими подданными, потому что никто другой не вправе быть королем Аннувина.

– Ваша правда, – отвечал им Пуихл в обличье Арауна, – кто с миром ко мне идет, того я принимаю с миром, а кто не хочет мира, тому придется узнать крепость моего меча.

Рыцари принесли Пуихлу присягу на верность, и к полудню следующего дня оба королевства были под властью Пуихла. Потом он, дабы не нарушить своего обещания, поскакал в Глин Ких.

Король Аннувина ждал его, и они оба несказанно обрадовались друг другу.

– Господь воздаст тебе за твою дружбу, – сказал Араун. – Мне все известно. Когда же ты приедешь домой, то своими глазами увидишь, что я сделал для тебя.

– Пусть Господь воздаст за твои дела.

Араун вернул Пуихлу, королю Даведа, его истинное обличье, а себе – свое и отправился в Аннувин. Он был счастлив увидеть вновь своих воинов и свою челядь. Они же, не ведая о его перевоплощении, приняли его с обычной учтивостью. В этот день Араун устроил пир и никак не мог наговориться со своей королевой и своими воинами. Когда же настала ночь, все отправились спать.

Пуихл тоже вернулся в свой дворец и стал у всех допытываться, заметили ли они разницу между его правлением в последний год и во все прошедшие годы.

– Господин, никогда еще ты не был столь добр и столь щедр. Никогда еще твоя справедливость не сияла так над всеми твоими подданными, и никогда еще они не ценили ее так высоко.

– Клянусь небом, не меня вам надо благодарить за это.

И Пуихл обо всем поведал своим подданным.

– Воистину, господин, мы благодарим небо за то, что оно послало тебе такого друга, а тебя просим: не отнимай у нас то, к чему мы привыкли за последний год.

– Клянусь небом, я ничем вас не обижу, – пообещал Пуихл.

С того времени Пуихл, король Даведа, и Араун, король Аннувина, крепко подружились и еще долго обменивались подарками – конями и псами, соколами и драгоценностями, – какие только могут доставлять удовольствие королям.

Оттого что Пуихл год прожил в Аннувине и разумно управлял королевством, да к тому же благодаря своему мужеству и силе в один день объединил два королевства, его стали называть не Пуихл, король Даведа, а Пуихл, вождь Аннувина.

Однажды Пуихл затеял в Нарберте пир, и с ним были многие его воины. Когда они утолили свой первый голод, Пуихл встал и отправился на вершину горы, что находилась возле его дворца и называлась Горсет Нарберт.

– Господин, – спросил один из воинов, – знаешь ли ты, что тот, кто посидит здесь, не может уйти, не получив ран или не узнав чуда?

– Мне ли бояться ран с такими воинами? Что же до чуда, то не возражаю. Посижу-ка я и посмотрю, что будет.

Пуихл поднялся на вершину и стал ждать. Рано ли, поздно ли, ему явилась в золотом сиянии дама на огромной белой кобыле, которая несла ее на гору.

– Воины, – спросил Пуихл, – кто знает эту даму?

– Никто, господин, – ответили ему воины.

– Тогда пусть один из вас подойдет к ней и спросит, как ее зовут и откуда она пожаловала к нам.

Один из воинов встал и пошел навстречу даме, но она как будто не заметила его и проехала мимо. Он было побежал следом за ней, но и она пришпорила кобылу, и он понял, что ему не догнать ее.

Тогда он сказал Пуихлу:

– Господин, никому на всей земле не догнать ее без доброго коня.

– Твоя правда, – согласился Пуихл. – Иди во дворец и возьми самого быстрого коня, какого только найдешь.

Воин выбрал себе лучшего коня, выехал на нем на равнину и вонзил ему в бока шпоры. Но чем быстрее летел его конь, тем дальше была дама. В конце концов она придержала кобылу, но конь уже едва не падал от усталости. Пришлось воину повернуть обратно – туда, где сидел Пуихл.

– Господин, – сказал воин, – никому не под силу догнать эту даму. В наших краях нет ни одного коня и ни одной кобылы резвее, чем у нее. Я не смог исполнить твой приказ.

– Наверное, это и есть чудо, – заметил Пуихл.

Он предложил вернуться во дворец, и тем закончился день. Утром все занимались своими обычными делами, пока не наступил час обеда, и опять, едва утолив первый голод, Пуихл сказал:

– Сегодня мы вновь поднимемся на вершину горы. А ты, – обратился он к самому юному воину, – позаботься привести туда самого быстрого коня, какого только сыщешь в округе.

Юноша сделал, как ему было приказано.

Пуихл и воины поднялись на вершину, и едва они расселись там, как вновь показалась та же дама – в том же одеянии и на той же кобыле.

– Смотрите! – крикнул Пуихл. – Вчерашняя дама. Скорее, юноша, узнай, кто она и откуда.

– С радостью, – ответил юноша.

Дама была в эту минуту в точности напротив них, но, когда юноша вскочил на коня и вонзил шпоры ему в бока, она отъехала уже довольно далеко. Кобыла шла шагом, и юноше показалось, что он легко догонит ее, но не тут-то было. Чем сильнее он пришпоривал своего коня, тем больше он отставал, хотя кобыла совсем не прибавляла шагу. Наконец юноша понял, что дело нечисто, и повернул назад.

– Господин, – сказал он Пуихлу, – мой конь не может бежать быстрее.

– Верно, никому не под силу догнать даму, – успокоил его Пуихл, – хотя, мне кажется, она явилась сюда с поручением к кому-то из нас. Но ей мешает ее торопливость. Давайте лучше возвратимся во дворец.

Они возвратились во дворец и провели ночь за пиршественным столом да с веселыми песнями.

На другой день они занимались каждый чем хотел, пока не наступил час обеда. Когда же с едой было покончено, Пуихл спросил:

– Где воины, которые вместе со мной поднимались вчера и позавчера на вершину горы?

– Мы здесь.

– Сейчас мы опять взойдем на вершину, – сказал он. – А ты, – обратился он к пажу, который ходил за конем, – оседлай моего коня и, не теряя времени, приведи его мне. Не забудь про шпоры.

Юноша отправился исполнять приказание, а король и его воины взойшли на гору и уселись на вершине. Недолго им пришлось ждать. Все было как прежде, но только на сей раз сам Пуихл решил отправиться в погоню за дамой.

Не успел он вскочить в седло, как дама проскакала мимо, и он поспешил за ней вдогонку.

Сначала ему показалось, что он легко одолеет разделявшее их расстояние, но, как он ни прищипывал жеребца, у него ничего не получалось. В конце концов он понял, что, даже если загонит коня, ему все равно не настичь даму, и он взмолился:

– О госпожа, во имя того, кого ты любишь сильнее всех, прошу тебя, остановись!

– С радостью, – отвечала она, – и твой жеребец устал бы гораздо меньше, попроси ты меня об этом раньше.

Она попридержала кобылу и, откинув с лица покрывало, устремила на Пуихла пытливый взор.

– Госпожа, – спросил Пуихл, – откуда ты и кто приказал тебе совершить это путешествие?

– Я путешествую по собственному почину и рада, что встретила тебя.

Пуихл был приятно поражен ее словами, потому что красотой она превосходила всех девиц и всех дам, которых ему когда-либо приходилось видеть.

– Госпожа, – спросил он, – что привело тебя в наши края?

– Я же говорю, – отвечала дама, – что непременно желала встретиться с тобой.

– Для меня ничего не может быть приятнее! – воскликнул Пуихл. – Но кто ты и как тебя зовут?

– И это я скажу тебе, господин. Меня зовут Хрианон, и я – дочь Хевейта Хена. Он пожелал отдать меня замуж против моей воли, а мне не нужен никакой другой муж, кроме тебя, если ты меня не отвергнешь. Поэтому я приехала к тебе узнать твой ответ.

– Клянусь небом, у меня только один ответ. Выбирай я даже между всеми дамами и девицами на земле, я бы выбрал тебя.

– Тогда, если ты не кривишь душой, то приедешь за мной. Или меня отдадут другому.

– Чем скорее наступит день встречи, тем лучше, – сказал Пуихл. – Скажи, куда мне ехать, и не будет счастливее человека на земле, когда я сяду на коня и отправлюсь в путь.

– Ровно через год, день в день, ты должен приехать во дворец Хевейта, а я прикажу накрыть богатый стол.

– С радостью исполню твое желание.

– Господин, – сказала она на прощание, – желаю тебе быть в здравии, чтобы ничто не помешало тебе исполнить обещание. А теперь мне пора в обратный путь.

На этом они расстались, и Пуихл возвратился к своим воинам, однако, сколько они ни пытали его, он не отвечал на их расспросы, переводя разговор на другие темы.

Миновал год, и Пуихл, призвав к себе сто рыцарей, приказал им облачиться в доспехи и сопровождать его во дворец Хевейта Хена.

Там Пуихла с превеликой радостью встретило множество людей. Они не пожалели сил и приготовились, как могли, к его приезду. Весь дворец был отдан в его распоряжение.

В празднично убранной пиршественной зале уже накрыли столы, и все поспешили рассесться по своим местам: Хевейт Хен по правую руку от Пуихла, Хрианон – по левую, а остальные согласно своему званию. Все ели, пили и веселились, когда в шелковых королевских одеждах в зал вошел юноша и обратился с приветствием к Пуихлу и его воинам.

– Да будет небо благосклонно к тебе, – ответил ему Пуихл. – Найди себе место и садись с нами.

– Нет, – отказался юноша. – Я пришел сюда просителем, и потому не откажи выслушать меня.

– Говори.

– Господин, у меня к тебе просьба.

– Проси чего хочешь. Я ни в чем не откажу тебе.

– Ах! – воскликнула Хрианон. – Зачем ты так ответил?

– Он уже ответил, и все его слышали, – возразил ей юноша.

– Чего же ты хочешь? – спросил Пуихл.

– Дама, которую я люблю всем сердцем, собирается стать твоей женой, но я прошу тебя, отдай мне ее вместе с праздничным пиром, который будет сегодня во дворце.

Пуихл долго молчал.

– Молчи не молчи, ничего не поделаешь, – заявила Хрианон. – Ни один муж на земле еще не поступал глупее тебя.

– Госпожа, – отвечал ей Пуихл, – я же не знал, кто он такой.

– Так знай, что это ему – Гваулу, сыну Клида, – хотят меня отдать против моей воли. У него много земель и много воинов, и тебе придется подчиниться, иначе ты покроешь себя позором.

– Госпожа, мне непонятны твои речи. Никогда я не сделаю так, как ты говоришь.

– Отдай меня ему, а я обещаю, что никогда не буду ему принадлежать.

– Как ты это устроишь?

– Я дам тебе небольшой мешок, но смотри не потеряй его. Когда же Гваул попросит у тебя еды, и вина, и всего, что будет на пиру, скажи, что не ты владелец этого, потому что я устроила пир для воинов и придворных. Таким должен быть твой ответ. Что же до меня, то мне придется обручиться с ним, и я буду его невестой ровно год, а через год, день в день, ты явись сюда с мешком. Возьми с собой сто воинов и спрячь их в саду. Когда веселье будет в самом разгаре, войди в залу – но не забудь надеть нищенские лохмотья и захватить мешок – и попроси у Гваула еды. Только еды, и больше ничего, а я уж позабочусь, чтобы вся еда и все вино из семи округов перешли в твой мешок, но чтобы с виду он казался пустым. Когда столы опустеют, Гваул спросит тебя, полон ли твой мешок, а ты ему отвечай, что мешок не будет полон, пока какой-нибудь знатный и богатый господин не поднимется из-за стола и ногами не утрамбует его со словами: «Довольно уж тут всего». Не беспокойся, я заставлю Гваула подойти к тебе, а ты не зевай, поскорее запихни его в мешок с головой и покрепче завяжи. Потом хватай свой охотничий рог и труби что есть мочи. Пусть твои воины немедленно бегут во дворец.

– Господин, – не утерпел Гваул, – отвечай же мне.

– Как я сказал, так и сделаю.

– Господин, – сказала тогда Хрианон, – пир я приготовила не для тебя, а для воинов Даведа и наших воинов. Его нельзя подарить. Через год, возможно, я приготовлю пир для тебя и тогда по-настоящему стану твоей женой.

Гваул завладел своей добычей, а Пуихл ни с чем возвратился в Давед. Прошел год. Наступил назначенный день. Гваул, сын Клида, явился к Хевейту Хену на свой пир и был принят с почетом. И Пуихл, вождь Аннувина, тоже прискакал к Хевейту Хену и спрятал сто воинов, как велела ему Хрианон. Не забыл он и о мешке, и о ветхих лохмотьях, и о дырявых сапогах.

Дождавшись, когда веселье войдет в полную силу, он переступил порог пиршественной залы и поклонился Гваулу, сыну Клида, и всем дамам и мужам, что сидели за столами.

– Господь с тобой, – сказал Гваул.

– Господин, небеса не оставят тебя своими заботами, если ты исполнишь мою просьбу.

Гваул согласился его выслушать, но сказал:

– Я с радостью исполню твою просьбу, если она будет разумной.

– Мне не много нужно, лишь наполни мясом этот небольшой мешок.

– Твоя просьба разумна, и я с радостью исполню ее. Принесите ему мяса.

Многие гости повскакали со своих мест и принялись наполнять мешок. Но не тут-то было. Они и дна не прикрыли своими приношениями.

– Скажи, а твой мешок не бездонный? – спросил Гваул.

– Нет, клянусь небом. В него не так много и помещается, если только богатый и знатный господин не побрезгует влезть в него и утоптать его со словами: «Довольно уж тут всего».

Хрианон не стерпела:

– Поднимайся, Гваул, сын Клида, и побыстрее.

Гваул не стал ей противоречить и забрался в мешок с ногами. Пуихл быстро затянул мешок, покрепче завязал веревки и затрубил в рог. Его воины тоже не заставили себя ждать, и скоро весь дворец был в их руках. Воинов Гваула они бросили в темницу, а Пуихл тем временем снял с себя лохмотья и драные сапоги. Когда он со своими воинами возвращался в пиршественную залу, каждый из них, заходя, ударял по мешку и спрашивал:

– Кто там?

А потом сам себе отвечал:

– Барсука поймали.

Так они забавлялись, и ни один не упустил случая стукнуть по мешку ногой или палкой. Если кто входил в залу, то непременно спрашивал:

– Что за игру вы затеяли?

И они отвечали:

– Мы играем в «барсука в мешке».

Вот так и появилась эта игра, о которой прежде не знали.

– Господин, – сказал тот, кто сидел в мешке, – послушай меня, ибо я большего стою, чем быть забитым тут до смерти.

– Он правду говорит, господин, – подтвердил Хевейт Хен. – Послушай его, хуже не будет.

Пуихл согласился.

– Послушай и моего совета, – сказала Хрианон. – Тебе сейчас надо заплатить много денег и просителям, и менестрелям, так пусть он заплатит им вместо тебя. И еще возьми с него клятву, что он никогда не будет мстить тебе за сегодняшнее. Этого довольно.

– Я все сделаю, – с радостью крикнул из мешка Гваул.

– Что ж, тогда и я с радостью заключу с тобой мир, как советуют мне Хевейт и Хрианон.

– Да, так мы тебе советуем, – подтвердили они.

– Принимаю, – сказал Пуихл. – Ищи себе поручителей.

– Мы будем его поручителями, – сказал Хевейт, – пока его люди не выйдут на свободу.

После этого выпустили из мешка Гваула, сына Клида, и его воинов – из темницы.

– Теперь потребууй, чтобы он назвал заложников, – сказал Хевейт, – которые останутся вместо него.

Хевейт сам подсказал Пуихлу, кого лучше взять, чтобы Гваул не обманул его.

– Давай заключим договор, – предложил Гваул.

– Мне довольно того, о чем говорила Хрианон, – ответил ему Пуихл.

Но они заключили договор и вписали в него пункт о заложниках.

– Поверь, господин, я так сильно избит, что мне требуется лекарь, столько ссадин и синяков у меня на теле. Позволь мне покинуть дворец, ведь я оставляю вместо себя рыцарей, которые все сделают, что ты им прикажешь.

– Я не против, – сказал Пуихл. – Иди.

И Гваул отправился восвояси.

И пиршественная зала, и дворец уже были убраны и готовы принять Пуихла с его воинами. Они немедленно уселись за столы, как сидели ровно год назад, и стали есть-пить и веселиться, а когда наступило время идти спать, Пуихл и Хрианон вместе удалились в свои покои.

Наступило утро.

– Мой господин, – сказала Хрианон, – поднимись и одари менестрелей. Сегодня никому не отказывай.

– С превеликим удовольствием, – ответил ей Пуихл, – и сегодня, и завтра, и во все дни, что мы будем пировать.

Пуихл приказал всем замолчать, а просителям, менестрелям подходить по одному и называть, какие подарки им хотелось бы получить. Потом все опять уселись за столы, и веселье

продолжалось своим чередом. Пока не кончился пир, Пуихл не отверг ни одну, даже самую малую просьбу.

Потом он сказал Хевейту:

– Мой господин, с твоего разрешения завтра я отправляюсь домой в Давед.

– Отправляйся, и пусть с тобой будет удача. Только назначь день, когда Хрианон должна последовать за тобой.

– Мы едем вместе.

– Таково твое желание, господин? – спросил Хевейт.

– Да, клянусь небом, – ответил Пуихл.

На другой день Пуихл и Хрианон выехали в Давед и нигде не останавливались, пока не показался дворец в Нарберте, а там уж их ждали по-праздничному накрытые столы. Множество знатных мужей и жен приехали их поздравить, и всем Хрианон припасла богатый подарок: браслет, кольцо или драгоценный камень.

Два года правили Пуихл и Хрианон своим королевством, богатея день ото дня и ни о чем не тревожась.

На третий год призадумались воины Пуихла, отчего это у их любимого вождя и названного брата до сих пор нет наследника, и порешили они поговорить с ним, а для этого выбрали город Преселай, что тоже в Даведе.

– Господин, – сказали они, – увы, ты уже не так молод, как некоторые из нас, и мы боимся, что с этой женой у тебя не будет наследника. Возьми себе другую жену, и пусть она родит тебе сыновей. Не вечно ты будешь с нами, и, хоть ты любишь свою жену, придется тебе подчиниться.

– Не так уж долго она моя жена, – возразил им Пуихл. – Все еще может быть. Дайте мне год, а потом я сделаю, как вы пожелаете.

Рыцари согласились.

Год был на исходе, когда Хрианон родила мальчика, который появился на свет в Нарберте. В ту ночь, когда Хрианон рожала, много женщин собралось во дворце, чтобы ухаживать за матерью и младенцем, и все они спали, и Хрианон вместе с ними. Шесть женщин, что были в покое Хрианон, изо всех сил боролись со сном, но к полуночи все-таки заснули и пробудились только на рассвете. Пробудились – и не нашли младенца.

– Ой! – вскрикнула одна из женщин. – Мальчика нет!

– Нет! – испугалась другая. – Даже если нас убьют, нам и этого мало за наше ротозейство!

– Неужели ничего нельзя сделать? – заплакала третья.

– Можно, – заявила четвертая.

– Что же? Что? Что? – загалдели все разом.

– Недавно оценилась борзая. Надо взять у нее пару щенков, убить их, вымазать лицо и руки Хрианон кровью, а вокруг разбросать собачьи кости. Скажем, она сама убила своего сына, и ей ни за что не поверят, потому что она одна, а нас шестеро.

Так они и сделали.

Хрианон проснулась и спросила:

– Где мой сыночек?

А ей ответили:

– Госпожа, не спрашивай нас о своем сыне. Бог знает сколько синяков и ссадин заработали мы, сражаясь с тобой, потому что никогда еще не видели женщину сильнее тебя. Разве не ты убила и съела своего сына? И не вздумай обвинять нас в его смерти!

– Стыда у вас нет, но Бог все видит, – ответила им Хрианон. – Ваши обвинения лживы. Наверное, вы все напридумывали из страха, но клянусь Божьим именем, что не оставлю вас в беде.

– Не будем мы брать на себя чужую вину.

– Не надо брать на себя ничью вину, просто скажите правду.

Как ни умоляла Хрианон своих прислужниц, как ни грозила им Божьей карой, они упорно стояли на своем.

Наконец проснулся Пуихл и следом за ним все его воины и вся прислуга во дворце. От него ничего нельзя было скрыть, потому что злая весть уже распространилась по стране и о ней узнали все, кому надо и не надо было знать. Рыцари явились к Пуихлу и потребовали, чтобы он прогнал от себя жену, так как она совершила великое преступление. Пуихл же им ответил, что они имеют право требовать этого, только если его жена бесплодна.

– Она родила мне сына, поэтому я не прогоню ее, а если она совершила преступление, то пусть понесет за него наказание.

Хрианон послала во все стороны гонцов, чтобы они привели к ней учителей и мудрецов, но так как она решила не вступать в спор со своими прислужницами, то ей пришлось подвергнуться наказанию. Семь лет она должна была оставаться в Нарберте и семь лет изо дня в день сидеть у коновязи рядом с воротами и всем, кто проходил мимо, рассказывать о своем преступлении, а если кто из стражников или гостей желал, то на своей спине нести их во дворец. Правда, таких почти не находилось.

Прошло несколько месяцев.

В то время в Гвент Ис Койде правил Тайрнион Турив Влиант, и разумнее его не было рыцаря на всем свете. На конюшне у него жила самая красивая на земле кобыла. В первую ночь мая она всегда жеребилась, но никто ни разу в глаза не видел ни одного из ее жеребят.

И вот Тайрнион сказал жене:

– Жена, не кажется тебе странным, что наша кобыла каждый год жеребится, а мы еще ни разу не видели ни одного жеребенка?

– Что же поделаешь!

– Наступает ее время, – продолжал Тайрнион, – и пусть проклянут меня небеса, если я все не разужаю.

Он приказал привести кобылу во дворец, а сам вооружился и стал ждать ночи. Не долго ему пришлось ждать, потому что вскоре на свет появился большой и красивый жеребенок. Он стоял на длинных ножках, и Тайрнион, не в силах превозмочь любопытство, подошел к нему, но не успел даже подивиться тому, какой он большой, как поднялся шум, а потом в окно просунулась лапа с когтями и схватила жеребенка за гриву. Тайрнион немедля вытащил меч и отрубил лапу, так что и жеребенок, и лапа остались при нем.

В тот же миг послышался шум и кто-то завыл. Тайрнион выскочил из дома, но никого не смог разглядеть в ночной тьме. Неожиданно он вспомнил, что оставил дверь открытой, и решил вернуться, боясь, как бы чего не случилось. У порога лежал младенец в свивальнике, и Тайрниону показалось, что он больше и сильнее, чем другие младенцы в его возрасте.

Тайрнион закрыл дверь и отправился наверх к жене.

– Госпожа, – окликнул он ее, – ты спишь?

– Нет, мой господин. Я спала, но когда ты пришел, я проснулась.

– Смотри, я принес тебе мальчика, если, конечно, ты оставишь его при себе, ведь у тебя нет детей.

– Что случилось, мой господин?

– Случилось вот что, – сказал Тайрнион и поведал ей все, как было.

– Господин, была одежда на ребенке?

– Была шелковая пеленка.

– Значит, он родился у знатных людей. С твоего позволения пусть он останется во дворце мне на радость. Сейчас я позову служанок и скажу им, что родила мальчика.

– Я согласен, – ответил Тайрнион.

Они сделали, как договорились, и без промедления окрестили мальчика, нарекли его именем Гури Вахлт Айрин, потому что волосы у него были как чистое золото.

Прошел год. Малыш крепко стоял на ножках и больше походил на трехлетнего, чем на годовалого ребенка. Прошел еще год, и ему уже можно было дать лет шесть, не меньше. А к концу четвертого года он всю одаривал конюхов, чтобы они позволяли ему купать лошадей.

– Мой господин, – спросила как-то жена Тайрниона, – а где жеребенок, которого ты спас в ту ночь, когда нашел нашего мальчика?

– Я приказал конюхам позаботиться о нем.

– Прикажи привести его и подари малышу, ведь жеребенок родился в ту же ночь.

– Что ж, я не против, – сказал Тайрнион. – Пусть его приведут.

– Да благословит тебя Бог, господин.

Так у Гури Вахлта Айрина появился свой конь. Жена Тайрниона сходила к конюхам и приказала им особенно заботиться о жеребенке, чтобы он не подвел, когда мальчику придет время сесть в седло.

Шли годы, и до дворца Тайрниона дошла весть о проступке и наказании Хрианон. Тайрнион пожалел бедную женщину и стал с тех пор всех, кто приходил к нему, расспрашивать о ней. А потом он загрустил и задумался. Все чаще и внимательнее он смотрел на своего приемного сына и находил в нем сходство с Пуихлом, вождем Аннувина, которого не раз сопровождал в походах.

Больше всего Тайрнион грустил оттого, что поступает неправильно, задерживая у себя сына Пуихла, ведь теперь он знал, кто отец Гури Вахлта Айрина. В первый же раз, когда Тайрнион остался наедине с женой, он сказал ей, что нечестно скрывать у себя чужого ребенка, когда несчастная госпожа Хрианон подвергается тяжкому наказанию, ведь им точно известно, что у них живет сын Пуихла, вождя Аннувина. Жена сразу с ним согласилась, и они порешили отослать мальчика к Пуихлу.

– Трижды мы будем в выигрыше, – сказала она Тайрниону. – Разве не отблагодарит нас Хрианон за спасение от тяжкого наказания? Разве не отблагодарит нас Пуихл за то, что мы вырастили его сына и вернули его в добром здравии? И разве мальчик, ведь он доброго нрава, сможет отказаться от своих названных родителей и не сделать для нас все, что только в его силах?

На том и порешили.

На другой день Тайрнион облачился в лучшие одежды, взял с собой двух рыцарей и мальчика, который мигом вскочил на жеребца, подаренного ему Тайрнионом, и вчетвером они тронулись в путь. Довольно быстро они добрались до Нарберта и возле дворца увидели Хрианон, покорно сидевшую у коновязи. Они приблизились к ней, и Хрианон сказала:

– О воины, остановитесь, и я всех по очереди донесу до дворца в наказание за то, что я убила своего сына.

– Прекрасная госпожа, – отвечал ей Тайрнион, – как ты могла подумать, что я позволю тебе тащить меня на себе?

– И меня не надо, – заявил мальчик.

– Правильно, мы можем сами дойти, – поддержал его приемный отец.

Путники вошли во дворец, где их приняли благосклонно, тем более что на этот день был назначен пир в честь возвращения Пуихла от границ Даведа. Они умылись с дороги, и Пуихл, не скрывая радости при виде Тайрниона, пригласил его за стол. Тайрнион сел между Пуихлом и Хрианон, рыцари Тайрниона – по другую сторону от Пуихла, и между ними – сын Пуихла.

Когда они утолили голод, то принялись петь и рассказывать всякие были и небылицы. Тут как раз Тайрнион и поведал о том, как приютил мальчика и как они с женой вырастили его, словно он был их собственным сыном.

– Госпожа, – сказал Тайрнион, обратившись к Хрианон, – вот твой сын. Тот, кто оболгал тебя, совершил злое дело. Когда весть о твоей беде дошла до нас, горько стало у меня на душе, но я подумал – любой воин сразу скажет: это сын Пуихла.

– Да, – подтвердили воины.

– Боже мой! – воскликнула Хрианон. – Если это правда, пришел конец моим мучениям!

– Госпожа, – сказал Пендаран Давед, – ты назвала своего сына Прадери, и пусть его зовут Прадери, сын Пуихла, вождя Аннувина.

– А может быть, его другое имя больше ему подходит? – возразила Хрианон.

– Как ты его назвал? – спросил Пуихл у Тайрниона.

– Гури Вахлт Айрин.

– Нет, нет, – не согласился Пендаран. – Пусть его зовут Прадери.

– Это правильно, – подтвердил Пуихл. – У мальчика должно быть имя, которое ему дала мать, когда, счастливая, в первый раз прижала его к груди.

На том и порешили.

– Тайрнион, – сказал Пуихл. – Господь воздаст тебе за все, но и наш мальчик никогда не забудет, что ты для него сделал.

– Мой господин, – отозвался Тайрнион, – моя жена выходила его и от всей души горевала, когда ей пришлось с ним расстаться. Нам хватило бы и того, чтобы он всегда нас помнил.

– Господь свидетель, – сказал Пуихл, – пока я жив, ты ни в чем не узнаешь нужды. Когда же в силу войдет мой сын, он станет заботиться о тебе. Если все согласны с моим решением, то пусть так и будет. До сих пор ты растил и учил мальчика, а теперь черед Пендарана Даведа. Придется вам подружиться, потому что отныне вы оба приемные отцы моего сына.

Никто не возразил против решения Пуихла. Мальчик отправился в замок Пендарана Даведа, и с ним вместе рыцари его отца. А Тайрнион Турив Влиант со своими рыцарями поехал домой, в свои владения, заручившись дружбой и любовью Пуихла, вождя Аннувина, и его жены Хрианон, которые хотели подарить ему множество драгоценных камней, великолепных лошадей и отборных псов, но он от всего отказался.

С тех пор все жили счастливо в своих владениях. Прадери, сына Пуихла, вождя Аннувина, растили и воспитывали с превеликим тщанием, поэтому он стал прекраснейшим юношей и самым искусным воином в королевстве.

Шли годы. Пуихл, вождь Аннувина, состарился и умер.

Прадери разумно правил семью округами Даведа, и его любили не только его подданные, но и все, кто его знал. К своим владениям он присоединил три округа Астрада Тави и четыре округа Кардигана, и они стали называться семьей округами Сайссихлуха. Когда он – Прадери, сын Пуихла, вождя Аннувина, – присоединил эти земли к своим, то пожелал взять себе жену. Больше других ему понравилась Киква, дочь Гвинна Глойва, сына Глойда Вахлта Аидана, сына короля Каснара, одного из самых знатных людей на всем острове.

На этом кончается первое сказание.

Бранвен, дочь Хлира

Бендигаид Вран, сын Хлира, стал коронованным королем острова, а прежде был лондонским королем.

Как-то после полудня он был в Харлехе, что в Ардидуи, при своем дворе, и сидел на утесе, глядя в открытое море, вместе со своим братом Манавитаном, сыном Хлира, и братьями по матери Ниссиеном и Эвнисиеном, а также многими другими знатными рыцарями. Его братья по матери приходились сыновьями Айроссвиту, а мать звали Пенардин, дочь Бели, сына Маногана. Один из братьев был добрым юношей и обыкновенно старался всех помирить в своей семье, даже когда страсти накалялись и начинали сверкать мечи. Этого юношу звали

Ниссиеном. Зато другой брат в любую минуту мог столкнуть лбами своих сородичей, хотя бы в это время между ними царили мир и покой.

Как бы то ни было, сидели они на утесе, когда тринадцать кораблей показались возле южного берега Ирландии и взяли курс прямо на них. Ветер был попутный, и корабли шли скоро.

– Я вижу вдали корабли, – сказал король. – Они быстро приближаются. Пусть все воины наденут доспехи и возьмут оружие в руки. Выясните, что им тут надо.

Рыцари облачились в доспехи и сошли на берег. Поглядев на корабли вблизи, они подумали, что не бывает ничего прекраснее на свете. В вышине развевались блестящие на солнце шелковые флаги. Помедлив, один корабль выдвинулся вперед, и на нем узким концом был поднят в небо щит – знак мира. Потом корабли подошли поближе, чтобы удобнее было спустить лодки, которые доставили на берег рыцарей, со всей почтительностью приветствовавших короля. Не сходя с утеса, король выслушал все, что они пожелали ему сказать.

– Господь с вами, – молвил он в ответ, – и добро пожаловать к нам. Кому принадлежат корабли и кто из вас старший?

– Господин, с нами прибыл Матолух, король Ирландии. Ему принадлежат все корабли.

– Зачем он прибыл к нам? – спросил король. – И собирается ли он сходить на берег?

– Господин, он прибыл к тебе с просьбой и не сойдет на берег, пока ты не исполнишь его просьбу.

– О чем это вы?

– Господин, он хочет заключить с тобой дружеский союз и просит в жены Бранвен, дочь Хлира. Если ты ему не откажешь, Могучий Остров⁴ и Ирландия станут еще сильнее.

– Что ж, – сказал король, – пусть сходит на берег, и мы обсудим с ним все, что полагается. Его слова передали Матолуху.

– Я с радостью сойду на берег, – сказал он.

На берегу его встретили с превеликим почетом и препроводили за накрытые столы. За полночь пировали вместе воины Матолуха и воины Бендигайда, а на другой день держали совет и постановили отдать Бранвен в жены Матолуху. А Бранвен была одной из трех самых знатных девиц острова и самой прекрасной из всех дам и девиц на земле.

Свадьбу решили играть в Аберффрау, и все отправились туда – Матолух со своими воинами по морю на кораблях, а Бендигайд со своими воинами по земле. В Аберффрау все сразу же уселись за праздничные столы. По одну сторону король Могучего Острова и Манавитан, сын Хлира, а по другую сторону – Матолух и рядом с ним Бранвен, дочь Хлира. Столы были накрыты под деревьями, над ними натянули шатры, потому что ни в одном доме не смогли бы с удобствами разместиться воины и гости Бендигайда Врана. Много ли, мало ли времени прошло – все ели, пили, веселились, а когда веселье стало стихать, отправились на покой, и в эту ночь Бранвен стала женой Матолуха.

На другое утро, когда все проснулись, воины Бендигайна и воины Матолуха поставили своих коней рядом, заняв весь берег от дворца до самого моря.

Случилось так, что Эвниссиен, любитель строить козни, о чем мы уже говорили, случайно забрел на то место, где стояли кони Матолуха, и спросил, кому принадлежат кони.

– Это кони Матолуха, короля Ирландии, – ответили ему, – который взял в жены твою сестру Бранвен. Это его кони.

– Неужели отдали в жены мою сестру и даже не спросили у меня совета? За что мне такое оскорбление?

---

⁴ Т. е. Британия.

С этими словами Эвнисиен скользнул между конями и кому губы порезал до зубов, кому уши чуть не до черепа, кому хвосты до самых спин, а если он мог дотянуться до лошадиных глаз, то и их как не бывало. Словом, он оставил воинов Матолуха без коней.

Воины пожаловались Матолуху, что у них нет ни одного здорового коня.

– Господин, верь нам, – сказал один из них, – тебе нанесли тяжкое оскорбление, и это сделано не случайно.

Матолух очень удивился.

– Если меня хотели оскорбить, то зачем отдали мне в жены высокородную девицу, да еще любимицу всей родни?

– Господин, ты видишь, как все обернулось. Для тебя нет другого пути, как вернуться на корабль.

Матолух, нимало не медля, поспешил на берег.

Когда до Бендигайда дошла весть, что Матолух без высочайшего позволения покинул двор, он послал к нему гонцов. Гонцами были Итик, сын Анараука, и Хевейт Хир, которые догнали Матолуха и спросили, почему он в спешке покинул короля и королевский двор.

– Сказать по правде, – ответил им Матолух, – знай я раньше, ни за что бы не приехал. Никогда еще мне не приходилось терпеть такие оскорбления. Одного только я не могу понять.

– Чего же? – спросили гонцы.

– Сначала Бранвен, дочь Хлира, одна из трех знатных дам Могучего Острова и дочь короля, стала моей женой, а потом мне нанесли оскорбление. Вот я и не понимаю, почему оскорбление было нанесено после того, как она стала моей женой.

– Господин, поверь нам, ни король, ни королевский совет не собирались тебя оскорблять, ведь оттого, что случилось с тобой, больше бесчестья Бендигайду Врану, чем тебе.

– И я так думаю, – согласился с ними Матолух. – Но теперь уже ничего не поправишь.

Гонцы возвратились к Бендигайду Врану и передали ему слова Матолуха.

– Его уже ничем не остановить, – сказал Бендигайд. – Но он сбежал как враг, и нам нельзя с этим примириться.

– Надо еще раз послать к нему гонцов.

– Правда ваша. Поднимайтесь, Манавитан, сын Хлира, и Хевейт Хир, и Иник Глев Агсвид. Скажите к Матолуху и скажите ему, что мы дадим по одному здоровому коню взамен каждого покалеченного. А кроме коней, чтобы он не держал на нас зла, мы дадим ему столько серебра, сколько он сам весит, и еще золотую тарелку с его лицо. Убедите его: то, что сделано, сделано не по моей воле, но виновник – мой брат по матери, и мне нелегко в наказание лишать его жизни. Уговорите Матолуха возвратиться, и мы заключим с ним мир на любых условиях.

Гонцы отправились вслед за Матолухом и постарались держаться с ним как можно приветливее, пока передавали ему послание короля.

– Я созову совет, – ответил им Матолух.

Он ушел держать совет со своими приближенными, и они решили, что если он откажет королю Бендигайду, то позор падет на него самого, поэтому лучше ему возвратиться с миром.

Все вновь сели за пиршественные столы, как будто ничего не случилось. Бендигайд Вран и Матолух беседовали между собой, но Бендигайду показалось, что Матолух совсем не так весел, как прежде, и он подумал, что, верно, плата за оскорбление показалась Матолуху не слишком высокой.

– Послушай, – сказал Бендигайд, – что-то ты сегодня не веселишься. Если ты недоволен, то не хмурься, завтра я дам тебе все, что ты пожелаешь, не говоря уж о конях.

– Да будет с тобой милость Господня, – отозвался Матолух.

– Я дам тебе котел, но это не обычный котел. Если в него поместить мертвого, то на другой день он встанет здоровехонек, разве что никогда больше не заговорит.

Матолух обрадовался подарку и развеселился.

Наутро ирландскому королю вручили всех коней, какие были в конюшне, а потом его повезли в другое место, где ему дали столько жеребят, сколько не хватило коней, и с тех пор это место называют Талеболион.

На другой вечер они опять сидели рядом за пиршественным столом.

– Господин, – спросил Матолух у Бендигайда, – кто дал тебе котел, который ты подарил мне?

– Его дал мне чужеземец, который побывал в наших краях, с условием, что я смогу его подарить, если захочу, но тоже чужеземцу.

– Как звали того чужеземца?

– Хлайсар Хлайсгивневид из Ирландии. Он был со своей женой Камедай Камайнвохл, которая убежала из Железного дома в Ирландии, отчего под ногами у них горела земля, и им пришлось искать у нас защиты. Странно, что ты не слышал об этом.

– Нет, кое-что я слышал и могу рассказать тебе. Как-то раз я охотился в Ирландии и оказался возле озера, которое называется Котел-озеро. В это время из него выходил великан с рыжими волосами, тащивший на спине котел. Он был широк в плечах и страшен на вид, и следом за ним шла женщина. Но если мужчина мне показался великаном, то женщина была раза в два выше его и шире. Они подошли ко мне и поздоровались.

«Куда вы держите путь?» – спросил я.

«Через один месяц и две недели, – ответил мужчина, – у этой женщины родится сын. И этот сын, который родится через один месяц и две недели, будет вооруженным на битву воином».

Я пригласил их к себе во дворец. Прошел год. Все было хорошо. А потом среди моих подданных поднялся ропот. Люди не хотели, чтобы великаны жили под моей опекой, потому что не прошло и трех месяцев, как они своими бесчинствами вызвали к себе всеобщую ненависть. Мой народ не стерпел и потребовал, чтобы я расстался с ними, чтобы выбрал между ними и своими владениями. Я созвал совет, потому что не знал, как избавиться от великанов, ведь по своей воле они ни за что не покинули бы мой дом, а выгонять их против их воли означало ввязываться в драку. Словом, мои советники придумали соорудить комнату из железа. Когда же комната была готова, то собрались все кузнецы и вообще все мужчины, способные держать в руках молоток и пилу, и натаскали такую кучу угля, что она была выше потолка. Мужчина-великан, женщина, их дети вошли в комнату, и им принесли много всякой еды и много вина. Они сели есть и пить, а когда они напились допьяна и уснули, мои люди разожгли уголь и поддерживали огонь, пока железо не покраснело. Мы слышали, как они держали совет. Мужчина не желал сдаваться, но, когда железо побелело, он рванулся и выбил стену плечом. Жена тоже выскочила следом за ним, и больше мы их не видели. Вот он-то, наверно, – сказал Матолух, – и явился к тебе.

– Наверно, – подтвердил Бендигайд Вран. – И он подарил мне котел.

– Как ты их встретил?

– Я расселил их по разным местам, и они быстро расплодились. Сейчас живут себе припеваючи, охраняют мое королевство и служат мне верой и правдой.

В тот вечер Матолух и Бендигайд много говорили друг с другом, не забывая время от времени слушать менестрелей, да и о других развлечениях тоже, а когда спать им захотелось больше, чем веселиться, они отправились по своим покоям. Пир продолжался и на другой день, и на третий, а потом Матолух взошел на свой корабль и отплыл вместе с Бранвен в Ирландию. Тринадцать кораблей вышли в море в Абер Менае.

В Ирландии обрадовались возвращению короля. Всем хотелось взглянуть на королеву Бранвен, и она никого не отпустила без подарка: колечка, или браслета, или драгоценного камня, который не стыдно показать, выходя от королевы. Так прошел год. Бранвен была счаст-

лива в Ирландии, где все ее почитали и любили. Тем временем она забеременела и в положенное время родила сына, которого назвали Гверн, сын Матолуха, и отдали на воспитание таким приемным родителям, о которых можно только мечтать.

А на другой год в Ирландии вдруг поднялся шум из-за обиды, нанесенной Матолуху в Камбрии⁵. Его названные братья, по крайней мере те, что были к нему ближе других, открыто бранили его, и у него не было другого способа добиться мира в собственном доме, как только разрешить им отомстить за себя. А они придумали изгнать Бранвен из королевских покоев и заставить ее стряпать на весь двор, да еще приказали мяснику каждый день после того, как он покончит с рубкой мяса, подходить к ней и бить ее в ухо. Такое они придумали ей наказание.

– Господин, – говорили Матолуху его советники, – запрети своим кораблям и лодкам заходить в Камбрию, а если к нам придет корабль из Камбрии, брось всех, кто на нем будет, в темницу, чтобы в Камбрии ничего не узнали о наших делах.

Матолух послушался своих советников и поступил, как они сказали. Так прошло три года.

Бранвен же поселила в крышке, которой накрывали квашню, скворца, научила его говорить и рассказала ему о своем добром брате. А потом она написала письмо и не стала скрывать, какие горести и унижения ей приходится терпеть в доме мужа. Привязав письмо к крылу скворца, она велела ему лететь в Британию, и скворец, благополучно одолев все препятствия, отыскал Бендигада Врана в Арвоне, где тот держал совет, сел ему на плечо и расставил крылья, чтобы Бендигаид обратил внимание на письмо. Все поняли, что это не простой скворец.

Бендигаид Вран взял письмо, и, когда прочитал его, великая печаль охватила камбрийца из-за мучений Бранвен. Нимало не медля, он разослал гонцов в разные стороны, чтобы поскорее собрать большой совет. На совете Бендигаид поведал о страданиях дочери Хлира, и решено было плыть в Ирландию, а в Британии оставить семь королей и над ними Карадаука, сына Брана, и чтобы жили они в Эдейрнионе. Бендигаид Вран со своими рыцарями взошел на корабль и отправился в путь. Тех же, кто остался вместо него, звали Карадаук, сын Брана, и Хевейт Хир, и Иник Глев Асгвид, и Итик, сын Анараука Гвахлтгруна, и Фодор, сын Эрвихла, и Гулх Минаскурн, и Хлассар, сын Хлайсара Хлайсгивневида. С ними был еще юный паж Пендаран Давед. Они все вместе правили островом, а главным над ними был Карадаук, сын Брана.

Бендигаид Вран с воинами отплыл в Ирландию и быстро добрался до мелкой воды при слиянии двух рек, Хли и Архана, как их тогда называли. Там королю пришлось оставить корабль и на себе перетащить поклажу на берег Ирландии.

На берегу их увидели свинопасы Матолуха, которые тотчас отправились к своему королю.

– Привет тебе, господин, – сказали они.

– Господь с вами, – отозвался Матолух. – Какие несете новости?

– Господин, у нас для тебя необычная новость. На море, на том месте, где раньше не было ни травинки, теперь вырос целый лес.

– Это и вправду чудо. Видели вы еще что-нибудь?

– Видели, господин, высокую гору возле леса, которая не стояла на месте, а на вершине горы гребень и по обе стороны от него по озеру. И лес, и гора, и все там все время движется.

– Воистину, – изумился Матолух, – из нас никто об этом не знает, разве что Бранвен.

И он послал гонцов за Бранвен.

– Госпожа, – спросили они, – знаешь ли, о чем говорят эти люди?

– Мужички с Могучего Острова приплыли сюда, ибо они прослышали о моих бедах.

– О каком это лесе говорят свинопасы?

– О корабельных мачтах, – ответила она.

– А что за гора рядом с кораблями?

---

⁵ Камбрия – одно из названий Уэльса.

– Это Бендигайд Вран, мой брат, который добрался до малой воды. Ни одному кораблю не под силу перевезти его по ней, слишком он тяжел.

– О каком гребне они говорят и о каких озерах?

– В Ирландию он прибыл в гневе. Гребень – это нос, а глаза – озера.

Воины Ирландии в спешке собрались на совет и стали думать, как им быть с Бранвен и Бендигайдом.

– Господин, – сказали они Матолуху, – нам ничего не остается, как перейти реку Линон и обрушить мост, чтобы брат твоей жены не мог пересечь ее. Ибо на дне этой реки лежит огромный валун, который притягивает корабли, и ее не одолеет даже маленькая лодка.

Ирландцы ушли за реку и обрушили мост.

Бендигайд Вран со своими кораблями и рыцарями явился следом за ними на то место, где раньше был мост.

– Господин, – сказали его вожди, – нам известна эта река, и через нее без моста нельзя перейти. Говори, что нам делать.

– Нечего мне сказать вам. Но кто хочет быть вождем, будет и мостом. Так что мостом буду я.

В первый раз такое было сказано в Британии, а потом уж многие повторяли.

Бендигайд в самом деле лег поперек реки, и на него положили доски, по которым все его воинство перешло на другой берег.

Когда же он вновь поднялся на ноги, его уже поджидали гонцы от Матолуха. Они с почтением приветствовали Бендигайда и сказали, что их повелитель не держал в голове дурных мыслей.

– Матолух отказался от своего королевства в пользу Гверна, сына Матолуха, твоего племянника и сына твоей сестры, и тем он заплатил за зло, причиненное Бранвен. И еще Матолух согласен поселиться, где ты ему скажешь, будь то в Ирландии или на Могучем Острове.

– Я могу отобрать у него королевство и без его согласия, – заявил Бендигайд Вран. – А если нет, вот тогда будем держать совет. Таково мое слово, и другого не ждите.

– Если у нас будет приятная весть для тебя, мы немедленно сообщим, – заверили его гонцы. – А ты подожди нашего ответа.

– Идите, – приказал им король, – да возвращайтесь побыстрее.

Гонцы в мгновение ока были у Матолуха.

– Господин, приготовь что-нибудь получше для Бендигайда Врана, а то он и слушать нас не хочет.

– Друзья мои, что вы мне посоветуете?

– Господин, только одно. До сих пор никто не слышал, чтобы у него был настоящий дом. Так почему бы тебе не построить дом? И пусть на одной половине поселится он со своими воинами, а на другой – ты со своими воинами. Да еще откажись от своего королевства и воздай ему положенные почести. Тогда, может быть, он заключит с тобой мир.

Гонцы отправились обратно к Бендигайду Врану.

Он держал совет, и на совете было решено, что он согласен на предложение Матолуха. Бранвен сама уговаривала его, потому что ей не хотелось, чтобы воины Бендигайда разрушили ее королевство.

Мир был заключен. Дом построен. Он получился большой и крепкий.

Однако ирландцы задумали недоброе. Они решили якобы украсить дом, прикрепив к каждой из ста колонн по два резных крюка, а на каждом крюке висело по кожаному мешку, а в каждом мешке сидел вооруженный воин. Но первым во главе войска Могучего Острова явился Эвнисиен и, обшарив острым взглядом все углы, заметил мешки на колоннах.

– Что в этом мешке? – спросил он у ирландцев.

– Мясо, господин, – ответили они.

Эвнисиен долго щупал мешок, пока не нащупал человеческую голову, и так сжал ее, что треснул череп. Тогда он оставил этот мешок и перешел к следующему.

– Что тут? – спросил он у ирландцев.

– Мясо, – ответили они.

С воином в этом мешке Эвнисиен поступил точно так же, как с воином в первом мешке, и так же он поступил с остальными воинами – всего двумястами, кроме одного.

Подойдя к последнему мешку, опять спросил, что в нем.

– Мясо, – ответили ирландцы.

Эвнисиен вновь принялся ощупывать воина, пока не добрался до его головы, и, хотя на голове у него оказался шлем, Эвнисиен все равно его убил. Потом он запел:

Другое мясо в этом мешке,
Не такое, как в остальных,
Его можно брать в битву.

Воины вошли в дом: ирландцы – с одной стороны, а воины с Могучего Острова – с другой. Они расселись и приступили к переговорам. В конце концов королем провозгласили сына Матолуха и Бранвен. Едва заключили мир, Бендигайд Вран позвал мальчика к себе. Потом мальчик подошел к Манавитану. Всем воинам он понравился. А когда после Манавитана он, радостный, подошел к Ниссиену, сыну Айроссвита, обидевшись, спросил Эвнисиен:

– Почему мой племянник и сын моей сестры не подходит ко мне? Король он Ирландии или нет, я все равно люблю его.

– С удовольствием посылаю его к тебе, – молвил Бендигайд Вран, и мальчик весело подошел к Эвнисиену.

«Клянусь небом, – сказал про себя Эвнисиен, – я сейчас совершу убийство».

Не успели мужи опомниться, как он схватил мальчика за ноги и сунул головой в самый огонь. Бранвен, сидевшая между братьями, увидела, что ее сын горит, и тоже бросилась в огонь, но Бендигайд Вран успел одной рукой схватить ее, пока другой рукой нащупывал свой щит. Все, кто был в доме, забегали и закричали, и воины стали торопливо надевать на себя доспехи.

Пока воины занимались доспехами, Бендигайд Вран прикрывал Бранвен щитом, прижав ее к груди.

Ирландцы разожгли костер под котлом и стали складывать в него убитых, пока котел не наполнился доверху, и на другой день все их воины были в строю, разве что говорить они уже не могли. Когда Эвнисиен увидел, сколько полегло воинов Могучего Острова, которых никто не думал оживлять, он воскликнул в сердцах:

– Горе мне! Великую беду я навлек на Могучий Остров! Пусть небо покарает меня, если я не найду достойный выход!

Он лег среди мертвых ирландцев, и два необутых ирландских воина положили его в котел, приняв за своего, а он, вытянувшись, поднатужился, сколько хватило сил, и котел распался на четыре части; правда, сердце Эвнисиена тоже не выдержало и разорвалось.

Благодаря ему воины Могучего Острова не были побеждены, но и победителями они не стали, ибо лишь семеро из них избежали смерти, и даже Бендигайд Вран был ранен отравленной стрелой в ногу. Спаслись же Прадери, Манавитан, Глиная Айл Таран, Талиесин, Анаук, Гридиен, сын Мириела, и Хайлин, сын Гвинна Хена.

Бендигайд Вран приказал, чтобы ему отрубили голову.

– Возьмите мою голову, – сказал он, – отнесите ее на Белую гору в Лондоне и похороните ее там лицом к Франции. Долгий путь ждет вас впереди. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и вам будут петь птицы Хрианон. Моя голова не станет вам в тягость, как не была никогда. В Гвалесе, что в Пенвро, вы проживете без забот сорок лет и еще сорок лет, и голова будет

целой и невредимой, но когда вы откроете дверь в сторону Абер Хенвелена и Корвахла, тогда не медлите и собирайтесь в путь, чтобы похоронить мою голову в Лондоне.

Воины отрубили голову Бендигайду Врану, и все семеро отправились в обратный путь. Бранвен была восьмой. Они добрались до Абер Алау в Талеболионе и присели отдохнуть, когда Бранвен отыскала глазами Ирландию, потом Могучий Остров и заплакала.

– Горе мне! Зачем я, несчастная, родилась на свет, если из-за меня погибли два острова!

Она громко застонала, и горе разбило ей сердце. Воины вырыли могилу, насыпали над ней четырехгранный холм и оставили Бранвен лежать на берегу Алау.

Потом все семеро пошли дальше в Харлех и не забыли взять с собою голову своего короля. По дороге они встретили множество мужчин и женщин.

– Кто теперь над вами король? – спросил их Манавитан.

– Касвахлаун, сын Бели, захватил Могучий Остров и сел королем в Лондоне.

– А что случилось с Карадауком, сыном Брана, и семью рыцарями, оставленными править островом?

– Касвахлаун напал на них и убил шестерых. У Карадаука же сердце разорвалось от горя. Он видел меч, убивавший его сотоварищей, но не видел, кто держит меч, потому что Касвахлаун надел на себя чудесное покрывало, чтобы никто не видел, как он убивает законных правителей, но меч-то был виден всем. Да и Касвахлаун был рад, что ему не пришлось убивать Карадаука, потому что он – сын его двоюродного брата и его племянник.

Карадаук был уже третьим, чье сердце, не выдержав горя, разорвалось в одночасье.

– Пендаран Давед, – рассказывали люди, – юный паж, оставленный со взрослыми мужами, убежал в лес и тем спасся.

Воины пошли дальше в Харлех и там остановились на отдых, достали мясо, вино и едва сели на землю, как к ним прилетели три птички и запели песню, с которой ни одна не сравнится в сладкозвучии. Хотя на самом деле птицы были далеко от берега, воинам казалось, что они совсем рядом, и они заслушались их. Так прошло семь лет.

Через семь лет воины направились в Гвалес, что в Пенвро. Там они нашли красивое место прямо над морем, а внизу большую пещеру и в ней три двери, из которых две были открыты, а третья закрыта, потому что из нее открывался вид на Корнвахл.

– Смотрите, – сказал Манавитан, – эту дверь не трогайте.

Всю ночь они пировали и веселились, но что ели и что пили – не запомнили. Не запомнили они и песни, которые слышали в эту ночь, зато забыли о своих печалях. Восемьдесят лет, пируя и веселясь, они прожили в Гвалесе, ни разу не наскучив этой жизнью. Никто из них не считал пройденных лет и не задумывался, почему с ними голова Бендигайда Врана, а не он сам.

Однажды Хайлин, сын Гвинна Хена, не выдержал и сказал:

– Я не я буду, если не открою дверь и не посмотрю, что там за нею.

Он открыл дверь и увидел Корнвахл и Абер Хенвелен. Сразу же рыцари вспомнили обо всех своих бедах и обо всех друзьях и товарищах, погибших в Ирландии. Вспомнили они и о злой участи своего короля. Больше они не могли медлить и тотчас отправились в Лондон. Они похоронили голову Бендигайда Врана на Белой горе, и это была уже третья могила на их пути, и самая несчастливая из всех, потому что ее потом разрыли, а пока ее не разрыли, ни один чужеземец не ступил ногой на эту землю, не захватил ее и не подчинил своей воле.

Такова история рыцарей Могучего Острова, отправившихся в Ирландию.

В Ирландии же никого не осталось в живых, кроме пяти женщин на сносях, успевших спрятаться в пещере в Ирландской пустоши. В одну и ту же ночь все они разродились здоровыми сыновьями, которых бережно растили, пока они не превратились во взрослых мужей и не задумались о том, что пора им обзаводиться женами. Каждый из пяти юношей взял в жены мать своего друга, и они стали править страной и населять ее.

Пятеро юношей поделили между собой Ирландию, и как они поделили ее, так она поделена и до наших дней. Осмотрев земли, где раньше шли сражения, юноши отыскивали там много золота и серебра.

Так заканчивается второе сказание, в котором рассказывается о несчастье Бранвен, ставшем третьим несчастьем для острова, а также о великом веселье Брана, когда воины ста сорока стран и еще десяти отправились в Ирландию отомстить за обиду Бранвен, а также о семилетнем пире в Харлехе, о птицах Хрианон и о голове короля, похороненной спустя восемьдесят лет после его смерти.

Манавитан, сын Хлира

Когда семеро мужей, о которых мы говорили, похоронили голову Бендигайда Врана на Белой горе в Лондоне, положив ее лицом к Франции, Манавитан посмотрел на Лондон и на своих товарищей и тяжело вздохнул, так у него было безрадостно на сердце.

– Горе мне, Господь Всемогущий! – вскричал он. – Один я на всей земле сегодня без крова!

– Господин, – сказал Прадери, – не печалься. Король Могучего Острова – твой двоюродный брат, и хотя он несправедливо поступил с тобой, ты ведь никогда не претендовал на его земли и владения. Не первого тебя он лишил наследства, а третьего.

– Ты прав, хоть и горько мне видеть его на месте Бендигайда Врана. Никогда я не смогу жить с ним в одной стране.

– Послушай моего совета, – попросил Прадери.

– Слушаю, если тебе есть что сказать.

– В моем владении семь округов, – продолжал Прадери, – и там живет моя мать Хрианон. Я дам ее тебе в жены и дам семь округов в придачу, и хоть сейчас у тебя ничего нет, прекраснее этих семи округов все равно ничего не будет. Моя жена – Киква, дочь Гвинна Глойва. Но эти семь округов я получил в наследство и могу отдать их тебе и Хрианон, если тебя мучает то, что у тебя ничего нет.

– Спасибо, вождь. Господь вознаградит тебя за твою дружбу, но я отказываюсь от твоих владений.

– Я покажу тебе, что такое дружба, если ты мне позволишь.

– Позволю, друг, и Господь вознаградит тебя. Я пойду с тобой, чтобы повидаться с Хрианон и взглянуть на твои земли.

– И хорошо сделаешь, – обрадовался Прадери. – Поверь мне, ты никогда не встречал более сладкоречивой дамы, и красавицей она была на диво в свои лучшие годы. Она и теперь прекрасна.

Они отправились в путь, и, как ни длинна была дорога, в конце концов они добрались до Даведа, а в Нарберте счастливые Хрианон и Киква сразу же приказали готовить пир. Манавитан заговорил с Хрианон, и чем дольше он говорил с ней, тем больше она ему нравилась, и он думал, что никогда еще ему не случалось видеть даму красивее, чем Хрианон.

– Прадери, – заявил он, поразмыслив. – Я сделаю, как ты сказал.

– А что он сказал? – спросила Хрианон.

– Госпожа, – ответил Прадери, – я предложил тебя в жены Манавитану, сыну Хлира.

– Мне радостно слышать твои слова, – не стала возражать Хрианон.

– И я тоже рад, – сказал Манавитан. – Пусть Господь вознаградит того, кто умеет быть настоящим другом.

Еще не кончился пир, как Хрианон стала его женой.

– Празднуйте и пируйте, – сказал Прадери, – а я отправляюсь в Хлойгир засвидетельствовать мое почтение Касвахлауну, сыну Бели.

– Господин, – возразила Хрианон, – Касвахлаун сейчас в Кенте, и ты можешь еще попить с нами, пока он не вернется оттуда.

– Я подожду, – согласился Прадери.

Кончился пир, они объехали весь Давед, много охотились и развлекались, как могли. Обозревая свои владения, они с каждым днем убеждались, что нигде нет земли красивее, охоты лучше, меда и рыбы больше, и так подружились все четверо, что им и в голову не приходило расстаться хотя бы ненадолго.

Тем не менее Прадери съездил-таки в Оксфорд к Касвахлауну и был у него дорогим гостем, и все славили Прадери за то, что он приехал засвидетельствовать королю свое почтение.

После возвращения Прадери и Манавитан вновь принялись за пиры и веселье. Главный пир был устроен в Нарберте, ибо там находился главный дворец короля и там его короновали на правление. Едва они утолили первый голод, как встали из-за стола, оставив слуг накрывать вторую перемену, и все четверо в сопровождении свиты отправились на Горсет Нарберт. Они отдыхали там, как вдруг раздался гром, словно начиналась гроза, и на землю опустился такой плотный туман, что в двух шагах ничего не было видно. Потом туман рассеялся и вновь стало светло, как прежде. Друзья посмотрели туда, где раньше паслись стада и стояли жилища, но не увидели ни дыма, ни огня, ни единого следа человеческого обитания. Дворец, правда, стоял на месте, но совершенно пустой, словно в нем никогда не жили ни люди, ни собаки. Да и на горе сидели лишь Прадери с женой и Манавитан с женой, а их свиты и след простыл.

– Господь Всемогущий, куда же все подевались? – вскричал Манавитан. – Где моя челядь и где мои воины? Надо пойти посмотреть.

Они возвратились в пиршественную залу, но там тоже никого не было. Тогда они поднялись на крепостную стену и обошли все спальни – нигде никого. Даже в кухне никого не осталось.

Четверо друзей не стали долго грустить. Они пировали, и веселились, и охотились, и исполняли все свои желания. Они обошли всю страну, заглянули в каждый дом, и везде их встречали лишь дикие звери. Рано ли, поздно ли, у них кончились запасы мяса и вина, и Манавитан с Прадери принялись охотиться и искать мед не для забавы, а ради пропитания. Так прошел один год, потом другой, и в конце концов им стало совсем нечего есть.

– Нельзя больше ждать, – сказал Манавитан. – Надо ехать в Хлойгир.

Они отправились в Хлойгир и поселились в Херефорде. Там Прадери взялся делать седла, а Манавитан золотил луки и покрывал их синей глазурью, как, он видел, делал Хлайсар Хлайсгивневид. И глазурь у него была точно такая же. Ее до сих пор называют Кахл Ласар – синяя глазурь, потому что придумал и сотворил ее Хлайсар Хлайсгивневид.

Пока Манавитан и Прадери занимались этим ремеслом, ни одно седло местных мастеров не нашло себе покупателя во всем Херефорде, и седельщики сильно приуныли из-за этого. Шутка сказать, никто не хотел у них ничего покупать, всем подавай седла чужеземцев. Тогда они собрались на совет и постановили убить Манавитана и Прадери.

Манавитан и Прадери не знали об этом, но, когда их предупредили добрые люди, они решили бежать.

– Клянусь небом, – говорил Прадери, – мы должны не бежать, а убить здешних невежд.

– Ну нет, – возразил Манавитан. – Если мы сцепимся с ними, о нас пойдет худая слава и, не дай бог, нас еще бросят в темницу. Лучше нам переселиться в другой город.

Так они и сделали.

– Что будем делать теперь? – спросил Прадери.

– Будем делать щиты, – ответил Манавитан.

– А ты знаешь, как они делаются?

– Попробуем, авось получится.

И они принялись делать щиты, вспоминая самые красивые, какие только видели раньше, и еще они покрывали их глазурью, как прежде покрывали седла. Припеваючи жили Манавитан и Прадери, зато из местных мастеров ни один не мог продать ни одного щита. К тому же Манавитан и Прадери работали быстро и за короткое время могли снабдить щитами целое войско, так что в конце концов городские мастера сошлись на совет и постановили их убить. Однако и на сей раз Манавитан и Прадери заранее об этом узнали, даже сами слышали, что говорили о них горожане.

– Прадери, – сказал Манавитан, – нас хотят убить.

– Зачем нам бежать? Давай сами нападём на них.

– Нет. Касвахлаун со своими людьми прослышит об этом и убьёт нас. Придётся нам перебраться в другой город.

Так они и сделали.

– Чем займёмся теперь? – спросил Манавитан.

– Чем тебе больше нравится, – ответил Прадери. – Мы много что умеем.

– Будем шить башмаки. Вряд ли среди башмачников найдутся храбрецы, которые захотят с нами подраться и тем более нас убить.

– Это ещё как сказать, – усомнился Прадери.

– Так и скажем, – заявил Манавитан. – Я научу тебя шить башмаки. Выделывать кожу мы не станем, купим её у торговцев, а сами будем только шить.

Они начали с того, что накупили лучшей кожи, какую только смогли найти в городе, а потом заключили договор с золотых дел мастером и заказали ему застёжки для своих башмаков, и не простые застёжки, а золочёные, причём Манавитан сам научил мастера золотить их особым способом. Так Манавитан стал мастером золотых башмачков, и с тех пор другим башмачникам не удалось сбыть ни одной пары. Башмачники скоро поняли, что им грозит разорение (потому что Манавитан кроил башмаки, а Прадери их шил, и дело у них спорилось), и тогда они, собравшись все вместе, постановили убить чужаков.

– Прадери, – сказал Манавитан, – башмачники хотят нас убить.

– Долго мы ещё будем терпеть? – возмутился Прадери. – Давай первыми нападём на них.

– Нет, мы не станем их убивать, но и в Хлойгире больше не останемся. Поедем-ка мы в Давед. Пора нам посмотреть, что там делается.

Они возвратились в Давед и сразу направились в Нарберт. Там они разожгли очаг и стали охотой добывать себе мясо. Прошел месяц. Манавитан и Прадери собрали псов со всей страны и целый год прожили в Даведе, пробавляясь охотой.

Как-то утром Манавитан и Прадери проснулись, кликнули собак и отправились в лес. Собаки бежали впереди, но едва первые из них приблизились к небольшому кусту, с виду похожему на все остальные, как поджали хвосты и опротясь бросились обратно.

– Надо посмотреть, что там, – сказал Прадери.

Когда они подошли поближе, из куста поднялся дикий кабан с белой как снег шерстью. Подбадриваемые людьми, псы бросились на него, а он, чуть подавшись назад, и не думал от них бежать, пока Манавитан и Прадери не подошли ещё ближе. Тогда он ещё немного подался назад, а потом уж пустился наутек. Они бросились за ним и бежали без передышки, пока не увидели впереди большой красивый замок, построенный на том самом месте, где, как они знали, раньше не водилось не то что людского жилья, а и порядочного камня. Вепрь вбежал в замок, собаки – за ним. Вепрь и собаки уже скрылись в замке, а Манавитан и Прадери ещё не пришли в себя от изумления. С вершины горы Горсет они высматривали своих собак, но те как сквозь землю провалились.

– Господин, – вызвался Прадери, – я пойду в замок и поищу там наших собак.

– Ну нет, – возразил ему Манавитан, – глупо так запросто идти в замок, который мы в первый раз видим. Послушай моего совета, не ходи туда. Этот замок построил тот, кто сотворил колдовство на нашей земле.

– Не могу же я бросить своих собак на произвол судьбы.

Как ни уговаривал его Манавитан, Прадери твердо стоял на своем. Когда он приблизился к стенам замка, то не увидел ни мужчины, ни женщины, ни собаки, ни вепря. Он вошел в ворота, но внутри тоже никого не было. Зато посреди залы из мраморного пола бил фонтан, а рядом с фонтаном на мраморной подставке стояла золотая чаша, и везде висели золотые цепи, конца которых не было видно.

Прадери восхитился искусной работой мастера, сотворившего чашу. Он подошел ближе и хотел было взять ее в руки, но стоило ему руками коснуться чаши и ногами – мраморной подставки, как радость покинула его, и он застыл на месте, не в силах выговорить ни слова или хотя бы пошевелить пальцем.

Манавитан ждал Прадери до самого вечера, а вечером, поняв, что не видать ему больше ни друга, ни собак, вернулся во дворец. Едва он вошел, как Хрианон спросила его:

– Где Прадери? И где собаки?

– Послушай, – ответил он, – что случилось.

И обо всем рассказал Хрианон.

– Что ты за воин, – упрекнула его Хрианон, – если бросил в беде лучшего друга.

С этими словами она покинула дворец и направилась к замку по дороге, о которой ей рассказал Манавитан. Ворота замка оказались открытыми, и Хрианон, войдя, почти сразу увидела Прадери, который держал в руке чашу. Она подошла к нему.

– Господин мой, что ты тут делаешь?

Она хотела взять у него чашу, но только коснулась ее, как приросла к мрамору и больше не произнесла ни слова. Тем временем наступила ночь, прогремел гром, на землю спустился туман, замок исчез, и они вместе с ним.

Когда Киква, дочь Гвинна Глойва, поняла, что Прадери и Хрианон не вернуться во дворец и они остались вдвоем с Манавитаном, она сильно опечалилась. Ей даже расхотелось есть и стало безразлично, жива она еще или уже умерла.

Манавитан все видел.

– Ты ошибаешься, если ведешь себя так из страха передо мной. Клянусь небом, сколько я проживу на земле, столько буду тебе верным другом. Знаешь, давным-давно я поверил Прадери, и как я дружил с ним, так буду дружить с тобой. Не бойся меня. Я призываю небеса в свидетели, что сделаю для тебя все, что в моих силах, пока Господу угодно ниспосылать на нас несчастья.

– Господь вознаградит тебя, – отозвалась Киква. – Ты правильно меня понял.

Киква вновь обрела твердость и была этому рада.

– Воистину, госпожа, не след нам оставаться тут, когда мы потеряли наших собак и не можем добыть себе еды, – сказал Манавитан. – Пойдем в Хлойгир. Там легче прокормиться.

– Так и сделаем, – согласилась Киква.

И они отправились в Хлойгир.

– Господин, – спросила Киква, – чем мы будем жить? Какое ты выберешь ремесло?

– Нечего мне больше выбирать. Буду шить башмаки, как прежде.

– Господин, – сказала тогда Киква, – это ремесло не годится для высокородного вождя.

– Ничего. Им я, по крайней мере, прокормлюсь, – ответил ей Манавитан.

Едва придя в город, он сразу же взялся за дело – стал шить башмаки и золотить застежки к ним. Сколько он ни шил башмаков, все с легкостью продавал, а остальные башмачники никак не могли сбыть свой товар с рук. Никто им ничего не заказывал, и никто у них ничего не

покупал. Так прошел год. Башмачники очень завидовали Манавитану и, не выдержав, сошлись на совет, но один добрый человек предупредил вождя о том, что башмачники хотят его убить.

– Господин, – спросила Киква, – что нам делать?

– Возвратимся в Давед, – сказал ей Манавитан.

Они опять возвратились в Давед, правда, теперь Манавитан захватил с собой мешок с зерном. Они пришли в Нарберт, и Манавитан, как никогда, обрадовался, что вновь видит землю, на которой он охотился вместе с Прадери и Хрианон. Он стал ловить рыбу и загонять оленей в лесу, а потом потихоньку принялся готовить землю и засеял одно поле, другое и третье. Никогда еще на земле не было пшеницы лучше, и таких тучных колосьев еще ни один человек в глаза не видывал.

Подшло время уборки урожая. Манавитан осмотрел свои поля.

– Завтра я буду жать, – сказал он Кикве.

Он провел ночь в Нарберте, а когда рано утром вернулся на поле, то не нашел на нем ничего, кроме ободранных стеблей. Ни один колос не осыпался на землю, все они были аккуратно срезаны и унесены неведомо куда. Манавитан очень удивился.

Он пошел на другое поле – посмотреть, как там дела.

– Я буду жать завтра, – сказал он.

Наутро он вернулся на поле, и опять оно было голым-голо.

– Господь Всемогущий! – воскликнул он. – Кто бы ни начал войну против меня, он собирается довести ее до конца и погубить вместе со мной мою страну.

Он пошел взглянуть на третье поле и увидел, что там выросла пшеница, краше которой не найти на всей земле. Тогда Манавитан сказал:

– Если я не буду беречь урожай этой ночью, опять случится беда. Тот, кто опередил меня сегодня и вчера, наверняка намерен поступить так и завтра. По крайней мере, надо узнать, кто это.

Он взял меч и пошел сторожить свое поле, но прежде все рассказал Кикве.

– Что ты будешь делать? – спросила она.

– Буду сторожить.

Так Манавитан оказался вечером в поле, а в полночь зашумело кругом, загудело, и он увидел полчище мышей, которых невозможно было пересчитать. Сначала он ничего не понял, но, когда мыши направились на поле и каждая залезла повыше на стебель, а потом, нагнув его своей тяжестью, принялась перегрызать его, так что не осталось ни одного незанятого колоса, Манавитан пришел в ярость.

Однако ему было не легче сладить с мышами, чем с птицами в небе. Но за одной мышью, самой неловкой, он все-таки погнался, с трудом поймал ее, сунул в рукавицу и принес во дворец, а там сразу направился в залу, где Киква разожгла огонь, и повесил рукавицу на крючок.

– Господин, что в этой рукавице? – спросила Киква.

– Воришка, который грабит меня.

– Что же это за воришка, если помещается в рукавице?

– Я тебе скажу.

И Манавитан рассказал Кикве, как мыши пришли на его поле и унесли всю пшеницу.

– Одна из этих мышей сейчас у меня в рукавице, – закончил свой рассказ Манавитан, – и завтра утром я ее повешу, а если мне удастся переловить их всех, то я их всех перевешаю.

– Господин, – молвила Киква, – никогда я не слышала ничего чудеснее, только мне кажется, что для такого высокородного вождя унижительно возиться с мышами. Не трогай ты их и эту отпусти домой подобру-поздорову.

– Горе мне, если я не перевешаю всех, которых мне удастся поймать. А ту, что я уже поймал, я точно повешу.

– Воистину, господин, незачем мне защищать этих зверюшек, – уговаривала его Киква. – Я лишь хочу уберечь тебя от беды. А ты делай, как пожелаешь.

– Если бы ты назвала мне хоть одну причину, почему я должен отпустить мышь, я бы это сделал, – сказал Манавитан, – но ты, госпожа, пока не назвала ни одной.

– Делай как хочешь.

Манавитан отправился на Горсет Нарберт, не забыв прихватить с собой мышь. На вершине он воткнул в землю две раздвоенные на концах палки, но едва он это сделал, как увидел приближающегося к нему школяра в лохмотьях. Семь лет не появлялись на этом месте ни звери, ни люди, кроме четверых, из которых двое тоже пропали.

– Господин, – сказал школяр, – пусть будет добрым твой день.

– Тебе тоже всех благ, – ответил Манавитан. – Откуда путь держишь?

– Из Хлойгира, господин, а почему ты спрашиваешь?

– Потому что вот уже семь лет я не видел здесь ни одного человека, кроме четырех, да вот теперь вижу тебя.

– Я иду домой. А ты чем занят, господин?

– Вешаю вора, который меня ограбил.

– Вора? – переспросил школяр. – Я вижу мышонка у тебя в руках, а ведь человеку твоего звания не пристало касаться такого низкого существа. Отпусти его.

– Клянусь небом, не отпущу. Этот мышонок грабил меня на моих глазах, а я поймал его и повешу.

– Господин, я не хочу, чтобы человек твоего звания так унижал себя, потому возьми у меня фунт, который мне дали из милости, и отпусти мышонка.

– Не отпущу, – стоял на своем Манавитан, – и не продам его.

– Как пожелаешь, господин, – сказал школяр. – Просто я еще не видел, чтобы человек твоего звания касался руками мыши.

И пошел своей дорогой.

Когда Манавитан положил поперечину на две раздвоенные палки, он увидел священника в богатых одеждах и на коне.

– Господин, пусть будет добрым твой день.

– Тебе тоже всех благ, – сказал Манавитан. – Благослови меня.

– Пусть будет с тобой благословение Господне. А что, господин, ты делаешь?

– Вешаю вора, которого поймал на месте преступления.

– Кто же этот вор?

– А вот, видишь, мышонок. Он грабил меня, а я его поймал.

– Господин, не касайся руками этого недостойного существа, лучше отпусти его.

– Ни за что, клянусь небесами, не отпущу мышонка и не продам его.

– Ты прав, господин, покупать тут нечего, но я не хочу смотреть, как ты унижаешь себя, поэтому лучше я дам тебе три фунта, и ты отпустишь его.

– Ни за какие деньги, – стоял на своем Манавитан. – Он провинился и должен быть повешен.

– Что ж, делай как знаешь.

И священник поехал дальше.

Когда Манавитан накинул петлю на шею мышонка, откуда ни возьмись явился епископ со свитой. Манавитан застыл на месте, когда епископ подошел к нему.

– Благослови меня, епископ, – попросил он.

– Пусть будет с тобой благословение Господне. А что ты делаешь?

– Вешаю вора, которого поймал на месте преступления.

– Не мышонка ли, которого я вижу в твоих руках?

– Да. Он воровал у меня зерно.

– А... Уж коли я оказался тут, то, пожалуй, дам тебе семь фунтов, чтобы человек твоего звания не марался о столь недостойное существо. Отпусти его, и я дам тебе деньги.

– Я поклялся небесами, что не отпущу его.

– А если я дам тебе двадцать четыре фунта, отпустишь?

– Не отпущу.

– Если ты не хочешь отпустить его за двадцать четыре фунта, я отдам тебе всех коней, которых ты тут видишь, и все мешки с добром, и семь лошадей, которые их везут.

– Нет, клянусь небесами.

– Тогда назови свою цену, – предложил епископ.

– Назову, – согласился Манавитан. – Пусть Прадери и Хрианон вновь станут свободными.

– Будь по-твоему.

– Все равно я не отпущу мышь.

– Чего же ты хочешь?

– Расколдуй семь округов Даведа.

– Будь по-твоему. Отпусти мышь.

– Не отпущу, клянусь небом. Я хочу знать, кто эта мышь.

– Она – моя жена.

– Все равно я не отпущу ее. Зачем она пришла ко мне?

– Чтобы погубить тебя, – ответил епископ, – потому что я – Хлуид, сын Килкойда. Я заколдовал семь округов Даведа, чтобы отомстить за Гваула, сына Клида, у которого научился колдовству. За Гваула, сына Клида, я отомстил Прадери. За игру в «барсука в мешке», в которую с Гваулом сыграл Пуихл Пен Аннувин при дворе Хевейта Хена. Когда ты поселился здесь, все мои родичи пришли ко мне и попросили превратить их в мышей, чтобы они могли погубить твой урожай. Это мои родичи растащили зерно с твоего первого поля и со второго тоже. А на третью ночь ко мне явилась моя жена со своими дамами, и я превратил их в мышей. Моя жена носит моего ребенка. Не будь она в тягости, ни за что бы тебе не поймать ее. Но что было, то было. Я освобожу Прадери и Хрианон и расколдую Давед. Теперь ты знаешь, кто эта мышь. Освободи ее.

– Не освобожу, клянусь небесами.

– Чего же ты хочешь?

– Чтобы ты никогда больше не колдовал в Даведе и никто другой не колдовал.

– Сделаю. А теперь отпусти ее.

– Нет, ни за что.

– Чего же тебе надо?

– А вот чего. Чтобы никто никогда больше не мстил ни Хрианон, ни Прадери, ни мне.

– И это я тебе обещаю. Мудро ты сделал, что попросил об этом, а то не сносить бы тебе головы.

– Ага, этого я и боялся.

– Ну а теперь ты отпустишь мою жену?

– Нет, клянусь небесами, пока не увижу живыми и здоровыми Прадери и Хрианон.

– Вот они.

Тотчас появились Прадери и Хрианон. Манавитан подошел и, поздоровавшись, сел рядом с ними.

– Эй, вождь, отпусти мою жену. Разве ты не получил все, что хотел?

– С радостью отпущу ее.

Манавитан разжал кулак.

Хлуид прикоснулся к мыши волшебной палочкой, и она превратилась в прекрасную молодую женщину.

– Манавитан, оглянись кругом, – сказал Хлуид. – Ты увидишь свои земли ухоженными и людей здоровыми.

Манавитан встал и огляделся и, куда бы он ни посмотрел, везде видел либо людское жилище, либо пасущееся стадо.

– Какие же знаки неволи носили на себе Прадери и Хрианон?

– Прадери носил на шее дверной молоток от моего дворца, а Хрианон – ослиные хомуты, которые снимали с ослов после того, как они привозили во дворец сено.

Вот что они носили. Поэтому третье сказание назвали сказанием о Меннвайр и Менорд. На этом заканчивается третье сказание.

Мат, сын Матонви

Мат, сын Матонви, был господином над Гвинетом, а Прадери, сын Пуихла, был господином над двадцатью одним округом на юге, в которые входили семь округов Даведа, и семь округов Морганука, и четыре округа Кередициауна, и три – Астрада Тави.

Надо сказать, что Мат, сын Матонви, жить не мог, если рядом с ним не было какой-нибудь девицы, и изменить это могла лишь война. В то время с ним жила Гойвин, дочь Пебина из Дол Пебина, что в Авроне, и она была самой прекрасной из девиц, которые когда-либо жили на земле.

Мат все время проводил в Кайр Датиле, что в Арвоне, и потому не мог следить за порядком в своих владениях, но у него были два племянника, Гилвайтви, сын Дона, и Гвидион, сын Дона, сыновья его сестры, и они занимались его хозяйством.

Девица была при Мате неотлучно, когда ее полюбил Гилвайтви, сын Дона, и полюбил так сильно, что захотел умереть и стал из-за своей любви таять на глазах. Он очень изменился и телом и душой, и вскоре даже близкие с трудом узнавали в нем прежнего Гилвайтви.

Как-то раз его брат Гвидион внимательно посмотрел на него.

– Юноша, ты, часом, не заболел? – спросил Гвидион.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что вижу, как ты переменялся.

– Мой брат и господин, меня губит не болезнь.

– А что же?

– Ты знаешь, – сказал Гилвайтви, – все здесь принадлежит Мату, сыну Матонви, и мы даже шепотом ничего не можем сказать, чтобы ветер не отнес ему наши слова.

– Да, это мне известно, – кивнул головой Гвидион. – Но будь спокоен, я знаю твою тайну: ты любишь Гойвин.

Гилвайтви, поняв, что брату все известно, тяжело вздохнул.

– Молчи и не вздыхай. Если ты сам не можешь ее получить, я сделаю так, что и Гвинет, и Повис, и Дехай-барт будут сражаться за нее. Поэтому развеселись и положишься на меня.

И они отправились к Мату, сыну Матонви.

– Господин, – сказал Гвидион, – до меня дошли слухи, что в округе появились невиданные прежде звери.

– Как их называют? – спросил Мат.

– Свиньи, господин.

– На кого они похожи?

– Они небольшие, но кожа у них мягче кожи теленка.

– Небольшие?

– Они меняют свои имена. Теперь их зовут хрюшками.

– Кто же ими владеет?

– Прадери, сын Пуихла. Их прислал ему Араун, король Аннувина.

– Как их у него забрать?

– Я оденусь бардом и отправлюсь к нему, прихватив с собой еще одиннадцать бардов.

– Он тебе откажет.

– Мое путешествие не будет напрасным, господин, я вернусь со свиньями.

– Что ж, тогда собирайся в путь.

Гвидион и Гилвайтви, взяв с собой еще десять мужей, явились в Кередициаун, который теперь известен как Хритлан Тайви, где был дворец Прадери. Так как они изображали бардов, то их радостно встретили, и Прадери усадил Гвидиона рядом с собой за стол.

– Сказать по правде, – не выдержал Прадери, – я бы с удовольствием послушал кого-нибудь из твоих товарищей.

– Господин, – ответил ему Гвидион, – у нас есть обычай. В первый вечер, когда нас принимают во дворце, поет старший из нас. Позволь, и я с радостью спою для тебя.

Надо сказать, что Гвидион был самым искусным сказителем из всех, кто жил тогда на земле, а на сей раз он особенно постарался, да и сам Прадери слушал его как зачарованный.

Потом Гвидион спросил Прадери:

– Господин, угодно ли тебе, чтобы кто-нибудь другой высказал тебе нашу просьбу, или позволишь сказать мне?

– Говори, – сказал Прадери.

– Тогда слушай, господин, мою просьбу. Дай мне тех животных, что были привезены тебе из Аннувина.

– Ничего не было бы проще, – воскликнул Прадери, – если б я с моими подданными не заключил соглашения! Свиней нельзя увезти отсюда, пока их не станет в три раза больше, чем было сначала.

– Господин, я могу освободить тебя от твоего обещания. Вот как я это сделаю. Сегодня ты не дашь мне ни одной свиньи, но и не откажешь в моей просьбе, а завтра мы устроим обмен.

Вечером Гвидион со своими людьми удалился в отведенные им покои, и они стали держать совет.

– Увы нам, друзья мои, Прадери не отдаст свиней.

– Что ж, надо иначе завладеть ими.

– Я все устрою, – сказал Гвидион.

И он стал творить колдовство. Вскоре, откуда ни возьмись, появились двенадцать боевых коней и двенадцать черных борзых. Все борзые с белой грудью, и каждая в ошейнике и на поводке на вид из чистого золота. На конях тоже были двенадцать седел из железа и золота и точно такие же уздечки. С конями и псами Гвидион пришел к Прадери.

– Здравствуй, господин.

– Господь с тобой.

– Господин, я пришел освободить тебя от твоего слова. Не дари и не продавай свиней. Обменяй их с прибылью для себя. Двенадцать коней с упряжью и под седлами и еще двенадцать псов с ошейниками и поводками, да еще двенадцать позолоченных щитов я дам тебе за них.

Двенадцать грибов он превратил в двенадцать щитов.

– Что ж, – сказал Прадери, – будем держать совет.

И они порешили отдать Гвидиону свиней, а за то взять у него лошадей, и собак, и щиты.

Гвидион и товарищи покинули дворец, не забыв забрать свиней, и отправились в обратный путь.

– Ах, друзья мои, нам следует торопиться, – сказал Гвидион. – Чары имеют силу ровно сутки.

Всю ночь они мчались, не останавливаясь, через Кередициаун по направлению к тому месту, которое до сих пор называется Мохдрев. На другой день они так же в спешке пересекли Менелит, лишь на ночь задержавшись в городе Мохдрев, что между Кери и Арвистли. Наутро

они покинули его и ехали до самого Коммота, что в Повисе, который по той же причине стали называть Мохнант, и там они переночевали, а потом добрались до округа Хрос, и то место, в котором они заночевали, тоже стало называться Мохдрев.

– Храбрые мужи, – сказал Гвидион, – мы должны как можно быстрее добраться до Гвинета, потому что за нами вдогонку уже собирают войско.

Они явились в самый большой город в Архлехвете и там построили свинарник, отчего городу навеки дано имя Крайвирион, а после того как они построили свинарник, они отправились к Мату, сыну Матонви, в Кайр Датил. Там все были в доспехах.

– Что случилось? – спросил Гвидион.

– Прадери призвал двадцать один округ, чтобы снарядить за вами погоню, – отвечали им люди. – Удивительно, что вы так долго добирались и все-таки ускользнули от него.

– Где же свиньи? – спросил Мат.

– В свинарнике, который мы построили в соседнем округе, – ответил Гвидион.

Тут они услышали, что трубят в рог, и увидели войско, которое в боевом порядке направлялось в Пенард, что в Арвоне.

В ту ночь Гвидион, сын Дона, и его брат Гилвайтви возвратились в Кайр Датил, и Гилвайтви силой взял ложе Мата, сына Матонви. Он выгнал из покоев всех дам, а Гойвин заставил остаться.

Когда рассвело, братья возвратились к Мату, сыну Матонви, и стали держать совет, в каком округе им лучше дожидаться Прадери с его войском. Долго они совещались и в конце концов решили стоять в Гвинете, что в Арвоне. Между двумя Майнорами – Майнор Пенатом и Майнор Койд Алином – они расположились в ожидании, и там Прадери напал на них. В жестокой битве погибло много воинов с обеих сторон, но воины с юга были обращены в бегство. Не останавливаясь, они бежали до Нанткохла, где их догнали воины Мата, вновь устроившие резню, и бежали дальше – до места под названием Дол Пен Майн, где они почувствовали себя в безопасности и стали искать мира.

Прадери был вынужден оставить заложников, которыми стали Гурги Гвастра и еще двадцать три знатных мужа, и после этого, не вступая в битву, добрался до Трайт Маура, но, когда он с остатками войска бежал в Меленрид, никто не мог помешать простолюдинам стрелять в него. Прадери послал к Мату послов, которые умоляли его простить подданных Прадери, оставив Прадери и Гвидиону, сыну Дона, который сотворил зло в доме Прадери, разбираться в своих обидах.

– Клянись небесами, – сказал Мат послам, – если Гвидион, сын Дона, согласен, то и я тоже. Я никого не неволю сражаться на поле боя без крайней нужды.

– Твоя правда, – отвечали послы. – И Прадери то же говорит: пусть Гвидион станет с ним лицом к лицу, а воины тут ни при чем.

– Клянись Богом, я не буду просить народ Гвинета сражаться из-за меня. И если Прадери готов биться со мной один на один, я с радостью принимаю его вызов, – заявил Гвидион.

Послы все от слова до слова передали Прадери, и он сказал:

– Воистину никто не скажет, что я кого-то просил сражаться вместо себя.

Прадери и Гвидион вооружились и вышли друг против друга. Силой, напором и колдовством Гвидион одолел и убил Прадери, который был похоронен на Майн Тириауке, что возвышается над Меленридом. Там могила Прадери.

В печали воины с юга отправились домой, и ничего в этом не было удивительного, потому что в походе они потеряли своего господина и многих самых лучших воинов, не говоря уж о конях и оружии.

Зато воины Гвинета вернулись домой радостными.

– Господин, – сказал Гвидион Мату, – разве не правильно мы поступим, если освободим заложников, которых нам оставил Прадери? Не пристало нам держать их в узилище.

– Освободи их, – приказал Мат.

Так юноши из страны Прадери получили свободу и возвратились домой живыми и невредимыми.

Мат поскакал в Кайр Датил, а Гилвайтви с другими родичами Мата отправился объезжать его владения.

Едва Мат вошел в свои покои, он приказал готовить ложе, желая отдохнуть, положив ноги на колени Гойвин.

– Господин, – сказала ему Гойвин, – придется тебе поискать другую девицу и класть ноги ей на колени, потому что я нечиста перед тобой.

– Как это?

– Меня взяли силой, господин, и я кричала, поэтому все во дворце знают, как было дело. И надругались надо мной твои племянники, господин, сыновья твоей сестры, Гвидион, сын Дона, и Гилвайтви, сын Дона. Злое дело сотворили они со мной, а тебя обесчестили.

– Ты права! – вскричал Мат. – И я не пощажу их. Но сначала позволь мне вознаградить тебя. Потом я займусь ими. Будь моей женой и прими в свои руки владение моими землями.

Гвидион и Гилвайтви долго боялись появляться при дворе, но не покидали владений Мата, пока он не запретил своим подданным кормить их. Не сразу они пересилили страх, но не стерпели голода.

– Господин, – сказали они, – здравствуй.

– Уж не за вознаграждением ли вы пожаловали ко мне?

– Господин, мы вверяем себя твоей воле.

– По вашей вине я потерял много могучих воинов и много оружия. А чем вы искупите другую вину передо мной, ведь вы обесчестили меня? Я уж не говорю о Прадери. Но все-таки вы пришли ко мне и готовы подчиниться моей воле, поэтому я назначаю вам наказание.

Он взял волшебную палочку и, коснувшись ею Гилвайтви, превратил его в оленя. Гвидион бросился было бежать, но не тут-то было. Мат и его коснулся волшебной палочкой, и он тоже стал оленем.

– Я назначил вам одинаковое наказание, поэтому будьте вместе и будьте друзьями, и пусть душа и природа у вас станут оленьими. А через год приходите вновь.

Прошел год. Кто-то зашумел возле дворца, потом залаяли собаки.

– Посмотрите, – приказал Мат, – что там такое.

– Господин, там два оленя и олененок с ними.

Мат встал и вышел из дворца. Он увидел трех оленей и поднял волшебную палочку.

– Год вы были оленьями, а теперь год побудьте дикими вепрями. – Он коснулся племянников волшебной палочкой.

– Олененка я возьму к себе и окрещу его.

Мат нарек его Хадуном.

– Вы же идите и будьте душой и природой тем, чем вы стали с виду. Через год, день в день, приходите вновь.

Прошел год, и опять громко залаяли дворцовые собаки. Все домочадцы Мата сбежались посмотреть, что происходит во дворе, а потом вышел сам Мат, и ему явились три зверя, два взрослых и один молодой, правда, очень большой для своего возраста.

– Я его возьму, – сказал Мат, – и окрещу его.

Он коснулся его волшебной палочкой, и тотчас вепренок превратился в красивого юношу с рыжими волосами, которого Мат нарек Хахдуном.

– Что же до вас, то вы были вепрями, а теперь побудьте волками. – Он коснулся их волшебной палочкой. – Душой и природой станьте такими, какие вы с виду, а через год приходите.

Прошел год, и вновь поднялся шум, залаяли собаки, и Мат вышел во двор. Он увидел двух взрослых волков и одного крепкого волчонка с ними.

– Я его возьму, – сказал Мат, – и окрещу его. У меня и имя ему припасено – Блайтун. Теперь их трое у меня.

И он запел:

Три сына лживого Гилвайтви,
Три верных воина,
Блайтун, Хадун и Хахдун Длинный.

Он коснулся палочкой взрослых волков, и они превратились в людей.

– За зло, которое вы мне причинили, вы сполна ответили позором и бесчестьем. А теперь, – крикнул он слугам, – готовьте для них драгоценные умощения, мойте их и одевайте в лучшие одежды.

Как он сказал, так и было сделано.

Умытые и разодетые пришли юноши к Мату, сыну Матонви.

– Ну что ж, мои родичи, вы отбыли наказание, а теперь я предлагаю вам дружбу. Дайте мне совет: не знаете ли вы девицу, которая подошла бы мне в жены?

– Господин, – отвечал Гвидион, сын Дона, – нет ничего легче. Тебе нужна Арианрод, дочь Дона и твоя племянница, дочь твоей сестры.

Они привезли ее к нему, и она предстала перед ним.

– Девица, – спросил Мат, – ты и в самом деле девица?

– Не знаю, господин, я такая, какая есть.

Тогда он взял волшебную палочку и низко опустил ее.

– Перешагни через нее, и я сам скажу тебе, кто ты.

Она перешагнула через палочку, и тотчас появился светловолосый юноша. Он окликнул ее, и Арианрод бросилась к дверям. А еще появился младенец, которого никто не успел разглядеть, потому что Гвидион, быстро завернув его в бархатное покрывало, спрятал в сундуке в изножии кровати.

– Пусть будет так, – сказал Мат, сын Матонви. – Окрестите этого юношу и нареките Диланом.

Юношу повели крестить, а потом он взял и уплыл в море, в котором обрел свою природу и мог жить лучше всякой рыбы. Поэтому-то его и называли Дилан, сын Волны. Волна всегда поддерживала его, а смертельный удар ему нанес его дядя Гованнон. Это был третий и роковой удар.

Гвидион спал на своей кровати, как вдруг услышал тихий плач, который доносился до него из сундука. Плач был не такой громкий, чтобы все его слышали, но Гвидион проснулся, торопливо открыл сундук и увидел малыша, который изо всех сил разворачивал бархатное покрывало. Гвидион взял его на руки и отнес женщине, чтобы она его выкормила.

Прошел год.

К концу первого года малыш уже был ростом с двухлетнего ребенка, а к концу второго года сам отправился во дворец. Гвидион увидел его, и мальчик узнал его и полюбил больше кого бы то ни было. Так мальчик жил при королевском дворе, пока ему не исполнилось четыре года, а ростом и умом он был с восьмилетнего.

В один прекрасный день Гвидион отправился в путь и взял с собой мальчика. Они подъехали к замку Арианрод, и Арианрод вышла поздороваться с Гвидионом, и Гвидион тоже поздоровался с ней.

– Что за мальчик с тобой? – спросила она.

– Мой сын, – ответил он.

– Горе мне! – воскликнула она. – Зачем ты меня позоришь? Зачем ты ищешь моего бесчестья и никак не успокоишься?

– Если ты мучилась от стыда так же, как я, воспитывая мальчика, то невелик был твой стыд.

– Как его зовут?

– У него нет имени.

– Пусть так и будет. Никто его не наречет, пока я сама не нареку его, когда захочу.

– Клянусь небом, ты злая женщина. Но что бы ты ни говорила, мальчик получит имя. Тебя мучает одно – никто больше не называет тебя девицей.

В ярости Гвидион покинул Арианрод и возвратился в Кайр Датил.

На другое утро он взял мальчика и отправился с ним по берегу моря до самого Абер Меная. Там Гвидион из осоки и морских водорослей сделал лодку, а из сухих веток и сухой осоки у него при помощи колдовства получилась хорошая кожа. Когда же он покрасил ее, то и вовсе никому еще не доводилось видеть ничего красивее. Он поставил в лодке парус и поплыл с мальчиком по морю к замку Арианрод.

Он стал шить башмаки и занимался этим до тех пор, пока его не заметили из замка, и тогда он поменял обличье свое и мальчика, чтобы их никто не узнал.

– Что за люди там в лодке? – спросила Арианрод.

– Кожевники, – ответили ей.

– Посмотрите, что у них за кожа и какую работу они делают.

Когда слуги Арианрод подошли к лодке, Гвидион как раз золотил и красил кожу, о чем они и доложили своей госпоже.

– Что ж, – сказала Арианрод, – снимите мерку с моей ноги, пусть они сошьют для меня башмаки.

Гвидион сшил для нее башмаки, но не по мерке, и когда она их надела, то они оказались ей велики.

– Слишком велики, – сказала Арианрод, – но все равно заплатите им. И пусть они сошьют другие, поменьше.

Гвидион сшил другие, но они оказались ей малы.

– Скажите им, что эти не налезают мне на ноги.

Слуги передали Гвидиону слова Арианрод.

– Клянусь, я больше не буду шить ей башмаки, пока своими глазами не увижу ее ноги.

С тем слуги вернулись к Арианрод.

– Ладно, – молвила она, – так и быть, спущусь к ним.

Она вышла из дворца, и, когда приблизилась к лодке, Гвидион был занят тем, что кроил башмаки, а мальчик сшивал их.

– Здравствуй, госпожа, – приветствовал ее Гвидион.

– Господь с тобой. Никак не пойму, почему ты не можешь по мерке сшить мне башмаки.

– Раньше не мог, а теперь у меня получится как надо.

Тут невесть откуда прилетел крапивник. Мальчик выстрелил и попал ему в лапу прямо между мышцей и костью.

– Твердая у тебя рука, с такой и на льва можно идти.

– Небо не будет к тебе благосклонно, но мальчик все-таки получил имя, и хорошим именем ты его нарекла. Хлев Хлав Гифес будет он зваться отныне. Лев с твердой рукой.

Кожа исчезла, словно ее никогда не было. Вновь появились водоросли и осока, и Гвидион больше не шил башмаки.

– Ты прав. Лучше ты ничего не мог придумать, чтобы мне насолить.

– Пока еще я не насолил тебе, – ответил Гвидион, возвращая мальчику его облик.

– Что ж, – не сдалась Арианрод. – Пусть будет так. Но мальчику никогда не взять в руки оружия, пока я сама не одарю его им.

– Клянусь небом, – вскричал Гвидион. – Злись не злись, а у мальчика будет оружие.

Они отправились в Динас Динхлев и там жили, пока Хлев Хлав Гифес не научился легко управляться с конем. Он вырос в прекрасного лицом и телом юношу, но Гвидион знал, что ему свет не мил без коня и меча, и призвал его к себе.

– Завтра мы уезжаем, – сказал он, – так что гляди веселей.

– Хорошо.

На другой день, едва занялась заря, Гвидион и Хлев Хлав Гифес отправились к берегу моря, а потом в сторону Брин Ариена. На вершине Кевн Клидно они нашли для себя коней и поехали в замок Арианрод. Приблизившись к воротам, они приняли обличье двух юных друзей, разве лишь Гвидион был с виду посильней своего товарища.

Слугу, который стоял у ворот, он послал к хозяйке:

– Иди и скажи в замке, что мы барды из Гламоргана. – Слуга отправился исполнять приказание.

– Впусти их, – приказала Арианрод, – на них благословение Господне.

Встретили бардов в замке с превеликой радостью и богатые столы накрыли в пиршественной зале. Когда съели все мясо, Арианрод завела с Гвидионом разговор о сказках и сказаниях, ведь Гвидион был отменным сказителем, а когда пришло время покинуть пиршественную залу, Гвидион и юноша отправились в приготовленные для них покои.

Еще было темно, когда Гвидион встал с ложа и призвал к себе все силы своего колдовства и своего могущества. Вскоре поднялся несусветный шум, словно много людей одновременно взялись трубить в роги и кричать что было мочи. В дверь постучали, и Арианрод попросила Гвидиона и юношу впустить ее. Юноша открыл дверь, и в покои в сопровождении девицы вошла Арианрод, запричитав с порога:

– Ах, добрые юноши, беда у нас.

– Мы слышим, там трубят и кричат, – подтвердил Гвидион. – Может быть, ты знаешь, что это значит?

– Поверишь ли, моря не видно, столько там кораблей спешит к берегу. Что нам делать?

– Госпожа, – ответил Гвидион, – я дам тебе совет. Прикажи закрыть ворота и защищай свой замок, а мы тебе поможем.

– Господь воздаст вам за вашу доброту, если вы поможете нам, а оружия у нас много.

Она отправилась за оружием и доспехами и вернулась с двумя девицами, которые несли все, что нужно.

– Госпожа, – сказал Гвидион, – ты помоги моему товарищу, а мне помогут твои девицы. О, я слышу, воины уже близко.

– Так я и сделаю.

И Арианрод, не мешкая, помогла своему сыну облачиться в доспехи.

– Ты закончила? – спросил Гвидион.

– Закончила, – ответила она.

– Я тоже, – сказал Гвидион. – А теперь позволь нам снять доспехи, потому что они нам не нужны.

– Как же так? – вскричала Арианрод. – Ведь замок окружен!

– Нет, госпожа, никто его не окружал.

– Кто же тогда шумел?

– Это я шумел, чтобы ты нарушила клятву, ведь ты по доброй воле и собственными руками снарядила своего сына на битву, и теперь уже ничего не изменишь.

– Господи! – вздохнула Арианрод. – Не ждала я от тебя такого коварства. Много юношей могло погибнуть сегодня из-за поднятой тобой суматохи. Пусть будет так. Но ему не взять в жены девицу из тех, что живут теперь на земле.

– Ты злобная тварь, и никто не должен тебе помогать. А жена у него будет.

Гвидион и Хлев Хлав Гифес пошли к Мату, сыну Матонви, и пожаловались ему на жестокую Арианрод. Заодно Гвидион рассказал, как заставил ее дать юноше оружие.

– Ладно, – проговорил Мат, – давай попробуем сотворить для него жену из цветка. Он уже взрослый, и нет на земле юноши краше его.

Из цветка дуба, цветка ракиты и цветка таволги они сотворили девушку, какой еще не видывали глаза человека, а потом окрестили ее и нарекли Блодайвет.

За свадебным пиром Гвидион сказал:

– Нелегко человеку жить, не имея своей земли.

– Ты прав, – согласился с ним Мат. – Отдам-ка я молодым свой лучший округ.

– Какой округ, господин?

– Округ Динодиг.

В наши дни это Айвионит и Ардидуи.

В округе Динодиг, в том месте, которое называлось Мир И Кастехл, во дворце поселились Хлев Хлав Гифес и Блодайвет. Хлев Хлав Гифес был храбр и справедлив, и его подданные любили его и его жену.

Как-то раз, когда он гостил в Кайр Датиле у Мата, сына Матонви, Блодайвет шла по двору и, услышав, что трубят в рог, увидела оленя, бежавшего из последних сил. Следом за ним появились собаки и охотники, а за собаками и охотниками – множество пеших людей.

– Пусть кто-нибудь помоложе сбегает и узнает, чье это воинство.

Юный гонец во всю прыть помчался исполнять ее приказание.

– Здесь Гронв Пебир, король Пенхлина, – сказали ему.

И гонец вернулся к своей госпоже.

Гронв Пебир загнал оленя и убил его на берегу реки Кинвайл, где он пробыл до темноты, отгоняя от оленя собак, а потом подошел к воротам замка, где жила Блодайвет.

– Наверно, вождь плохо о нас подумает и всем расскажет, если мы не пустим его на ночь.

– Ты права, госпожа.

Ворота отворили, гостя провели во дворец, и сама Блодайвет вышла поздороваться с ним.

– Госпожа, пусть Господь благословит тебя.

Они сели ужинать. Когда Блодайвет смотрела на Гронва Пебира, ее сердце переполнялось любовью. И его сердце, когда он смотрел на нее, тоже переполнялось любовью. Гронв Пебир не стал скрывать от Блодайвет своих чувств и прямо сказал ей, что любит ее. Блодайвет обрадовалась, и до утра они проговорили о своей любви, которая расцвела всего за одну ночь.

На другое утро им предстояло разлучиться, но Блодайвет попросила Гронва Пебира:

– Молю тебя, останься еще на один день.

День и ночь они провели в разговорах о том, как им поступить, чтобы больше не разлучаться.

– Есть только один способ, – сказал Гронв Пебир. – Ты должна выпросить у Хлева Хлава Гифеса, какой смертью ему предсказано умереть. Сделай это под видом заботы о нем.

На другой день Гронв собрался в путь.

– Молю, не покидай меня, – попросила его Блодайвет.

– Если ты не хочешь, я не поеду, но ты сама знаешь, король может сегодня возвратиться.

– Завтра я обещаю отпустить тебя.

И опять он собрался в дорогу, и опять Блодайвет не пожелала расстаться с ним.

– Ты помнишь, что я тебе сказал? – спросил ее Гронв. – Разузнай, какая смерть ему предсказана, только постарайся быть с ним понежнее.

Наконец возвратился домой Хлев Хлав Гифес. Весь день он и его жена провели за пиршественным столом в беседах и песнях, а ночью, ложась спать, он о чем-то спросил Блодайвет, но она ему не ответила. Он просил еще раз, но снова не получил ответа. Ни одного слова он, как ни старался, не смог из нее вытянуть.

– Ты заболела? Что с тобой?

– Я думаю о том, о чем мы никогда не говорим, потому что боюсь, как бы ты не умер и не оставил меня одну.

– Господь благословит тебя за твою заботу обо мне, но пока Он Сам меня не заберет, убить меня не так-то легко.

– Ради Бога и моего спокойствия, скажи мне, какой смертью ты умрешь. Я ничего не забуду и поберегу тебя.

– Пожалуйста, если хочешь. Мне суждено умереть от раны, нанесенной копьем, которое должны закалывать целый год и к которому нельзя прикасаться, разве что во время воскресного жертвоприношения.

– Это все?

– Нет, не все. Меня убьют не в доме, не вне дома, не на коне, не без коня.

– А как же?

– Я тебе скажу. Возле реки надо поставить чан для купания, над чаном возвести крышу и хорошенько укрепить ее, потом притащить убитого козла и положить его рядом с чаном. Когда я поставлю одну ногу ему на спину, а другую – на край чана, тот, кто ударит меня копьем, нанесет мне смертельную рану.

– Что ж, – сказала Блодайвет, – будем надеяться, небо нам поможет.

Едва она все разузнала, как послала к Гронву Пебиру гонца, и Гронв взялся калить копье. Ровно через год оно было готово, и в тот же день он сообщил об этом Блодайвет.

– Господин, – сказала Блодайвет мужу, – я все думаю и никак не могу представить то, о чем ты рассказал мне. Покажи, как ты должен встать на козла, а я приготовлю чан.

– Что ж, я покажу тебе.

Блодайвет немедленно послала известить Гронва, и он тотчас примчался. Она спрятала его в кустах на горе, которую теперь называют Брин Кивергир, что на берегу реки Кинвайл. Еще она приказала собрать на другом берегу, прямо против Брина Кивергира, всех коз и козлов, каких только можно было отыскать в округе.

На другой день она сказала мужу:

– Господин, я приказала поставить чан и возвести над ним крышу. Все готово!

– Хорошо. Пойдем поглядим.

И они вместе отправились поглядеть на чан.

– Ты войдешь? – спросила она.

– Войду, – ответил он.

– Господин, – не унималась его жена, – ты говорил о каких-то зверях. О козлах, кажется?

– Правильно. Одного козла надо убить и принести сюда.

Принесли козла. Хлев поднялся в чане на ноги, оделся и одной ногой стал на козла, а другой на край чана.

Тут выскочил из своего укрытия Гронв и отравленным копьем ударил Хлева Хлава Гифеса в бок. Обыкновенно такое копье легко вытаскивается, но на этот раз наконечник намертво застрял в теле несчастного, который с громким криком обернулся орлом и взлетел в небо. Больше его не видели.

Едва он скрылся из глаз, как Гронв и Блодайвет вместе отправились во дворец и всю ночь не разлучались. На другой день Гронв вступил во владение Ардидуи и стал править там, захватив в свои руки и Ардидуи и Пенхлин.

Тем временем слухи о том, что произошло, достигли ушей Мата, сына Матонви. Но как ни велико было его горе, еще сильнее горевал Гвидион.

– Господин, – сказал Гвидион, – не знать мне покоя, пока я не дойду правды.

– Господь тебе в помощь, – напутствовал его Мат.

Гвидион покинул дворец и отправился в путь. Он миновал Гвинет и Повис, а когда добрался до Арвана, то пошел в Майнор Пенат к вассалу своего воспитанника. Тот с радостью принял его в своем доме и пригласил переночевать.

Хозяин и вся его челядь спали в том же доме, и последним пришел свинопас.

– Эй, парень, твоя свинья вернулась сегодня домой? – спросил хозяин дома.

– Вернулась. Она сейчас вместе с остальными.

– А куда она уходит? – спросил Гвидион.

– Каждый день, когда открывают свинарник, она словно проваливается сквозь землю.

– Сделай одолжение, подожди меня, прежде чем открывать свинарник.

– С радостью, – ответил свинопас.

Ночью все разошлись по своим местам, а утром, едва рассвело, свинопас разбудил Гвидиона. Он встал, вышел во двор и замер возле свинарника. Едва свинопас открыл дверь, как свинья скользнула наружу и бросилась что было мочи прочь. Гвидион побежал за ней, а она – к реке и потом к ручейку, который теперь называется Нант И Хлев. На берегу ручья она остановилась и принялась за еду. Гвидион спрятался за деревом и увидел, что свинья ест сгнившее мясо и блевотину. Он посмотрел вверх. На вершине дерева то сидел тихо, то встряхивался всем телом орел, и тогда на землю падало гнилое мясо. Гвидион не усомнился, что орел этот и есть Хлев. Он запел:

Дуб растет между двумя берегами,
Темно стало на небе и на земле,
Неужели по ранам не узнать мне,
Что ты Хлев?

Орел немного спустился и вновь уселся на ветку. Тогда Гвидион опять запел:

Дуб растет на холме,
Разве не мочит его дождь? Не ломают его
Девятью двадцать бурь?
На ветке сидит Хлев Хлав Гифес!

Орел слетел на самую нижнюю ветку, и тогда Гвидион запел в третий раз:

Дуб растет у подножия холма!
Великий могучий дуб!
Боюсь я просить,
Сядь, Хлев, мне на колени.

Орел слетел с дерева и уселся ему на колени, а Гвидион, коснувшись его своей волшебной палочкой, вернул ему человеческий облик. Но как же он был жалок на вид! От него только и осталось, что кости и кожа!

Гвидион увез Хлева с собой в Кайр Датил и приставил к нему лучших врачей Гвинета. Года не прошло, как Хлев Хлав Гифес оправился.

– Господин, – сказал он Мату, сыну Матонви, – настало время взыскать с того, кто причинил мне столько бед.

– Правильно, – ответил Мат. – Не должен он владеть тем, что ему не принадлежит по праву.

– Чем быстрее я восстановлю справедливость, тем лучше.

Мат, сын Матонви, и Хлев Хлав Гифес призвали к себе мужей со всего Гвинета и отправились в Ардидуи.

Первым в Мир И Кастехл прискакал Гвидион. Когда Блодайвет услышала о нем, она призвала к себе своих девиц и убежала с ними за реку Кинвайл, а потом стала карабкаться на гору, чтобы спрятаться в замке, стоявшем там, но девицы были так напуганы, что все время оглядывались, и вскоре одна за другой попадали в озеро. Они все утонули, кроме Блодайвет, которую Гвидион вытащил на берег.

Он сказал ей:

– Я не убью тебя, но, видит Бог, ты пожалеешь об этом. Отныне быть тебе птицей, но не такой птицей, как другие, из-за позора, который ты навлекла на себя, убив Хлева Хлава Гифеса. Днем тебе придется прятаться, потому что другие птицы, едва завидев, будут гнать тебя отовсюду. Имя же ты сохранишь прежнее, и звать тебя будут Блодайвет, как теперь зовут.

И Блодайвет стала совой по-теперешнему, и ее ненавидят все птицы. До сих пор в Уэльсе сову иногда называют Блодайвет.

Гронв Пебир убежал в Пенхлин и сразу же послал гонцов к Хлеву Хлаву Гифесу спросить, заберет он обратно только свои земли, или прибавит к ним владения Гронва, или, может быть, удовольствуется золотом и серебром за то зло, которое Гронв ему причинил.

– Нет, клянусь небом, не это мне нужно, – ответил Хлев Хлав Гифес. – Пусть он явится на то место, где я стоял, когда он поразил меня копьем, а я буду стоять на его месте и метну в него копьё – этого я хочу и на меньшее не согласен.

Гонцы все слово в слово пересказали Гронву Пебиру.

– Неужели мне придется согласиться? Мои верные воины, мои родичи и названные братья, неужели нет среди вас ни одного, кто пошел бы вместо меня?

– Нет, – ответили они.

До сих пор их называют третьим племенем предателей, потому что они отказались принять на себя удар, предназначенный их господину.

– Что ж, – вздохнул Гронв Пебир, – ничего не поделаешь.

Два врага встретились на берегу реки Кинвайл, и Гронв встал на то место, где прежде стоял Хлев Хлав Гифес, когда Гронв метнул в него копьё, а Хлев – на место Гронва.

Гронв Пебир попросил Хлева:

– В нашей вражде виновата женщина с ее хитростями, поэтому позволь мне защититься плитой, что лежит на берегу.

– Пожалуйста, я не возражаю, – ответил Хлев Хлав Гифес.

– Господь вознаградит тебя.

Гронв притащил плиту и укрылся за ней, но это его не спасло.

Хлев Хлав Гифес метнул копьё, и оно пробило и плиту, и грудь Гронва. Так умер Гронв Пебир. До сих пор на реке Кинвайл в Ардидуи лежит на берегу плита с дыркой. Ее и теперь называют Хлев Гронв.

Во второй раз Хлев Хлав Гифес отвоевал свои владения и стал жить, не зная горя, во дворце. Говорят, потом он стал господином над Гвинетом.

На этом заканчивается еще одно сказание.

Часть II

Сон Максена Вледига

Максен Вледиг, император Рима, был красивее, добрее и мудрее всех императоров, которые правили до него. Как-то раз он собрал на совет королей и сказал им:

– Завтра я собираюсь на охоту.

На другой день рано утром он вместе со своей свитой поехал в долину реки, что текла по направлению к Риму. До полудня охотился Максен и с ним тридцать два коронованных короля, которые были его вассалами. Но не ради удовольствия отправился император на охоту, а чтобы побыть на равных с королями.

Солнце стояло высоко в небе, и от жары императора разморило. Он заснул, а его подданные окружили его и подняли на копьях щиты, чтобы защитить от солнца. Один щит, покрытый золотом, положили ему под голову.

Максен спал и видел сон. Вот этот сон.

Он будто идет вдоль реки к ее истоку и поднимается на высокую гору. Он думает, что эта гора упирается в небо, а когда переваливает через нее, ему кажется, что перед ним лежит земля, красивее которой он никогда не видел. В море с вершины горы бегут широкие и могучие потоки. Он идет вниз, и в устье самой большой реки стоит огромный город, окруженный крепостными стенами с высокими башнями самых разных цветов. Еще он видит флот, равного которому ни у кого нет. Один корабль выделяется среди других размерами и красотой. Над водой обшивка у него с одной стороны золотая, с другой – серебряная. С корабля на берег перекинут мост из рога нарвала, и императору кажется, что он поднимается по нему. Ветер надувает паруса, и корабль плывет по морю-океану и приплывает к прекраснейшему на свете острову. Максен пересекает его из конца в конец и добирается до самых дальних уголков. Он видит долины и ущелья, скалы немыслимой высоты и крутые откосы. Потом он видит другой остров, а между ним и островом лежит земля, равнины на ней раздолжны, как море, а горы бескрайни, как леса. С горы он видит реку, которая впадает в море, а в устье реки – замок, прекраснее которого еще не зрели глаза человека, и он входит в замок, потому что ворота открыты. Потолок в просторной зале золотой, стены сплошь украшены драгоценными камнями, и двери тоже золотые. В зале серебряные столы и золотые скамьи. Прямо перед императором играют в шахматы два светловолосых юноши, одетые в платье из дорогого черного шелка. На головах у них золотые венцы со сверкающими бесценными бриллиантами, рубинами и другими драгоценными камнями. На ногах – котурны из великолепной кожи с застежками из красного золота.

Возле колонны император замечает седого старца в кресле из слоновой кости с двумя орлами красного золота. Все пальцы у старца в кольцах, запястья в золотых браслетах, на шее – золотое крученое ожерелье, и волосы прихвачены золотой диадемой. Осанка у него королевская. Перед ним на столе – золотая шахматная доска, рядом с ним – золотой жезл, а в руке он держит нож, которым вырезает шахматные фигурки.

Неподалеку в золотом кресле сидит девица, но из-за ее красоты смотреть на нее так же невыносимо, как на полуденное солнце. Белое шелковое одеяние украшено на груди красным золотом, красная накидка покрывает ей плечи, золотая повязка с рубинами и другими драгоценными камнями – лоб. Еще на ней золотой пояс. И она краше всех девиц на земле.

Девица встает со своего кресла, подходит к императору, и он обнимает ее за шею, а потом они вместе садятся в золотое кресло, которое оказывается вовсе не тесно для двоих. Он обнимает девицу за шею и прижимается щекой к ее щеке, но тут лай собак, и клацанье щитов, и удары копий, и ржание коней разбудили императора.

Он проснулся, но сердцем остался с девицей, потому что его переполняла любовь к ней.

– Господин, – услышал он, – не пора ли тебе обедать?

Император вскочил на коня, и несчастнее его не было человека на земле, когда он ехал в Рим.

Прошла неделя. Все во дворце веселились, услаждая себя вином и медом из золотых кубков, а император тосковал в одиночестве. Все внимали песням и сказаниям, а император тосковал в одиночестве. Он старался заснуть. Когда ему это удавалось, он видел во сне возлюбленную девицу, а когда просыпался, то опять тосковал, потому что не знал, где ее искать.

Однажды его постельничий, который хотя и был постельничим, но был еще королем римлян, заговорил с ним.

– Господин, – сказал он, – народ Рима ругает тебя.

– За что же ему меня ругать? – спросил император.

– За то, что ты совсем забыл о нем. Даже не обращаешься к нему с речами, как должно господину. Вот они и заговорили о тебе плохо.

– Юноша, приведи ко мне мудрецов Рима, и я скажу им, отчего я тоскую.

Мудрецы Рима пришли к императору, и он сказал им:

– Я видел сон, мудрецы Рима, и во сне мне явилась девица, из-за которой я потерял покой.

– Господин, – ответили ему мудрецы, – если ты считаешь, что мы достойны советовать тебе, то слушай. Ты должен послать трех гонцов в три разные стороны, и пусть каждый из них ровно год ищет для тебя красавицу из твоего сна. Ты не будешь знать, в какой день и час тебе привезут добрые вести, и надежда поддержит тебя.

Ровно год гонцы путешествовали по свету, но, возвратившись, смогли сказать не больше, чем когда покидали Рим. Император опечалился еще больше, решив, что не видать ему девицы.

– Господин, – посоветовал ему король римлян, – поезжай на охоту той же дорогой, которой ты ехал во сне.

Император так и сделал. Вскоре он выехал на берег реки.

– Смотрите, здесь я был, а потом повернул на запад.

Тринадцать гонцов императора помчались в ту сторону и увидели высокую гору, подпиравшую небо. Не останавливаясь, они поскакали дальше, привязав к шлемам знаки гонцов, иначе враги могли бы их убить. Перевалив через хребет, они увидели прямо перед собой широкую равнину и стекающие с гор реки.

– Смотрите, эту землю видел наш император.

В устье могучей реки, вливавшейся в море, они увидели порт, и многочисленный флот, и один корабль, который был больше других.

На корабле они одолели море, высадились на острове Британия, пересекли его и оказались в Сноудоне.

– Смотрите, это видел наш император.

Они продолжали путь, пока не оказались в Англеси, а там и в Арвоне.

– Смотрите, это тоже видел наш император.

На пути у них был замок Абер Сайн, и ворота замка оказались открытыми, и зала была в точности такой, как рассказывал император.

– Смотрите, это он тоже видел во сне.

Они вошли в залу, и там, сидя за золотой скамье, двое юношей играли в золотые шахматы, седой старец в кресле из слоновой кости вырезал шахматные фигурки, и девица тоже была рядом в золотом кресле.

Гонцы упали на колени.

– Долгих лет жизни императрице Рима!

– Добрые люди, вы вроде бы с виду достойные мужи, и незачем вам так глупо шутить!

– Госпожа, мы не шутим. Император Рима увидел тебя во сне, и с тех пор жизнь ему стала не в жизнь. Придется тебе, госпожа, решать: или ты едешь с нами по доброй воле и становишься императрицей Рима, или император сам приедет сюда и возьмет тебя в жены.

– Ну нет, добрые люди, как бы я ни хотела, не могу вам поверить. Если император меня любит, пусть приезжает.

День и ночь гонцы гнали коней. Когда одни кони падали от усталости, они покупали других и наконец достигли Рима, предстали перед императором и попросили дозволения говорить.

– Мы проводим тебя, господин, – сказали они, – через море и через равнину к тому месту, где живет твоя девица, потому что теперь мы знаем, кто она и откуда и как ее зовут.

Император немедленно дал армии приказ выступить, и гонцы стали впереди воинов. По суше и по морю добирались они до острова Британия. Император завоевал остров, отобрал его у Бели, сына Маногана, и его сыновей и направился прямо в Арвон. Он узнал места, по которым проезжал, и когда увидел замок Абер Сайн, сказал:

– Смотрите, в этом замке я видел возлюбленную девицу.

Он въехал во двор замка и вошел в залу, а там Канан, сын Айдава, и Адеон, сын Айдава, играют в шахматы, и Айдав, сын Карадаука, восседает в кресле из слоновой кости и вырезает шахматные фигурки, а возле него девица в золотом кресле, которую император полюбил во сне.

– Долгих лет жизни императрице Рима!

Император обнял ее, и в ту же ночь она стала его женой.

На другой день утром девица попросила у императора свою девичью часть, и он сказал ей, чтобы она сама назвала, что хочет получить. Она попросила для своего отца Британию от Ла-Манша до Ирландского моря вместе с тремя близлежащими островами, с тем чтобы они подчинялись императрице Рима, а еще попросила возвести три замка в Британии в трех местах, на которые она сама укажет. Самый большой замок она приказала возвести в Арвоне, и римляне привезли туда много римской земли, благодатной для императора. Еще два замка – Кайрхлеон и Кайрмартен – построил для нее император.

Как-то раз Максен отправился поохотиться в Кайрмартен и оказался на вершине Брев Ваура, где приказал развернуть шатер. С тех пор это место называют Кадайр Максен. Императору потребовалось видимо-невидимо людей, чтобы возвести там замок, и он назвал его Кайр-виртин. Еще Елена надумала провести дороги от одного замка к другому через всю Британию, и их стали называть дорогами Елены Лиатаук. Она была британкой, и ни для кого, кроме нее, мужчины Британии не стали бы строить эти дороги.

Семь лет император жил на острове, а надо сказать, что в те времена у римлян был закон: если император семь лет живет на чужбине, он перестает быть императором Рима и ему даже запрещается въезд в Рим.

Народ избрал другого императора, и тот написал угрожающее письмо Максену, в котором была всего лишь одна фраза: «Приезжай, если собираешься приехать». Максен получил это письмо в Кайрхлеоне и написал ответ человеку, который мнил себя императором Рима: «Если приеду в Рим, то приеду».

Максен с армией все же отправился в Рим, покорив по дороге Францию, и Бургундию, и все прочие земли, и стал лагерем возле Рима.

Ровно год простоял он там и ни на шаг не продвинулся по сравнению с первым днем. Тогда к нему явились братья Елены Лиатаук с небольшим воинством, в котором могучих воинов было в два раза больше, чем во всей армии римлян. Императору сообщили о прибытии британского войска, ставшего лагерем рядом с его армией. Еще ему сообщили, что Рим не видел прежде столь красивого и обученного воинства, в котором все воины были под стать друг другу.

Елена захотела взглянуть на войско, хотя она не удивилась, услышав о красоте британцев. Канан, сын Айдава, и Адеон, сын Айдава, вышли вперед и приветствовали императора, а он, обрадовавшись им, обнял их обоих.

Британцы поглядели, как воюют римляне, и Канан сказал Адеону:

– Если мы не возьмем город, они этого и подавно не сделают.

Ночью братья измерили высоту стен, послали своих людей в лес рубить деревья и сколотили по лестнице для каждого четырех воинов.

Надо сказать, что в полдень оба императора садились обедать и сражение затихало до конца трапезы. Британцы же плотно поели утром, выпили столько вина, сколько было нужно, чтобы укрепить свои силы, и, пока императоры обедали, они приставили лестницы к стенам и вошли в город.

У нового императора не было времени даже взять в руки меч, когда они навалились на него и убили его и с ним многих других воинов. Три дня и три ночи британцы сражались за город, не пуская в него воинов Максена, пока не покорили его.

Тогда Максен сказал Елене Лиатаук:

– Госпожа, меня удивляет, что твои братья сражаются не за меня.

– Господин, – ответила ему Елена, – мои братья – самые мудрые мужи на земле. Иди в Рим и попроси у них город, и, если он в их власти, они с радостью отдадут его тебе.

Император вместе с Еленой отправился в Рим, и там он потребовал, чтобы ему отдали власть в городе, а ему ответили, что никто ее не брал и никто не может отдать ее, кроме воинов с острова Британия. Ворота Рима отворились, император взошел на свой трон, и народ Рима покорился ему.

– Теперь, когда вся империя в моей власти, – сказал Максен, обращаясь к Канану и Адеону, – я даю вам войско, чтобы вы могли завладеть любыми землями, какими пожелаете.

Братья покинули Рим и завоевали много земель, замков и городов. Они убивали всех мужчин и щадили всех женщин. Так продолжалось, пока самые юные воины не стали седыми старцами.

– Скажи, ты остаешься тут или возвращаешься в страну, откуда пришел? – спросил в конце концов Канан своего брата Адеона.

Адеон решил идти домой, и с ним ушли многие воины, а Канан с остальными воинами поселился на завоеванных землях.

Он держал совет с теми, кто остался, и они отрезали языки всем женщинам до единой, чтобы они не испортили их британскую речь. За это мужчин из страны Арморики прозвали бриттами, и по сей час у них в ходу язык с острова Британия.

Этот сон называют сном императора Максена Вледига, императора Рима. Конец.

Сказание о Хлите и Хлевелисе

Бели Великий, сын Маногана, имел трех сыновей: Хлита, Касвахлауна и Наниава, и, говорят, еще четвертого – Хлевелиса. После смерти Бели королевство Британия перешло в руки старшего сына Хлита, и он благополучно правил в нем, перестраивая стены Лондона и укрепляя их бесчисленными башнями. А потом он приказал своим подданным строить дома, с которыми никакие другие дома в других королевствах не могли бы сравниться. Он был воином и к тому же щедро раздавал мясо и вино тем, кто нуждался. А еще у него было много городов и замков, но один замок он любил больше остальных и жил в нем большую часть года, поэтому его называли Кайр Хлит, а потом Кайр Лондон.

Хлит любил Хлевелиса больше остальных братьев за мудрость и неболтливость. Прознав, что король Франции умер, не оставив наследника, и все свои земли и владения передал в руки единственной дочери, Хлевелис пришел к Хлиту, чтобы подать ему совет и предложить помощь. Вовсе не из собственной выгоды, а ради богатства и процветания всей семьи он решил ехать во Францию и просить девицу выйти за него замуж. Королю Британии пришлось по душе расторопность брата.

Когда корабли были готовы к отплытию, на них взошли многие вооруженные рыцари, и они, снявшись с якорей, поплыли во Францию. Сойдя на берег, Хлевелис тотчас послал гонцов известить знать Франции о своих планах.

Рыцари и принцы Франции собрались на совет и порешили отдать девицу в жены Хлевелису и с нею отдать ему королевскую корону, чтобы он мудро и счастливо правил Францией до конца своих дней.

Прошло время, и три бедствия поразили Британию, каких не знали в других землях. Первое бедствие – неведомое племя кораниан, захватившее остров. Кораниане владели таким знанием, что стоило кому-то поговорить даже шепотом, как ветер относил к ним произнесенные не для чужих ушей слова. Поэтому они были непобедимы.

Вторым бедствием был страшный крик, пронесившийся над всей Британией в канун Майского дня. Он проникал в сердца людей и так всех пугал, что мужчины бледнели и теряли свою силу, женщины рожали недоношенных детей, юноши и девицы забывали о своей любви и все животные и растения на земле и в воде становились бесплодными.

Третье бедствие заключалось в том, что, сколько бы еды ни заготовили жители на год, все пропадало, кроме того, что съедалось в первый день.

От второго и третьего бедствия никто не знал избавления, потому что никто не знал их причин, зато от первого британцы все же надеялись избавиться.

Короля Хлита одолевали тоска и печаль, потому что он тоже не знал, как спасти свой народ от страшных бедствий, и, созывая на совет всех знатных мужей страны, он спрашивал у них, что же делать. В конце концов Хлит, сын Бели, отправился к Хлевелису, своему брату и королю Франции, просить совета.

Корабли готовили к отплытию тайно, чтобы чужое племя не проведало о том, что задумали король и его советники. Наконец они отплыли во Францию.

Когда до Хлевелиса дошла весть о приближении британского флота, он поначалу не понял, зачем явился его брат, и, снарядив вдвое больше кораблей, встретил его в море. Увидев это, Хлит приказал всем сопровождающим его кораблям стать на якорь, а сам поплыл навстречу брату, который тоже приказал своим кораблям остановиться. Они встретились и обнялись с братской любовью.

Хлит поведал брату о своих бедах, Хлевелис сказал, что ему все известно, а потом они заговорили о другом, боясь, как бы ветер не подхватил их слова и не отнес к коранианам. Хлевелис велел отлить большой медный рог, чтобы с его помощью вести беседы о бедствиях, постигших Хлита. Однако поначалу, какие бы слова они ни произносили в рог, до них доносились только грубые и враждебные речи, и Хлевелис догадался, что им мешает демон, поэтому он приказал промыть рог вином. Когда благодаря вину они избавились от демона, Хлевелис сказал брату, что у него есть насекомые, часть которых он сохранит для себя на всякий случай, а часть отдаст ему, чтобы он, как придет нужда, бросил их в воду. Хлевелис уверил Хлита, что насекомые в силах истребить племя кораниан, и посоветовал ему, когда он возвратится домой, собрать британцев и небританцев будто бы для заключения мира, а когда они придут, обрызгать всех водой с насекомыми. Хлевелис обещал Хлиту, что не пострадает ни один британец.

– Что же до второго бедствия, – сказал Хлевелис, – то в твоей стране живет дракон, а другой дракон из другой страны все время сражается с ним и хочет его одолеть. Поэтому твой дракон так страшно кричит.

Слушай же. Когда ты возвратишься домой, прикажи измерить остров в длину и в ширину и в самом центре его вырой яму. Помни, она должна быть точно посреди острова. Поставь в яму чан и налей в него самого лучшего меда, а сверху покрой чан куском шелка. Сам останься неподалеку и следи.

Ты увидишь, как дерутся страшные чудовища. Потом они поднимутся в небо и превратятся в драконов. Но и это еще не все.

Замучив друг друга до полусмерти, они в обличье свиней упадут на покрывало и провалятся в чан. Когда же они вылакают весь мед до самого доньшка и заснут, ты не медли, заворачивай их в покрывало и закапывай в землю в таком месте, где они не смогут вылезти наружу. И радуйся, потому что, пока они под землей, Британия не будет знать беды.

– Причина третьего бедствия, – продолжал Хлевелис, – могущественный колдун. Это он, погружая всех в сон, отбирает у британцев мясо и вино. Поэтому тебе надо самому посторожить свои запасы. А чтобы он не усыпил тебя, поставь рядом чан с ледяной водой и, только почувствуешь, что засыпаешь, лезь в него.

Хлит возвратился в Британию и немедленно созвал на совет британцев и кораниан, а потом сделал так, как его научил Хлевелис. Бросил насекомых в воду и обрызгал этой водой британцев и кораниан, после чего кораниане погибли, а британцы даже ничего не почувствовали.

Потом Хлит измерил остров в длину и в ширину и в Оксфорде, как раз посередине, приказал вырыть яму и поставить в нее чан с отборным медом. Сверху он покрыл чан куском шелка. Ночью Хлит не пошел спать и через некоторое время увидел бьющихся насмерть драконов. Когда, полуживые от усталости, они упали в прикрытый шелком чан и, вылакав весь мед, заснули, Хлит связал их и зарыл в укромнейшем месте в Сноудоне, которое прозвали Динас Эмрайс, а до того звали Динас Фараон. С тех пор во владениях Хлита перестали слышать страшные крики.

Когда с драконами было покончено, король Хлит приказал накрыть столы к пиру, но сел за них один, а подле себя поставил чан с ледяной водой, в который то и дело нырял, чтобы не уснуть. Долго он ждал, но только после третьей стражи до его ушей донеслись радостные возгласы и песни. Наконец он увидел великана с мечом и корзиной, в которую тот побросал все, что было на столе, и собрался уходить. Король Хлит даже удивился, как много всего поместилось в корзину.

Король закричал:

– Подожди! Подожди! Много ты натворил бед, но больше этому не бывать! Выходи на поединок.

Великан поставил корзину на пол, и между ним и королем началась битва не на жизнь, а на смерть. В конце концов Хлит одолел великана: верно, судьба была к нему благосклонна, и великан запросил у него пощады, но король сказал ему:

– Ты принес столько бед, а я должен тебя пожалеть?

– За все зло, которое я причинил, я отплачу сторицей, – сказал великан. – И больше никогда не буду обижать людей. Отныне вернее меня ты не сыщешь вассала.

И король простил его.

Вот так король Хлит, сын Бели, избавил остров Британию от трех бедствий и до конца своих дней мирно правил в своем королевстве. Это и есть сказание о Хлите и Хлевелисе. Конец.

Килхух и Олвен, или Турх Труит

Килит, сын короля Келатона, пожелал взять в жены такую девицу, которая была бы ему помощницей в делах, и он выбрал Голайтит, дочь короля Анлаута. Сыграв свадьбу, молодые и их подданные стали молить Бога благословить их наследником, и Бог послал им сына. Едва Голайтит понесла, она словно лишилась разума и бродила где ни попадя, однако, когда пришел ей срок разрешиться от бремени, разум вернулся к ней. Как-то раз она отправилась гулять на гору, где был свинарник, и, испугавшись свиней, родила там мальчика, которого свинопас принес во дворец.

Мальчика окрестили и нарекли Килхухом, потому что его нашли возле норы, вырытой свиньями. Тем не менее он был славного рода и даже приходился двоюродным братом Артуру. Поначалу его отдали няньке.

Королева же Голайтит тяжело заболела и призвала к себе своего мужа:

– Скоро я умру, и ты возьмешь себе другую жену, которую даст тебе Господь, но не обижай ради нее нашего сына. Заклинаю тебя, не женись, до того как на моей могиле не зацветет двумя цветками шиповник.

Килит обещал.

Еще она просила его каждый год приходиться на ее могилу, чтобы она не заросла травой.

Королева умерла, и король стал каждое утро посылать на могилу слугу посмотреть, не растет ли на ней что-нибудь. В конце седьмого года королю надоело исполнять обещание, данное им королеве.

Как-то раз он отправился на охоту и, подъехав к могиле, чтобы проверить, не пора ли ему подумать о новой жене, увидел там цветущий шиповник. Тогда король призвал на совет своих рыцарей, чтобы они сказали, где ему искать жену.

Поднялся один из рыцарей.

– Я знаю жену, которая тебе подходит, – сказал он, – но она жена короля Догеда.

Рыцари подумали-подумали и решили, что придется увезти ее силой. Они отправились к королю Догеду, убили его и привезли королеву к Килиту вместе с одной из ее дочерей. Заодно они завоевали владения короля Догеда и присоединили их к владениям Килита.

Как-то королева отправилась на прогулку, и по дороге ей попала на глаза хижина, в которой жила древняя-предвечная беззубая старуха.

Королева спросила:

– Скажи, бабушка, нет ли детей у мужа, который увез меня силой?

И та ответила:

– Детей у него нет.

– Горе мне, – вскричала королева, – я отдана мужу, у которого нет детей!

– Не печалься, – успокоила ее старуха. – Твой сын станет его наследником. Но уж коли ты все равно печалишься, у него есть один сын.

Радостная вернулась королева во дворец и спросила мужа:

– Зачем ты прячешь от меня своих детей?

– Что ж, не буду прятать, – сказал король и послал гонцов за сыном.

Едва Килхух приехал, как мачеха завела с ним такой разговор:

– Хорошо бы тебе занять жену, а у меня есть дочь, достойная любого короля.

– Рано еще мне жениться, – ответил ей сын Килита.

Тогда мачеха сказала:

– Клянусь, не будет у тебя жены, пока ты не признаешь женой Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

Заалелся юноша, потому что все его существо пронзила любовь к девице, которую он никогда не видел.

– Сын мой, что с тобой? Какая тоска тебя гложет? – спросил юношу отец.

– Мачеха сказала, что не будет у меня жены, пока я не признаю женой Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

– Нет ничего проще, – сказал отец. – Артур – твой двоюродный брат. Поезжай к нему, пусть он режет тебе волосы⁶, а ты проси его о помощи.

---

⁶ По обычаю, человек, первым отрезавший у юноши его детские волосы, становится для него своего рода крестным отцом. Как правило, о такой чести просили человека достойного и всеми уважаемого.

Килхух выбрал коня-четырёхлетку, накинул на него золотую уздечку и надел на него золотое седло. Для себя он взял два острых серебряных копья с железными наконечниками, которыми можно было бы до крови ранить ветер и которые были быстрее падающей июньским утром росинки, повесил на пояс меч с рукоятью из чистого золота и не забыл о роге из слоновой кости.

Впереди бежали две борзые с белой грудью и в ошейниках с рубинами до самых ушей. Та, что бежала слева, перебежала на правую сторону, а та, что справа, – на левую, и они метались вокруг Килхуха словно чайки. Боевой конь мчался вперед, и только комья земли летели у него из-под копыт, а копыта мелькали как ласточки – два вверху и два внизу и опять два вверху и два внизу.

На Килхухе был пурпурный плащ с четырьмя золотыми яблоками в четырех углах, и каждое яблоко стоило столько же, сколько сто коров. И его золоченые сверху донизу сапоги стоили не меньше, чем триста коров.

Не приминая траву, его конь быстро бежал к воротам Артурова дворца.

Подъехав, Килхух крикнул:

– Эй, привратник!

– Вот он я. Если ты явился не с добром, я тебя не пушу. Я здесь привратником каждый первый день января, а все остальное время ворота стерегут Хиандау, Гогигук, Хлайскеним и Пеннпингион, который ходит на голове, потому что бережет ноги. Он не задирает их к небу и не опускает на землю, а перекачивается по полу, как круглый камень.

– Открывай ворота.

– Не открою.

– Это почему же?

– Нож воткнут в мясо, и вино налито в рога. Веселье у короля Артура, и вход заказан всем, кроме сына короля из дружественной страны или ремесленника с поделками. Однако твоим псам требуется отдых и отдых требуется твоему коню. Да и для тебя пожарят и наперчат мясо, подадут вино и споют песни. Еды, которую принесут в гостевой покой, хватит на пятьдесят мужей. Тебе там будет не хуже, чем в Артуровой зале, к тому же много там перебивало чужеземцев, которым не положено переступать порог дворца. Красавица взобьет для тебя подушки и убаюкает тебя колыбельной, а завтра, когда ворота откроются для всех, для тебя они откроются в первую очередь. Ты войдешь в Артурову залу и себе по вкусу выберешь место за его столом.

– Ну уж нет, – ответил юноша. – Или ты открываешь ворота, и тогда мы поладим, или не открываешь, и тогда я обещаю твоего господина и накличу на тебя беду. Трижды крикну я, и все умрут от Пенгвайда в Корнвахле до Динсола на севере и до Эсгайра Ойрвела в Ирландии. Все беременные женщины во дворце разродятся до срока. В сердце у них поселится болезнь, и они никогда больше не понесут.

– Все равно, – сказал ему Глевлвид Гавайлваур, – ты не нарушишь законов Артура до того, как я поговорю с ним.

Глевлвид отправился во дворец.

Артур спросил его:

– О чем ты хочешь мне сообщить?

– Половина моей жизни осталась позади и твоей – тоже. Я был в Кайр Се и Ассе, в Сахе и Салахе, в Лоторе и Воторе, побывал я в Индии Великой и Индии Малой, бился в сражении при Дай Анире, когда двенадцать заложников привезли из Хлахлина. Еще я был в Европе, и в Африке, и на островах Корсики, и в Кайр Братухе, Братахе, Вертахе, и это я был с тобой, когда ты убил всех из семьи Клиса, сына Мерлина, и когда ты убил Мила Ди, сына Дикима, и когда ты завоевал Грецию на востоке. И я был в Кайр Ойте, и в Аннойте, и в Кайр Невенхире.

Девять высших властителей, прекрасных собой, я видел там, но ни один из них не сравнится красотой и гордыней с тем, кто стоит теперь у твоих ворот.

– Если ты шел сюда шагом, то обратно беги бегом, – приказал ему Артур. – Подними всех, кто может держать факел, кто еще может открыть глаза, и пусть они все приветствуют его и служат ему, пусть подают вино в золоченых рогах и жареное и перченое мясо на блюде, пока не нажарят нового мяса и не принесут нового вина. Неприлично нам не принять такого мужа, когда на улице дождь и ветер.

Сказал Кай:

– Клянусь рукой моего друга, если ты послушаешь моего совета ипустишь мужа во дворец, ты не нарушишь законов нашего двора.

– Ты прав, благословенный Кай. Честь для нас, что он посетил нас, и чем любезнее мы будем с ним, тем больше мы послужим нашей славе.

Глевлвид возвратился к воротам, отпер их, и, хотя еще не было мужа, который не сходил бы у ворот с коня, сын Килита не сошел с коня.

– Приветствую тебя, правитель острова, – сказал Килхух, – и пусть мое приветствие даже нижайшее к нижайшим будет выше любого другого и равным ко всем твоим гостям, твоим воинам и твоим вождям. Всех я приветствую и тебя вместе со всеми. Будь славен ты во веки веков на своем острове.

– И я приветствую тебя, – сказал Артур. – Садись между воинами и послушай наших менестрелей. Веселись, как король, пока ты среди нас. А когда я стану вручать подарки моим иноземным гостям, твои руки тоже не останутся пустыми.

– Я приехал к тебе не за мясом и не за вином. Есть у меня к тебе просьба, которую ты должен исполнить, иначе я опорочу тебя во всех четырех концах земли, где теперь восхваляют тебя.

– Коли не хочешь остаться с нами, – сказал Артур, – говори свою просьбу, и ты все получишь, что потребуешь. Это так же точно, как то, что ветер сушит, солнце ходит вокруг земли, море окружает сушу, а суша лежит внутри моря. Только не проси у меня мой корабль, мою мантию, мой меч Каледвулх, и мое копьё Хронгомиант, и мой щит Ванебгуртихир, и мой кинжал Карнвеннан, и мою жену Гвенхвивар. Клянусь небом, все остальное я тебе дам.

– Тогда благослови мои волосы.

– С радостью.

Артур отрезал серебряными ножницами золотую прядь и спросил, кто отец юноши.

– На сердце у меня теплеет, когда я смотрю на тебя, поэтому и знаю: в жилах у нас течет одна кровь. Скажи мне, кто ты.

– Скажу. Я – Килхух, сын Килита, сына короля Келатона, и Голайтит, дочери короля Анлаута.

– Правильно. Ты мой двоюродный брат. Все я тебе дам, что ни попросишь, только скажи, что тебе надо.

– Поклянись мне чистотой неба и верностью твоих подданных.

– С радостью клянусь.

– Тогда помоги мне найти Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура. И твоих воинов я прошу о том же. И Кая, и Бедвира, и Грайдаула Гахлдонида, и Гвитири, сына Грайдаула, и Грайда, сына Эри, и Кантелига Каварвита, и Татала Твихла Голая, и Майлвиса, сына Байтана, и Крахура, сына Неса, и Киберта, сына Дайре, и Перкоса, сына Поха, и Хлибера Байтаха, и Корвила Берваха, и Гвинна, сына Нита, и Эдайрна, сына Нита, и Гадви, сына Герайнта, и короля Флевтири Флама, и Риауна Пебира, сына Дората, и Бравдена, сына Морина Манаука, и самого Морина Манаука, и Дахлдава, сына Кимина Кова, и сына Алина Даведа, и сына Сайди, и сына Гуриона, и Ихтрида Ардавада Када, и Канваса Кирвагила, и Гухрира Гвартегвраса, и Исперира Эвингата, и Гахлкойта Говананата, и Диаха, и Гратаха, и Нертаха, сыновей Гвауртири Карваха (сии мужи

явились из пределов Ада), и Килита Канхастира, и Канастира Канхлау, и Корса Кант-Эвина, и Эсгайра Гилхуха Гованкауна, и Дристурина Хайарна, и Глевлвида Гавайлваура, и Хлоха Хлаувинниаука, и Айнваса Адайниаука, и Синноха, сына Сайтведа, и Гвенвинвина, сына Нава, и Бевида, сына Сайтведа, и Гобрви, сына Эхела Вортвитухла, и самого Эхела Вортвитухла, и Майла, сына Ройкола, и Дадвайра Дахлпенна, и Гарвили, сына Гвитаука Гвира, и самого Гвитаука Гвира, и Горманта, сына Рикка, и Мену, сына Тайргвайта, и Дигона, сына Алара, и Селива, сына Смойла, и Гисга, сына Атая, и Нерта, сына Кедарна, и Дридваса, сына Трафина, и Турха, сына Перива, и Турха, сына Аннваса, и Иону, короля Франции, и Села, сына Селги, и Терегуда, сына Иайна, и Силиена, сына Иайна, и Брадвена, сына Иайна, и Морена, сына Иайна, и Сиауна, сына Иайна, и Крадаука, сына Иайна (они были вассалами Кайрдатала, родичи Артура с отцовской стороны).

Еще Дирмига, сына Кау, и Джистика, сына Кау, и Этмика, сына Кау, и Ангхаута, сына Кау, и Ована, сына Кау, и Келина, сына Кау, и Коннина, сына Кау, и Мабсанта, сына Кау, и Гвингада, сына Кау, и Хлуибера, сына Кау, и Кота, сына Кау, и Майлика, сына Кау, и Канваса, сына Кау, и Ардвиада, сына Кау, и Эргариада, сына Кау, и Неба, сына Кау, и Гилду, сына Кау, и Калкаса, сына Кау, и Хиайла, сына Кау (его помощи еще никто никогда не просил).

Еще Самсона Винсиха, и Талиесина, лучшего из бардов, и Манавитана, сына Хлира, и Хлари, сына короля Каснара, и Асперни, сына Флерганта, короля Арморики, и Саранхона, сына Глатвира, и Хлаура Айлерва, и Аннианниаука, сына Мену, сына Тайгвайта, и Гвинна, сына Нуивре, и Флама, сына Нуивре, и Герайнта, сына Эрбина, и Эрмида, сына Эрбина, и Давела, сына Эрбина, и Гвинна, сына Эрмина, и Кандрвина, сына Эрмина, и Хавайта Инхленна, и Айтона Ваура Врадика, и Райдуна Арви, и Горманта, сына Рикка (брата Артура по матери, а отцом его был Пенханев из Корнвахла), и Хлаунротеда Варваука, и Нодаула Варива Турха, и Берта, сына Кадо, и Храйдуна, сына Бели, и Искована Хайла, и Искавина, сына Панона, и Морврана, сына Тегида (никто не посмел его ударить в битве при Камлане⁷ из-за его уродства, все думали, будто он помощник дьявола; волосы у него были как шерсть у оленя).

Еще Санта Брида Ангела (никто не коснулся его копья в битве при Камлане из-за его красоты, все думали, будто он ангел – посланец Бога). Еще Канвила Санта (третий воин он был, который спасся в битве при Камлане и ускакал от Артура на своем коне Хенгроине).

Еще Ихтрида, сына Эрима, и Айса, сына Эрима, и Хенваса Адайнауга, сына Эрима, и Хенбедестира, сына Эрима, и Сгилти Аскаундройда, сына Эрима (эти три мужа были славны такими тремя достоинствами: за Хенбедестиром никто не мог угнаться ни бегом, ни на коне, а от Хенваса Адайнауга не убежал ни один четвероногий зверь дальше чем на акр⁸, прежде чем Хенвас убивал его, а Сгилти Аскаундройд, если господин приказывал ему быть гонцом, никогда не искал дорогу полегче, а бежал напрямую, и если лес вставал перед ним, то он бежал по верхушкам деревьев; за всю свою жизнь он не смял ни одной травинки и не погубил ни одной из них, так легко был его шаг).

И Тайти Хена, сына Гвинхана (когда его владения погибли, поглощенные морем, и сам он едва спасся, то явился он к Артуру, а его нож был знаменит тем, что к нему не подходила ни одна рукоять, и из-за этого заболел Тайти Хен и зачах до смерти).

Еще Карнетира, сына Гованиона Хена, и Гвенвинвина, сына Нава Гассевина, Артурова защитника, и Хласадрита Эмиса, и Гурботи Хена (дядями они приходились Артуру, будучи братьями по матери).

И Килванавида, сына Гориона, и Хленхлаууга Витела с окраины Ганиона, и Даванвала Мойла, и Динарда, короля Северных земель, и Тайрнона Турива Блианта, и Тегвана Глофа, и Тегира Талгехлаууга, и Гурдинала, сына Эбрая, и Морганта Хайла, и Гвистила, сына Хрина,

---

⁷ Битва при Камлане – последняя битва Артура, в которой пали он сам и большинство его воинов.

⁸ Акр (как мера длины) – около 200 метров.

сына Нвитона, и Хлуитая, сына Нвитона, и Гвидре, сына Хлуитая (чьей матерью была Гвенабви, дочь Кау; его ранил родной дядя Хиайл, из-за чего началась вражда между Хиайлом и Артуром).

Еще Дрема, сына Дремидида (который из Гехли Вика в Корнвахле мог разглядеть поутру комара в Пен Блатаоне, что в Северной Британии).

Еще Айдиола, сына Нера, и Глуитина Сайра (который построил Эхангвен, залу Артура).

И Канира Кайнварваука (когда ему сообщили, что у него родился сын, он так сказал своей супруге: «Госпожа, если это мой сын, его сердце всегда будет холодным и в руках у него не будет тепла; если он мой сын, то он будет донельзя упрямым; и еще одно свойство будет у него: что бы ни было у него в руках или на спине, большая ноша или маленькая, никто не увидит ее; и еще одно свойство будет у него: в огне он не сгорит, в воде не утонет; и еще одно свойство будет у него: не найдется на земле никого, кто бы лучше его служил своему господину»).

И Хенваса, и Хенвинеба (старых товарищей Артура).

И Гвахлгойка (еще одного; стоило ему прийти в город, будь там хоть триста домов, но, если ему хотелось, он никому уснуть не давал, пока не отправлялся дальше).

И Бервина, сына Геренхира, и Париса, короля Франции, и Ослу Гахлехлваура (который всегда носил при себе нож с широким лезвием; когда Артур со своими гостями приблизились к стремительному потоку и стали искать место поуже, чтобы перейти через него, Осла Гахлехлваур положил поперек него свой нож, и тотчас вырос на том месте мост для войск трех островов Британии и соседних трех островов со всем их добром).

И Гвитауга, сына Менестира (который убил Кая и которого убил Артур вместе с его братьями, чтобы отомстить за Кая).

И Гаранвина, сына Кая, и Амрена, сына Бедвира, и Эли Амира, и Храя Хруида Дариса, и Хрина Хридверна, и Эли и Трахмира (славных охотников Артура).

Еще Хлуитая, сына Келкойда, и Хинабви, сына Гуриона, и Гвинна Годиврона, и Гвайра Датарвенитауга, и Гвайра, сына Кадехла, сына Таларианта, и Гвайра Гухлида Эннвира, и Гвайра Паладира Хира (дядей Артура со стороны матери).

И сыновей Хлуха Хлаувинниауга (из-за бурливого моря).

И Хленхлеауга Витела, и Артерхауга Прадайна.

И Каса, сына Сайди, и Гурвана Гвахлта Авуина, и Гвихленнхина, короля Франции, и Гвиттарта, сына Ойта, короля Ирландии, и Гарселита Витела, и Панаура Пена Багада, и Флайдора, сына Нава, и Гвиннхивара, правителя Корнвахла, и Девона (девятый муж, до конца стоявший в битве при Камлане).

И Кели, и Киели, и Гихла Койса Хита (который одним прыжком умел покрыть триста акров, и никто в Ирландии не мог превзойти его).

И Сола, и Гвадина Оссола, и Гвадина Одиаyta (Сол мог целый день простоять на одной ноге, под ногами же Гвадина Оссола даже самая крутая гора превращалась в плоскую равнину, а из-под ног Гвадина Одиаyta, если он шел по камням, летели искры – это он расчищал дорогу для Артура, если ему мешала какая-нибудь преграда).

И Хирерума, и Хиратрума (когда они отправлялись в гости, три округа варили, жарили и парили, и они ели до полудня и пили до ночи, пока не наставала пора идти спать. И тут они с жадностью набрасывались на вшей и клопов, словно век не ели; после них не оставалось в закромах ни жирного, ни постного, ни свежего, ни соленого, ни вареного, ни сырого).

И Хиарвара, сына Афлауна (он просил у Артура столько еды, сколько вместит его живот, и из-за этого начался в Корнвахле третий по счету голод; никогда он не улыбался, разве только если набивал брюхо).

И Гваре Гвахлта Айрина.

И обоих отпрысков Гасты Храми – Гвитрида и Гвитная Астриса.

И Сирина, сына Сигнедита (у него была такая широкая грудь, что он мог выпить до последней капли все море, на котором стояли на якоре три сотни кораблей).

И Хракамури из свиты Артура (какой бы ни показали ему амбар, пусть даже для зерна с тридцати полей, от одного его удара цепом и стропила, и балки, и все доски превращались в овес, аккуратно ссыпанный на пол).

И Дагавлунга, и Анойта Вайдауга.

И Хира Айтила, и Хира Амрая (тоже из свиты Артура).

И Гвевила, сына Гвестада (у которого, если он грустил, нижняя губа свисала до пояса, а верхняя прикрывала голову вместо колпака).

И Ихтрида Варива Драуса (который мог покрыть своей рыжей бородой сорок восемь стропил Артурова дворца).

И Элидира Гаварвита.

И Аскардава, и Аскидита (тоже из свиты Артура, его гонцы, у которых ноги были быстрее мысли).

И Браса, сына Брассетаха (с горы Черных Папоротников, что в Северной Британии).

И Гудолвина Горра.

И Булха, и Кавулха, и Севулха, сыновей Клетива Кавулха и внуков Клетива Дивулха. (Три их щита – три огненных солнца. Три их копья – три безудержные молнии. Три их меча – трое безжалостных убийц: Глас, Глессик и Глайсад. Три их пса – Кахл, Киахл и Кавахл. Три их коня – Хуирдатуд, Другдатуд и Хлуирдатуд. Три их жены – Ох, Гарим и Диаспад. Три их внука – Хлихед, Невед и Айссивед. Три их дочери – Друг, Гвайт и Гвайтав Охл. Три их служанки – Эхайбрид, дочь Кавулха, Гораскурн, дочь Нерта, Эвайдан, дочь Канвелина Кайдауда Пуихла, получеловека.)

И Дунна Диессика Инбенна, и Айладира, сына Пена Хларкая, и Каледира Вихлта, сына Нвитона, и Савила Бена Ихела, и Гвалхмая, сына Гвиара, и Гвалхаведа, сына Гвиара, и Гухрира Гвалстауда Иайтойта (который знал все языки земли), и священника Кеткрума.

И Клиста, сына Клиствайнада (который, будь он даже на семь локтей под землей, все равно услышал бы, как на расстоянии пятидесяти миль просыпается утром муравей).

И Медира, сына Метредита (который из Гехли Вика мог попасть в крапивника на Эсгайр Ойрвеле, что в Ирландии).

И Гвиауна Хлагада Ката (который мог срезать перепонку с глаза комара, не потревожив его).

И Ола, сына Олвита (за семь лет до его рождения у его отца украли свинью, и когда он подрос, то выследил вора и привел домой семь стад свиней).

И епископа Бедвини (который благословлял еду и питье Артура).

Во славу златоволосых дочерей нашего острова. Во славу королевы Гвенхвивар, и ее сестры Гвенхвиах, и Раттиай, единственной дочери Клеменхихла, и Хрелемон, дочери Кая, и Таннвен, дочери Гвайра Датарвенитауга.

И Гвен Аларх, дочери Канвила Канбуха.

И Айрнайнд, дочери Клидно Айтина.

И Энрадрег, дочери Тидватара.

И Гвеннуледир, дочери Гваледира Карваха.

И Эртиднид, дочери Трафина.

И Айролвен, дочери Гудолвина Горра.

И Телери, дочери Пайла.

И Индег, дочери Гарви Хира.

И Морвит, дочери Ириена Хрегедата.

И Гвенлиан Дег – волшебницы.

И Крайталад, дочери Хлита Хлау Эрайнта (она была самой красивой из всех девиц на Могучем Острове и на трех островах по соседству, и из-за нее Гвитири, сын Грайдаула, и Гвинн, сын Нита, бились каждый первый день мая).

И Эхлаиа, дочери Неола Кинн-Крога (она прожила три жизни).

И Эссихлт Винвен, и Эссихлт Вингил.

Так говорил Килхух, сын Килита, чтобы добиться своего.

И сказал ему Артур:

– Вождь, я никогда не слыхал ни об этой девице, ни об ее родичах, но я с радостью пошлю гонцов, чтобы они отыскивали ее. Дай мне время.

– Я готов ждать ровно год.

Артур разослал гонцов во все свои земли, чтобы они нашли девицу. Ровно через год его гонцы возвратились, зная об Олвен не больше того, что им было известно за год до этого.

Килхух сказал:

– Все совершили свои подвиги, а я уеду ни с чем, но увезу с собой твою честь.

Тогда выступил вперед Кай:

– Ты слишком торопишься, вождь. За что ты поносишь Артура? Поедем с нами, или мы отыщем девицу, или ты признаешь, что нет такой девицы на свете.

Кай мог вдохнуть воздух и не дышать под водой девять дней. И еще девять дней и девять ночей он мог не спать. Рану, которую наносил Кай, не брался лечить ни один лекарь. Чего только не умел Кай! Если ему хотелось, он мог стать выше самого высокого дерева. Внутри у него горел жаркий огонь, и, когда шел дождь, все мгновенно высыхало под его рукой, а когда его спутники замерзали, он был для них вместо печки.

Еще Артур позвал Бедвира, который всегда был там, где был Кай, и с которым никто не мог сравниться в быстроте, кроме Артура и Дриха Айла Кибтара. И пусть у него была одна рука, три не могли бы быстрее убить врага на поле брани, чем его одна. И еще у него было копьё, которое поражало с такой же силой, как девять обыкновенных копий.

Позвал Артур и Кантелига Разведчика.

– Иди и ты с вождем.

Никто лучше его не мог разведать все в чужой стране, а он это делал как в своей собственной.

Позвал и Гухрира Гвалстаута Иайтойта, потому что он знал все языки на земле.

Позвал и Гвалхмая, сына Гвиара, потому что он никогда не возвращался домой, не исполнив задуманного. Он был лучшим ходоком и лучшим рыцарем, и он был племянником Артура, сыном его сестры и его двоюродного брата.

Еще Артур позвал Мену, сына Тайгвайта, чтобы в чужой стране он заколдовал рыцарей и они стали невидимыми для других, зато сами могли бы все и всех видеть.

Воины отправились в путь и не останавливались до тех пор, пока им не открылась широкая равнина, а на ней стоял большой замок, прекраснее которого не видели на земле. Но как они ни торопились, они ни на фут не приблизились к замку ни в первый день, ни во второй. Лишь на третий день замок оказался почти рядом, но путь к нему преградила отара овец, конца и края которой не было видно. На вершине холма стоял пастух в кожаной одежде, а возле него косматый мастиф размером с девятилетнего жеребца: пес этот не потерял еще ни одного ягненка, не говоря уж о взрослой овце. Все на своем пути он сметал и уничтожал, и не осталось на равнине ни дерева, ни кустика, которых он не сжег бы до корней своим дыханием.

Тогда сказал Кай:

– Иди, Гухрир Гвалстаут Иайтойт, и поздоровайся с этим человеком.

– Кай, – ответил тот, – не должен я выходить вперед тебя.

– Тогда пойдем вместе.

Тут вышел Мену, сын Тайгвайта.

– Не бойтесь, – сказал он, – я наложу заклятие на пса, и он никого не тронет.

Они поднялись на холм, на котором стоял пастух.

– Как живется-можется, пастух?

– И вам пусть можется не хуже, чем мне.

– Да ты не вождь ли?

– Никто меня не обидит, если я сам себя не обижу.

– Чьи это овцы и кому принадлежит замок?

– Глупые люди! Всем на земле известно, что здесь живет Аспатаден Пенкауэр.

– А ты кто?

– Я – Кистеннин, сын Давнедига, и мой брат Аспатаден Пенкауэр не любит меня из-за моего богатства. А вы кто такие?

– Нас послал Артур на поиски Олвен, дочери Аспатадена Пенкауэра.

– Ох, не в добрый час пришли вы сюда, ведь никто еще не возвращался живым от Аспатадена Пенкауэра.

Пастух встал. Килхух вручил ему золотое кольцо, но не налезло оно ему на палец, и он положил его в перчатку. Потом он пошел домой и отдал кольцо на хранение жене. Она же вытащила кольцо из перчатки и спросила:

– Где ты взял это кольцо, если тебе нельзя владеть никаким добром?

– Пошел я к морю наловить рыбы, – сказал Кистеннин. – Вдруг вижу выброшенный на берег труп. Прекраснее его мне еще не случалось видеть. Ну, я снял кольцо у него с пальца.

– Нет, муж, море не разрешает своим мертвым носить украшения.

– Ох, жена, того, кому принадлежало это кольцо, ты увидишь сегодня вечером.

– Да кто он такой? – спросила женщина.

– Килхух, сын Килита, сына короля Келатона, от жены его Голайтит, дочери короля Анлаута, и он пришел сюда за Олвен.

Женщина услышала это и обрадовалась случаю повидать племянника, сына своей сестры, но и опечалилась, потому что знала, что никто еще не уходил живым из замка, если приходил просить в жены Олвен.

Тем временем посланцы Артура подошли к воротам, и она, услышав их шаги, радостная побежала им навстречу. Кай незаметно вытащил полено из поленницы, и, когда она захотела обнять гостей, он подставил ей полено, и оно стало мягче веревки.

– Эй, женщина, – воскликнул Кай, – будь то моя шея, никто бы больше не смог выразить мне свою любовь. Недобрая твоя радость.

Гости вошли в дом и были приняты с почетом. Вскоре все развеселились. Тогда хозяйка открыла каменный сундук, который стоял возле очага, и оттуда появился юноша с белокурыми вьющимися волосами.

Сказал тогда Гухрир:

– Жалко такого красавца, хоть и знаю я, что это не его вина.

– Последний он у нас, – сказала женщина. – Двадцать три сына убил у меня Аспатаден Пенкауэр, и нет у меня надежды спасти последнего.

– Отпусти его с нами, – предложил Кай. – И он не будет убит, разве что вместе со мною.

Когда все насытились, женщина спросила:

– Зачем вы пришли сюда?

– Мы пришли просить Олвен в жены этому юноше.

– Ради бога, пока никто в замке вас не видел, возвращайтесь туда, откуда пришли.

– Господь свидетель, мы не уйдем отсюда, не повидав девицу.

– Она когда-нибудь приходит к вам? – спросил Кай.

– Каждую субботу она приходит мыть голову и снимает все свои кольца, но никогда не забирает их сама и не присылает слуг забрать их.

– А она придет, если кого-нибудь за ней послать?

– Клянусь Богом, я не возьму грех на душу и не предам ту, что доверяет мне, разве вы поклянетесь, что не причините ей вреда.

– Клянемся, – сказали гонцы Артура.

Тогда женщина послала за Олвен, и Олвен пришла.

На ней было платье из огненного шелка, а на шее – золотой воротник, украшенный изумрудами и рубинами. Волосы у нее были желтее цветка ракичника, кожа блее морской пены, а руки и пальцы прекраснее лесных анемонов среди лугового многоцветья. Глаза прирученного сокола или трижды линявшего ястреба не так сверкают, как сверкали ее глаза. Грудь у нее была блее лебединой, а щеки краснее, чем самая красная роза. И не было воина, который, взглянув на нее, не отдал бы ей свое сердце. И где она ступала, тотчас вырастали четыре цветка белого клевера. Поэтому звали ее Олвен.

Она вошла в дом и села рядом с Килхухом на ближайшую скамью, а он, едва ее увидел, тотчас узнал.

Сказал ей Килхух:

– Ах, я узнал тебя, девица. Пойдем со мной, чтобы никто не говорил плохого ни о тебе, ни обо мне. Давно я тебя люблю.

– Не могу, – отвечала Олвен. – Я обещала отцу, что не стану ничьей женой, не спросив у него совета, потому что его жизнь закончится с моей свадьбой. Но чему быть, того не миновать. Если ты выслушаешь меня, я дам тебе совет. Иди к отцу и проси, чтобы он отдал меня тебе, но, чего бы он ни потребовал от тебя, ни в чем ему не отказывай, и тогда получишь меня, а если откажешь хоть в чем-нибудь, не только меня не получишь, но и жизни своей лишишься.

– Как ты сказала, так я и сделаю, – обещал ей Килхух.

Олвен возвратилась во дворец, и воины Артура пошли следом за ней. Не поднимая шума, они убили девять привратников, охранявших девять ворот замка, и девять псов, не успевших подать голос, и вошли в главную залу.

– Будь благословен Богом и людьми, Аспатаден Пенкауэр.

– И вам того же, зачем бы вы ни пришли ко мне.

– Мы пришли просить, чтобы ты отдал свою дочь Олвен в жены Килхуху, сыну Килита, сына короля Келатона.

– Куда подевались мои слуги и мои пажи? Поднимите мне веки, чтобы я мог лучше разглядеть моего будущего зятя!

Слуги тотчас вставили в его глаза распорки.

– Приходите завтра, – сказал Аспатаден Пенкауэр. – Завтра я дам ответ.

Воины поднялись и пошли к двери, а Аспатаден Пенкауэр схватил одну из отравленных стрел, что лежали рядом с ним, и метнул ее в Бедвира. Однако Бедвир перехватил стрелу и проткнул ею колено Аспатадена Пенкауэра так, что тот взвыл от боли.

– Будь ты проклят, зять! Теперь я навечно запомню тебя, потому что никто не вылечит мое колено. Хуже овода ужалило меня отравленное железо. Будь проклят кузнец, который выковал стрелу, и будь проклята наковальня, на которой он ее выковал! Зачем он сделал ее такой острой?!

Воины Артура провели ночь в доме пастуха Кистеннина, а на другое утро, едва рассвело, они поспешили в замок и сказали, войдя в залу:

– Аспатаден Пенкауэр, отдай нам свою дочь, и мы дадим ей приданое и заплатим ее девичью часть тебе и двум женщинам из ее рода. А коли ты откажешь нам, не быть тебе живым.

Он ответил:

– Еще живы ее четыре прабабки и четыре прадеда, и мне нельзя не спросить у них совета.

– Будь по-твоему.

Воины встали, а Аспатаден Пенкауэр схватил вторую стрелу и метнул ее им вслед, однако Мену, сын Тайгвайта, перехватил ее и метнул в Аспатадена Пенкауэра, попав ему прямо в грудь, так что острие вышло у него из спины.

– Проклятый зять! – вскричал Аспатаден Пенкауэр. – Железо впилося в меня, как конская пиявка! Проклят будь горн, в котором ее калили, проклят будь кузнец, который ее ковал! Зачем он сделал ее такой острой?! Теперь не смогу я всходить на гору, чтобы не перехватывало у меня дыхание и не болела грудь! Как же мне есть мясо?!

Воины Артура вернулись к пастуху и сели за стол.

В третий раз они пришли во дворец, и Аспатаден Пенкауэр сказал им:

– Не берите в руки стрел, если хотите уйти отсюда живыми! Где мои слуги? Пусть поднимут мне веки, чтобы я мог еще раз взглянуть на своего зятя.

Воины встали, и Аспатаден Пенкауэр схватился за последнюю ядовитую стрелу, но Килхух поймал ее и, метнув обратно, попал прямо в глаз Аспатадену Пенкауэру. Острие стрелы вышло у него из затылка.

– Проклятый зять! – вскричал Аспатаден Пенкауэр. – Никогда больше не смотреть мне, как всем людям! Если я пойду против ветра, то глаза у меня будут слезиться и пылать огнем, и каждый раз, когда поднимется в небе молодая луна, голова у меня будет кружиться. Будь проклято пламя, в котором ковали стрелу! Ядовитая стрела кусает больнее бешеной собаки.

Воины покинули его.

А на другой день они пришли во дворец и сказали:

– Не кидай больше нам вслед стрелы, если не хочешь, чтобы они тебя жалили, чтобы они в тебя впивались, чтобы они тебя кусали, да больнее прежнего.

– Отдай мне свою дочь, а если не отдашь, то заплатишься жизнью, – потребовал Килхух.

– Кто пришел за моей дочерью? Пусть подойдет поближе, чтоб я мог его разглядеть.

Слуги поставили кресло для Килхуха, чтобы он сел лицом к лицу с Аспатаденом Пенкауэром.

Спросил Аспатаден Пенкауэр:

– Ты пришел за моей дочерью?

– Я, – ответил Килхух.

– Поклянись, что будешь вести себя честно. И когда я получу то, что потребую от тебя, моя дочь станет твоей.

– С радостью клянусь, – сказал Килхух. – Говори, чего ты хочешь.

– Не торопись. Видишь вон ту гору?

– Вижу.

– Так вырубь все деревья, выжги все корни, и вспаши землю, и засежь ее в один день, и в тот же день пусть вырастет на ней пшеница. Из той пшеницы я прикажу наделать пирогов и наварить вина к твоей свадьбе с моей дочерью. Ты должен управиться в один день.

– Это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Никому не вспахать эту землю, кроме Амайтона, сына Дона, а он не придет тебе на помощь ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Гованнон, сын Дона, должен прийти и наладить плуг, а он работает только на своего законного короля, и силой его не заставишь работать.

– И это нетрудно исполнить.

– Не торопись. Еще тебе понадобятся два запряженных вместе серо-коричневых быка Гвулулида, чтобы вспахать эту землю, а он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это нетрудно исполнить.

– Не торопись. Еще ты должен дать мне желтого и пятнистого быков, запряженных вместе.

– И это нетрудно исполнить.

– Не торопись. Ты дашь мне двух рогатых быков, которые стоят по разные стороны горы, но запряжены в одно ярмо. А на самом деле они – Нинниау и Пайбау, которых Бог наказал за их грехи.

– И это нетрудно исполнить.

– Не торопись. Видишь вон ту красную вспаханную землю?

– Вижу.

– Когда я в первый раз встретил мать этой девицы, девять бушелей льняного семени были посажены там, и ни одно семя не взошло. Ни белое, ни черное. Но я не теряю надежды. Ты тоже посади лен, а когда он вырастет, пусть из него соткут ко дню свадьбы белый плат для твоей невесты.

– И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Мед в девять раз слаще, чем пчелиный, ты должен приготовить без помощи пчел, чтобы сварить из него брагу к свадебному пиру.

– И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нет нигде и ни у кого красивее бутылки, чем у Хлуира, сына Хлуириона. Ни в какую другую не поместится столько браги, но ни по доброй воле, ни по принуждению он не даст ее тебе.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Есть у Гвитная Гаранхира корзина. Даже если сойдутся вместе трижды девять человек, всем хватит в ней мяса. В день, когда моя дочь станет твоей женой, я хочу есть из этой корзины, но не дает он ее никому ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. У Гулгауда Гододина есть рог, который ты должен принести на свадебный пир. Но он никому не дает его ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Вспомнил я еще об арфе Тайрту, которая сама играет, пока ты хочешь ее слушать. Но он не дает ее никому ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нам понадобится еще котел Диурнаха Витела, сенешаля Одгара, сына Айта и короля Ирландии, чтобы сварить в нем мясо для свадебного пира.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Еще надо мне вымыть голову и сбрить бороду, и ты должен принести мне клык Аскитарвина Пенбайта, но не мертвого, а живого.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Никому на всей земле не под силу это, кроме Одгара, сына Айта и короля Ирландии.

– И это легко исполнить.

– Не торопись. Никому не доверю я хранить этот клык, кроме Кау из Северной Британии. Он правит трижды двадцатью округами в Северной Британии и ни по доброй воле, ни по принуждению не покинет свои владения.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Мне надо намочить и выпрямить волосы, чтобы постричь их, а намочить их я могу только в крови черной колдуньи, дочери белой колдуньи из Пен Нант Говида, что находится в Аду.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Кровь нужна мне теплой, и для этого не годятся никакие бутылки, кроме бутылей Гудолвида Горра, который может наполнить их горячим питьем на востоке и привезти его горячим на запад. Но он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Наверно, многие захотят попить свежего молока, а его у нас не хватит на всех, если не будет у нас бутылей Хриннона Хрина Барнаула, в которых молоко никогда не прокисает. Но он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить.

– Не торопись. На всей земле не найти гребня, бритвы и ножниц, которыми можно привести в порядок мои волосы, такие они густые, кроме гребня, бритвы и ножниц, что находятся за ушами Турха Труита, сына короля Тарета. Но он не отдаст их ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Никому не под силу завладеть Турхом Труитом без помощи Дридвина, отродья Грайда, сына Эри.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. На всей земле нет поводка, который мог бы удержать его, кроме поводка Гурса Канта Эвина.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. На всей земле нет ошейника, который удержал бы его, кроме ошейника Канхастира Канхлау.

– И это легко исполнить.

– Не торопись. Тебе понадобится цепь Килита Канхастира, чтобы прикрепить ошейник к поводку.

– И это легко исполнить.

– Не торопись. На всей земле нет охотника, который мог бы управиться с этим псом, кроме Мабона, сына Модрона. Его увезли от матери, когда ему было три дня от роду, и никто не знает, где он теперь, живой он или мертвый.

– И это легко исполнить.

– Не торопись. Только Гвинн Магдун, конь Гвету, быстрый, как волна, подходит Мабону, сыну Модрона, для охоты на вепря Труита, но он не даст его тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Ты не найдешь Мабона, потому что никто не знает, где он, кроме Айдойла, его родича и сына Аира. А его искать без пользы, потому что он приходится Мабону двоюродным братом.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Гарселит Гвителиан – лучший охотник во всей Ирландии, и никто не справится с Турхом Труитом без него.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Поводок надо сплести из волос, взятых из бороды Дихлиса Варваука, но не мертвого, а живого, и не срезанных, а вырванных деревянными щипцами. А он, пока жив, не позволит этого сделать ни по доброй воле, ни по принуждению. Если же он умрет, то и борода его не нужна, потому что волосы в ней станут ломкими.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нет на земле охотника, который управился бы с двумя такими отродьями, кроме Каледира Вихлта, сына Нвитона, который в девять раз злее любого зверя в горах. Он-то уж не пойдет за тобой ни по доброй воле, ни по принуждению, и ты не получишь мою дочь.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Не дастся никому вепрь Труит, кроме Гвинна, сына Нита, которого Господь поставил над дьяволами в Аннувине, чтобы они не погубили всех людей. Без него никак нельзя обойтись.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нет такого коня на земле, который выдержал бы Гвинна на охоте за Турхом Труитом, кроме Ди, коня Мора из Ойрветауга.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Пока не будет тут Гуихленнхина, короля Франции, без пользы охотиться на Турха Труита. А зачем ему ради тебя покидать Францию?

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нельзя идти на охоту на Турха Труита без сына Алина Даведа. Он лучше всех умеет управляться с собаками.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Нельзя отправляться на охоту на Турха Труита без Анеда и Айтлема. Они бегают быстрее ветра, и, когда бы ни спускали их на зверя, без добычи они не возвращались.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Артур и его рыцари тоже должны принять участие в охоте на Турха Труита, а он муж могучий и не подчинится тебе, сколько бы ты его ни уговаривал.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Ты не можешь отправиться на охоту без Булха, и Кавулха, и Севулха, внуков Клетива Дивулха. Три их щита – три огненных солнца. Три их копья – три безудержные молнии. Три их меча – трое безжалостных убийц: Глас, Глессик и Глайсад. Три их пса – Кахл, Киахл и Кавахл. Три их коня – Хуирдатуд, Другдатуд и Хлуирдатуд. Три их жены – Ох, Гарим и Диаспад. Три их внука – Хлихед, Невед и Айссивед. Три их дочери – Друг, Гвайд и Гвайтав Охл. Три их служанки – Эхайбрид, дочь Кивулха, Гораскурн, дочь Нерта, и Эвайдан, дочь Канвелина. Когда они трубят в рог, а остальные кричат, то все думают, будто небо падает на землю.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Еще тебе нужен меч Гурнаха Великана, потому что только этим мечом можно убить Турха Труита. А он никогда не даст его тебе ни по доброй воле, ни в подарок, ни за плату, ни по принуждению.

– И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

– Не торопись. Одолей хоть какие опасности, не спи хоть все ночи напролет, а не прине-сешь требуемого – не видать тебе моей дочери.

– И кони у меня есть, и рыцари есть в подмогу. Господин мой и родич Артур все исполнит для меня. Я возьму твою дочь в жены, а ты умрешь.

– Иди и не забудь, ты кормишь и одеваешь мою дочь, пока исполняешь мои поручения. А исполнишь все, бери ее в жены.

За весь день не встретили воины никого на своем пути, а к вечеру увидели неподалеку замок, наверно, самый громадный на земле. Из него – глядите-ка! – вышел человек в три раза больше любого смертного.

Рыцари заговорили с ним:

– Откуда ты идешь, о великий муж?

– Из замка.

– А чей это замок?

– Откуда вы, если не знаете, кому принадлежит замок? Хозяин его – Гурнах Великан.

Это всем на земле известно.

– А как встречают гостей в его замке?

– Ох, спаси и сохрани вас Господь. Никто еще не выходил из него живым, а чтобы войти в него, нужно уметь или знать что-то особенное.

Воины подошли к воротам.

– Эй, привратник! – позвал Гухрир Гвалстаут Иайтойт.

– Здесь я, – откликнулся привратник. – Чего ты кричишь?

– Открывай ворота.

– Не открою.

– Почему же не откроешь?

– Уже нож в мясе и вино в роге – веселится Гурнах Великан в пиршественной зале, и не велено никого пускать, кроме особых умельцев.

– Вот и хорошо, привратник, – сказал Кай. – Ведь я как раз умелец.

– А что ты умеешь?

– Я лучше всех чищу мечи.

– Пойду скажу Гурнаху Великану. На все его воля.

Привратник вошел в залу, где веселился Гурнах, и Гурнах спросил его:

– С чем пришел, привратник?

– У ворот ждут мужи. Они хотят видеть тебя.

– Ты узнал у них, что они умеют делать?

– Узнал, – ответил привратник. – Один сказал, что он мастер чистить мечи.

– Он мне нужен. Уже давно я ищу кого-нибудь начистить до блеска мой меч и никого не могу найти. Впусти его, если он и вправду такой умелец.

Привратник вернулся к воротам, открыл их и впустил одного Кая, а потом Кай, как полагается, приветствовал Гурнаха Великана, и для него принесли кресло, которое поставили напротив трона Гурнаха. Гурнах спросил его:

– Правду сказали мне, что ты мастер чистить мечи?

– Нет такой тайны в этом деле, которую бы я не знал.

Принесли меч Гурнаха, и Кай, взяв в руки синий точильный камень, спросил, до синего или до белого блеска чистить меч.

– Делай так, как если бы это был твой меч.

Кай до блеска начистил одну сторону лезвия и показал свою работу Гурнаху.

– Оцени, – сказал он.

– Я бы ничего не пожалел в моих владениях за то, чтобы весь меч стал таким. Однако мне удивительно, что такой муж, как ты, странствует один.

– Ты прав, благородный господин, не один я пришел к тебе, только муж, который странствует со мной, не владеет моим искусством.

– Кто же он тогда?

– Позови привратника, и я скажу ему, как его узнать. Наконечник на его копье сам слетает с древка, и не успеешь моргнуть, как он уже, окровавленный, вновь на древке.

Привратник открыл ворота, и в залу вошел Бедвир.

– Хоть и не знает Бедвир моего искусства, зато своим владеет в совершенстве.

Среди тех, кто остался за воротами, разгорелся спор, что им делать дальше, после того как Каю и Бедвиру удалось-таки проникнуть во дворец, и тогда сказал свое слово юноша, который пришел с ними, единственный сын Кистеннина-пастуха, велевший остальным стать как можно ближе к нему, когда он будет проходить мимо стражи. Беспрепятственно все они миновали три стражи и, оказавшись во дворе замка, вскричали:

– Великое дело сделал ты! Нет тебе равных на земле!

С тех пор сына Кистеннина стали звать Горай, сын Кистеннина.

Нимало не медля, воины разошлись по разным покоям, чтобы незаметно для Великана перебить его слуг и вассалов.

До блеска начистив меч, Кай отдал его Гурнаху Великану и спросил:

– Доволен ли ты?

– Доволен, – ответил Великан, – ты поработал на славу.

И сказал Кай:

– В том, что твой меч ржавеет, виноваты ножны. Дай их мне, и я заменю в них деревянные части.

В одну руку он взял ножны, в другую меч, подошел к Великану и стал рядом с ним, а потом, сделав вид, словно хочет вложить меч в ножны, взмахнул им и одним ударом отсек Великану голову. Потом Кай и его спутники обошли весь замок и взяли столько добра и драгоценностей, сколько смогли унести.

Миновал ровно год, прежде чем рыцари пришли к Артуру с мечом Гурнаха Великана.

Когда они рассказали Артуру, как провели год, он спросил:

– За что мы теперь возьмемся в первую очередь?

– В первую очередь нам надо отыскать Мабона, сына Модрона, а это никак невозможно сделать прежде, чем мы отыщем его родича Айдойла, сына Аира.

Тогда Артур и все воины с Британских островов отправились на поиски Айдойла и, рано ли, поздно ли, добрались до замка Гливи, где жил в заточении Айдойл. Взосел Гливи на башню и крикнул сверху:

– Артур, что тебе надобно от меня? Знай, что нет у меня ни зерна, ни овса и живу я в своем замке без радости и утешения. Зачем тебе причинять мне зло?

– Не со злом я пришел к тебе, – ответил Артур. – Ищу я твоего узника.

– Отдам я тебе своего узника, хотя и не собирался никому его отдавать, а ты сочти это за помощь тебе.

Тогда воины Артура сказали ему:

– Господин, поезжай домой. Не след тебе исполнять то, с чем мы сами справимся.

Артур ответил им:

– Поезжай ты, Гухрир Гвалстаут Иайтойт, ибо тебе известны все языки, что есть на земле, – и птичьи и звериные тоже. И ты, Айдойл, поезжай на поиски своего двоюродного брата. Ну а вы, Кай и Бедвир, за что ни беретесь, все у вас получается. Постарайтесь же и теперь для меня.

Артуровы воины отправились дальше и ехали до тех пор, пока не повстречался им Дрозд из Килгури. И Христом Богом взмолился Гухрир:

– Скажи нам, если знаешь: где теперь Мабон, сын Модрона, которого похитили, когда ему было всего три дня от роду и он лежал на ложе рядом со своей матерью?

Ответил Дрозд:

– Когда я в первый раз прилетел сюда совсем молодым, здесь стояла кузня. С тех пор ее забросили, и только я каждый вечер точу тут свой клюв, а он у меня теперь совсем маленький, с орешек. Верно, небеса прогневались на меня, если за всю жизнь я ни разу не слышал о муже, о котором ты спрашиваешь. Но я знаю, чем пособить гонцам Артура. Неподалеку живут звери, явившиеся на землю еще до меня. Я покажу дорогу к ним.

Он привел Артуровых мужей к Оленю из Реданвре.

– Послушай, Олень из Реданвре, мы пришли к тебе, посланцы Артуровы, потому что ты дольше всех живешь на земле. Скажи, не слышал ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от его матери, когда ему было всего три дня от роду?

– Когда я поселился тут, вокруг была голая равнина, на которой рос один молоденький дубок. Он стал могучим дубом с сотней веток, а потом состарился и погиб, и на его месте лишь сухой пенек торчит из земли. Все время я живу на этом месте и ни разу не слышал о муже Мабоне. Но я знаю, чем пособить гонцам Артура.

И Олень проводил их к Сове из Кум Каулвида.

– Сова из Кум Каулвида, я привел к тебе гонцов Артура. Не слышала ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

– Не слышала. Когда я поселилась здесь, на месте широкой низины была узкая горная долина, заросшая лесом. Потом пришли люди. Они выкорчевали лес, потом здесь вырос новый, а этот лес – уже третий по счету. Вот и мои крылья стали похожи на сухие обрубки, но ни разу я не слышала о муже, которого вы разыскиваете. Однако я знаю, чем пособить гонцам Артура. Провожу-ка я вас к самому старому жителю земли, который во многих местах побывал и многое повидал, – к Орлу из Гверн Абви.

Сказал Орлу Гухрир:

– Орел из Гверн Абви, мы, гонцы Артура, пришли к тебе спросить: не слышал ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

Ответил Орел:

– Давно я живу на свете, и, когда я поселился здесь, тут не было ничего, кроме высокой скалы, с вершины которой я каждую ночь любовался на звезды, а теперь она не выше пяди, но ни разу я не слышал о муже, которого вы разыскиваете. Правда, давно это было, искал я, чем бы утолить голод, и долетел до Хлин Хлива. Там я увидел Лосося и вонзил в него когти, обрадовавшись, что надолго мне хватит еды. Не тут-то было. Уволок он меня чуть не на самое дно, и я тогда еле спасся. Собрал я родичей, и все вместе мы полетели объявить ему войну, а он послал к нам своих гонцов, и мы заключили с ним мир. Потом он явился сам и умолил меня вытащить из его спины пятьдесят гарпунов. Если он ничего не слышал, так и не знаю, кто еще слышал о муже Мабоне. Скачите вперед, я покажу вам дорогу к дому Лосося.

– Лосось из Хлин Хлива! – крикнул Орел, когда они добрались до места. – Я привел к тебе Артуровых гонцов. Они хотят знать: не слышал ли ты, где живет Мабон, сын Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

– Я скажу вам, что знаю. Когда наступает прилив, я поднимаюсь вверх по реке до самых стен Глостера и каждый раз слышу там горький плач. А чтобы вы поверили, пусть два мужа сядут мне на спину и сами убедятся в правоте моих слов.

Кай и Гухрир Гвалстаут Иайтойт добрались на спине Лосося к стенам крепости, и тяжкие стоны и скорбный плач донеслись до них из подземелья.

Спросил Гухрир:

– Кто плачет в каменном замке?

– Здесь любому есть что оплакать, потому и я плачу, Мабон, сын Модрона, ибо не было еще на земле несчастнее узника, даже Хлиду Хлау Эрайнту и Грайду, сыну Эри, не сравниться со мной в бедах.

– Как нам тебя вызволить? Отдадут ли тебя за золото-серебро или драгоценные камни, или придется нам обнажить мечи и сразиться за твою свободу?

– Ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни не вызволят меня из темницы.

Гухрир и Кай помчались к Артуру и рассказали ему о том, что Мабон, сын Модрона, томится в неволе. Тогда Артур созвал всех воинов, что жили на острове, и они отправились в Глостер. Воины Артура атаковали крепость с суши, а тем временем Кай, пробившись сквозь стену, вынес на своей спине Мабона.

Потом Артур возвратился домой, и свободный Мабон решил присоединиться к нему.

Спросил Артур:

– Что нам теперь делать?

– Надо отыскать волчат Гасты Храмхи.

– А где их искать?

– В Абер Дай Клетиве.

Поскакал Артур в Абер Клетив к Трингаду, чтобы спросить, не знает ли он, где Гаста Храмхи.

– Какое у нее обличье? – спросил Трингад.

– Обличье волчицы. И при ней два волчонка.

– Она режет мои стада. И живет она в Абер Клетиве в пещере у подножия горы.

Артур взошел на корабль «Прадвен», а его воины отправились по берегу искать логовище Гасты Храмхи. Они окружили волчицу с двумя волчатами, и Господь по просьбе Артура вернул ей прежний облик.

А воины Артура по одному, по двое направились кто куда.

Как-то раз Гвитир, сын Грайдаула, бродя по горам, услышал стон и жалостный плач. Он не стал медлить и помчался что было мочи на голос. Мечом он сбросил муравьиную кучу на землю и спас ее от пожара. В благодарность за это муравьи отдали ему девять бушелей льняного семени, которые Аспатаден Пенкауэр требовал от Килхуха.

– Прими от нас Божий дар. Этого тебе не даст ни один человек.

Все девять бушелей льняного семени они собрали и потеряли только одно семечко, которое, еще не успело стемнеть, отыскал и принес Гвитуру хромой муравей.

Как-то раз сидели Кай и Бедвир на сигнальной башне, что на вершине Плинлиммона, где гуляет самый сильный ветер, и, оглядываясь кругом, заметили на юге столб дыма, который прямо поднимался в небо, не клонясь ни в какую сторону.

И Кай сказал:

– Клянусь рукой моего друга, это костер разбойника!

Они бросились в сторону костра, и когда приблизились к нему, то увидели Дихлиса Варваука, который опалил шкуру вепря.

– Послушай, – крикнул Бедвир Каю, – там разбойник, самый худший из всех, которые когда-либо убежали от Артура. Ты его знаешь?

– Знаю, – ответил ему Кай. – Это Дихлис Варваук. Ни один поводок на земле не удержит Дридвина, отродье Грайда, сына Эри, кроме поводка, сплетенного из его бороды, но и тот порвется, если волосы не будут вырваны у него живого деревянными щипцами. Мертвый Дихлис Варваук нам без пользы.

– Что нам делать? – спросил Бедвир.

– Пусть он съест столько мяса, сколько в него влезет, и заснет крепким сном.

Тем временем они приготовили деревянные щипцы. Убедившись, что Дихлис Варваук заснул, Кай вырыл у него под ногами яму, глубже которой никто не видывал на земле, и сильным ударом сбросил в нее Дихлиса Варваука. Деревянными щипцами Бедвир и Кай выщипали у него волосок за волоском всю бороду, а потом убили его.

После этого они отправились в Гехли Вик, что в Корнвахле, не забыв прихватить с собой поводок, сплетенный из волос Дихлиса Варваука, и отдали его Артуру из рук в руки.

Тогда Артур сочинил:

Поводок сплел Кай
Из бороды Дихлиса, сына Айрая,
Не убей ты его, он бы тебя убил.

Кай разгневался на него, и воинам с Острова едва удалось вновь примирить Кая и Артура. Но с тех пор, какие бы ни обрушивались на Артура и его воинов беды, Кай ни разу не пришел ему на помощь.

Спросил Артур:

– Что нам теперь делать?

– Надо отыскать Дридвина, отродье Грайда, сына Эри.

Незадолго до этого Крайталад, дочь Хлита Хлау Эрайнта, обручилась с Гвитиrom, сыном Грайдаула, но не успела она стать его женой, потому что явился Гвинн, сын Нита, и силой увез ее.

Гвитиr, сын Грайдаула, немедля собрал войско и пошел войной на Гвинна, сына Нита, но Гвинн победил его и взял в плен Грайда, сына Эри, и Глинная, сына Тарана, и Гургуста Ледлума, и Данварта, его сына. Еще он взял в плен Пенна, сына Нетауга, и Нвитона, и Каледира Вихлта, его сына.

Воины Гвинна, сына Нита, убили Нвитона, вынули у него из груди сердце и заставили Каледира съесть сердце его отца, отчего Каледир тронулся умом.

Прослышав об этом, Артур отправился на север, призвал к себе Гвинна, сына Нита, освободил всех своих воинов, которых Гвинн бросил в темницу, и повелел Гвинну, сыну Нита, и Гвитиру, сыну Грайдаула, заключить между собой мир на таких условиях: девица должна остаться в доме своего отца и никому не отдавать предпочтения, а Гвинн, сын Нита, и Гвитиr, сын Грайдаула, будут сражаться за нее каждое первое число мая, покуда один из них не найдет свою смерть, и тогда победитель станет девице мужем.

Вот так Артур примирил двух воинов и завладел Магдуном, конем Гвету, и поводком Гурса Канта Эвина.

Потом Артур вместе с Мабонem, сыном Модрона, и Гваре Гвахлтом Айрином отправился в Арморикy за двумя псами Глатмира Ледевика. Завладев ими, он отправился в Западную Ирландию на поиски Гурги Севери, и с ним поехал Одгар, сын Айта и король Ирландии. Потом на севере он взял в плен Каледира Вихлта, после чего поехал на поиски Аскитарвина Пенбайта. Мабон же, сын Модрона, явился, ведя на поводке двух псов Глатмира Ледевика в одной руке и еще Дридвина, отродье Грайда, сына Эри.

Артур принял участие в охоте со своим псом Кавахлом, а Кау из Северной Британии на Артуровой кобыле Хламрай первым же помчался в погоню. Он взял в руку острый топор и, встретившись лицом к лицу с вепрем, разнес ему топором голову, после чего вытащил у него из пасти клык. Вепря убили не те псы, о которых говорил Аспатаден, а Кавахл, пес Артура.

Разделавшись с Аскитарвином Пенбайтом, Артур и его гость возвратились в Гехли Вик, что в Корнвахле, и оттуда Артур послал Мену, сына Тайгвайта, разузнать насчет гребня, бритвы и ножниц, спрятанных за ушами Турха Труита: ведь если их уже нет, то незачем и тревожить его. Найти вепря было легче легкого, ибо он опустошил уже третью часть Ирландии. Мену отправился в путь и отыскал Турха Труита и Эсгайр Ойрвеле. Там, приняв обличье птицы, Мену уселся над его логовом и хотел вытащить из-за ушей вепря гребень, бритву и ножницы, да не тут-то было. Он лишь дернул его за щетину, отчего разъяренный вепрь встал во весь рост и так встряхнулся, что одна капля его яда упала на Мену. До конца своих дней Мену не оправился от болезней.

Тем временем Артур послал гонцов к Одгару, сыну Айта и королю Ирландии, спросить, не даст ли он ему котел своего сенешаля Диурнаха Витела. Одгар приказал Диурнаху Вителу отдать котел, но Диурнах ответил ему так:

– Господь свидетель, даже если бы Артуру выпал случай лишь взглянуть на котел, то и им он не должен был бы воспользоваться.

Гонцы Артура возвратились из Ирландии ни с чем.

Тогда Артур, взяв небольшую свиту, сел на корабль «Прадвен» и поплыл на нем в Ирландию. Там он направился в дом к Диурнаху Вителу, и воины Одгара поняли, что если не договориться с Артуром миром, то у них не хватит сил выиграть битву. Съев и выпив, сколько душе было угодно, Артур попросил отдать ему котел, но Диурнах Вител ответил так:

– Я бы отдал его кому угодно, будь на то слово Одгара, короля Ирландии.

Не успел он договорить, как вскочил Бедвир и водрузил котел на спину Хагвида, слуги Артура, который с материнской стороны был родичем Какмури, слуги Артура, в обязанности которого входило повсюду носить Артуров котел и разводить под ним огонь. Тогда Хленхлауг Вител схватил Каледвулх и стал размахивать им, но воины Артура убили Диурнаха Витела и всех, кто был с ним. Потом явились другие ирландские воины, и вновь пошла битва, но Артур всех обратил в бегство, а сам со своими рыцарями отправился на корабль, унося с собой котел, доверху наполненный ирландскими деньгами. На берег он сошел в том месте, что зовется Порт Кертин, что в Даведе, где жил Хлуитен, сын Келкойда. Такова была цена за котел.

Артур кликнул всех воинов с трех островов Британии и с трех близлежащих островов и всех, кто был во Франции, и в Арморике, и в Нормандии, и в Южной стране, ибо все они были его верными и храбрыми бойцами.

Собрав войско, Артур пошел войной на Ирландию, и там началась паника. Когда корабль бросил якорь, к Артуру пришли ирландские святые и попросили у него защиты. Он даровал им защиту, а они в ответ благословили его. Потом пришли другие ирландцы и принесли ему мяса и вина вдоволь. Мирным был путь Артура до Эстайр Ойрвела в Ирландии, где обитал вепрь Труит со своей семьей поросят. Со всех сторон спустились на вепря псы, но целый день до вечера не могли ирландцы одолеть Труита, который к тому времени опустошил пятую часть Ирландии. На другой день вновь началась битва, и рядом с ирландцами встали воины Артура, и, хотя многих из них недосчитался Артур, не одолели они Труита. На третий день Артур сам вышел сразиться с вепрем, и девять дней и девять ночей продолжалась битва, но даже ни один поросенок не попал под горячую руку. Тогда воины спросили Артура, кто этот вепрь, и Артур рассказал им, что Труит был когда-то королем, но Господь за грехи обратил его в вепря.

Артур послал Гухрира Гвалстаута Иайтойта поговорить с вепрем, и Гухрир Гвалстаут Иайтойт, приняв обличье птицы, уселся над логовищем Труита, где тот прятался со своей семьей поросят. Попросил Гухрир Гвалстаут Иайтойт:

– Именем Того, Кто обратил тебя в вепря, молю тебя, сам ответь Артуру, а не хочешь, пошли навстречу ему кого-нибудь из своих сыновей.

Не смолчал Григин Гурих Эрайнт (на серебряную проволоку была похожа его щетина, и, шел ли он по лесу, шел ли по полю, нигде он не мог укрыться от чужих глаз из-за серебряного сверкания).

Ответил он так:

– Именем Того, Кто обратил нас в вепрей, я отказываю тебе, ибо не желаю говорить с Артуром. Неужели мало выпало нам страданий, чтобы и он тоже пошел на нас войной?

– Я так тебе скажу: Артуру нужны гребень, бритва и ножницы, которые прячет за ушами Турх Труит.

Сказал Григин:

– Хоть умри Артур, не получит он ничего. Завтра же, едва наступит утро, мы пойдем в земли Артуровы, и Артур еще пожалеет об этом.

Наутро Турх Труит со своими сыновьями отправился по морю в Валес, а Артур со своими воинами, лошадьми и собаками взошел на борт «Прадвена», чтобы без промедления плыть домой. Турх Труит явился в порт Клайс, что в Даведе, а корабль Артура стал на якорь в Маниве. На другой день Артуру стало известно, что Турх Труит идет по его земле и уничтожает все живое на своем пути, и Артур бросился за ним в погоню и настиг его, когда он резал стадо Каннваса Курра И Вагила, успев до прихода Артура перебить всех животных и всех людей в Абер Глетиве.

Завидев Артура, Турх Труит поспешил в Преселай, и Артуру с его воинами вновь пришлось догонять его. Артур послал за ним Эли и Трахмира с псом Дридвином, отродьем Грайда, сына Эри, и еще Гвартегида, сына Кау, с двумя псами Глатмира Ледевика, и еще Бедвира с собственным псом Артура – Кавахлом. Все воины Артура сошлись на берегу Навера, и к ним

присоединились три внука Клетива Дивулха, славные своей победой над Аскитарвином Пенбайтом. И от берега Навера они направились в долину Сум Кервин.

Здесь Турх Труит встретился с ними лицом к лицу и лишил жизни четверых из воинов Артура – Гвартегида, сына Кау, и Тараука из Ахлт Клуида, и Храйдуна, сына Эли Атвера, и Искована Хайла.

Расправившись с ними, Турх Труит не остановился и там же, в Кум Кервине, лишил жизни Гвидре, сына Артура, и Гарселита Витела, и Глева, сына Асгауда, и Искавина, сына Панона, но и сам тоже был ранен.

На другой день, едва взошло солнце, воины Артура вновь вступили в схватку, и он лишил жизни Хуандау, Гогигука и Пеннпингиона, трех воинов из окружения Глевльвида Гавайлваура, так что, Господь свидетель, не осталось у него больше никого, кроме Хлайскенима, который никому никогда добра не делал. А кроме них, Турх Труит убил еще многих жителей тех мест, не пожалев и Глуидина Сайра, главного зодчего Артура.

Во второй раз Артур догнал его в Пелимиауке, и там он лишил жизни Мадаука, сына Тайтиона, и Гвинна, сына Трингада, сына Неведа, и Айриауна Панхлорая. Потом вепрь отправился в Абертайви. Там он вновь сразился с воинами Артура и лишил жизни Калваса, сына Канана, и Гуихленнхина, короля Франции.

Оттуда Турх Труит бежал в Глин Асти, где собаки потеряли его след.

Артур призвал к себе Гвинна, сына Нита, и спросил, не слышал ли он о Турхе Труите, но Гвинн, сын Нита, ничего ему не сказал, потому что ничего не знал о вепре.

Тогда все охотники отправились в Дафрин Хлахур. Там их встретили Григин Гурих Эрайнт и Хлуидауг Гованниад, сыновья Турха, и всех перебили, лишь один из воинов спасся. Немедленно помчался в Дафрин Хлахур со своими воинами Артур и спустил на молодых вепрей собак, и они подняли такой шум, что Турх Труит, услышав его, пришел на помощь Григину Гуриху Эрайнту и Хлуидаугу Гованниаду.

С тех пор как Турх пересек Ирландское море, Артур в первый раз сошелся с ним лицом к лицу. Он направил на вепря своих собак и послал навстречу ему своих воинов, так что ничего не оставалось Турху Труиту, как бежать в Манит Аману, и там был убит один из его сыновей по имени Гвис.

Тогда он бежал в Дафрин Аману, и там были убиты его сыновья Бану и Бенвиг, так что из всех его сыновей в живых остались только Григин Гурих Эрайнт и Хлуидауг Гованниад.

В следующий раз Артур догнал вепря в Хлук Эвине, и Турх Труит, выйдя на бой, лишил жизни Эхела Вортвухла и Гарвили, сына Гвитауга Гвира, и многих других воинов и собак без счета.

Из Хлук Эвина путь Турха Труита лежал в Хлук Тави, а оттуда в Кередициаун, и за ним неотступно следовали Эли с Трахмиром и многие воины.

В Гарт Грегине рядом с Турхом бился Хлуидауг Гованниад, и он лишил жизни Хридвива Хриса, не считая прочих.

В Астрада Аве сына Турха поджидали мужи Арморики, и он лишил жизни Хирпайссауга, короля Арморики, и Хласадрита Эмиса, и Гурботи Хена, Артуровых дядей, братьев его матери, но и сам был убит.

Турх Труит скрылся где-то между Тави и Айиасом, и Артур призвал к себе в устье реки Северн всех воинов Корнвахла и Девона и так сказал им:

– Турх Труит лишил жизни многих моих воинов, но, пока я жив, доблестные мужи, он не должен войти в Корнвахл. Больше я не буду гоняться за ним, я сойду с ним в смертельной схватке. Вы же поступайте как знаете.

Артур решил отправить воинов с собаками в Айиас, чтобы они, возвращаясь обратно к Северну, погнали Турха Труита туда, где его ждал Артур. С Артуром же были Мабон, сын

Модрона, на коне Гвету и Горай, сын Кистеннина, и Мену, сын Тайгвайта, и они стояли лагерем между Хлин Хливаном и Абер Гви.

Артур напал на Турха Труита вместе с самыми храбрыми и самыми сильными воинами Британии. Среди них были и Осла Гахлехлваур, и Манавитан, сын Хлира, и Какмури, слуга Артура, и Гвингехли.

Они схватили Турха Труита за ноги и бросили его в Северн. С одной стороны подскакал к нему Мабон, сын Модрона, и, остановив коня, выхватил у Турха из-за уха бритву, а с другой стороны подскакал Каледир Вихлт и, не убоившись намочить ноги в Северне, выхватил у него из-за уха ножницы. Только гребень они не успели взять, потому что, нащупав копытами дно, вепрь выскочил на берег, а тут уж ни пес, ни человек, ни конь не смогли его догнать до самого Корнвахла.

Трудно достались воинам бесценные вещицы, но еще труднее оказалось спасти из реки Какмури, которого тяжелые камни утащили было на самое дно, и Ослу Гахлехлваура, который, бросившись за вепрем, уронил в воду нож, тотчас скрывшийся в пучине, отчего ножны заполнились водой и потащили его на дно.

Артур со своим воинством вновь поскакал следом за вепрем в Корнвахл, и все, что было до этого, казалось ему потом детскими играми в сравнении с тем, что ему еще пришлось испытать, пока он не заполучил драгоценный гребень. А заполучив гребень, Артур погнал дикого вепря к морю, и никто не знает, куда он потом делся и вместе с ним Анад и Айтлем.

Победив Турха Труита, Артур возвратился в Гехли Вик, что в Корнвахле, чтобы совершить омовение и отдохнуть от трудов.

Спросил Артур:

– Все ли мы сделали?

И его воины ответили ему:

– Не все. Нам нужно заполучить кровь колдуньи Орти, дочери колдуньи Орвен, из Пен Нант Говида, что в Аду.

Артур отправился на север, где была пещера, в которой жила колдунья.

Гвинн, сын Нита, и Гвитир, сын Грайдаула, посоветовали Артуру послать вперед Какмури и Хагвида, его родича. Едва они вошли в пещеру, как колдунья бросилась на них и схватила Хагвида за волосы, а потом швырнула его на пол у своих ног. Правда, Какмури не растерялся и сам, схватив ее за волосы, потащил вон из пещеры подальше от Хагвида, но колдунья вывернулась и, колотя воинов руками и ногами, выгнала обоих.

Опечалился Артур, увидав своих рыцарей, избитых до полусмерти, и сам хотел пойти в пещеру, но Гвитир и Гвинн сказали ему:

– Негоже тебе сражаться со старой каргой. Пусть пойдут теперь Хирамрай и Хирайдил.

Они пошли, но если участь Хагвида и Какмури была незавидной, то им и вовсе худо пришлось. Господь свидетель, все четверо даже не пошевелились, когда их укладывали на Хламрай, кобылу Артура.

Тут Артур не выдержал и мигом очутился возле входа в пещеру с кинжалом Карнвенна в руке. Никто и не заметил, как он поднял руку и разрезал колдунью пополам, а ее кровь Кау собрал в бутылку и унес из Северной Британии.

Потом наступил черед Килхуха, который вместе с Горамом, сыном Кистеннина, и многими другими воинами, мечтавшими отомстить Аспатадену Пенкауру за причиненное им зло, отправился к его двору, не забыв взять с собой драгоценные и волшебные вещи.

Явился к Аспатадену Пенкауру и Кау из Северной Британии, который сначала сбрил ему бороду со щек, потом со щек кожу, а потом и все мясо до самых костей.

– Хорошо ли я побрил тебя? – спросил Килхух.

– Хорошо, – ответил Аспатаден Пенкаура. – Только благодари за это не меня, а Артура, без которого ты не получил бы ее. По своей воле я бы ни за что ее не отдал, потому что, потеряв ее, потеряю вместе с ней свою жизнь.

Горай, сын Кистеннина, схватил его за волосы, вытащил на главную башню и там отрубил ему голову, после чего водрузил ее на кол.

Так Килхух и Горай, сын Кистеннина, завладели замком и всеми богатствами Аспатадена Пенкаура.

В ту же ночь Олвен стала женой Килхуха и была его женой до самой своей смерти.

Воины Артура разбрелись кто куда, но все они рано или поздно возвратились домой.

На этом кончается история о том, как Килхух взял в жены Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

Сон Хронабви

Мадауку, сыну Маредита, принадлежали все земли Повиса в горах Арвистли – от Порвойда до Гвайна. Но у него был брат Иорверт, сын Маредита, который ни в чем не мог с ним сравниться. Видя, сколь могуществен и почитаем его брат, Иорверт места себе не находил от горя и зависти, поэтому в конце концов он созвал всех своих приближенных и всех названных братьев и стал держать совет, как ему изменить свое положение. Решено было послать несколько человек заручиться поддержкой могучих и искусных воинов.

Тем временем Мадаук предложил Иорверту стать его управителем и иметь коней, оружия и почестей не меньше, чем у него, но Иорверт отказался.

Он отправился в Лойгрию и стал убивать людей, жечь дома и уводить пленных. Тогда Мадаук призвал к себе мужей Повиса, и они решили отправить по сто воинов в каждую из трех частей Повиса, чтобы те помешали Иорверту творить беззакония. Воины разместились в Ахликтуне, в Хрид Вилуре и на равнине, что тянется от Абер Кайраука, издавна считавшихся лучшими землями в Повисе. Опасность везде поджидала Иорверта и его родичей, и даже в Нихластун Треване он не мог укрыться от воинов своего брата.

Одного из тех, кто отправился в погоню за Иорвертом, звали Хронабви. Хронабви, Канвриг Врахгох из воинов Маутун и Кадуган Врас из воинов Мойлвре из Канхлайта подошли к дому Хайлина Гоха, сына Кадугана, сына Итона, и увидели закопченные стены и высокий столб дыма над крышей, а внутри повсюду были кучи отбросов и лужи. На скользком полу нелегко было устоять, тем более что в некоторых местах ноги тонули в грязи по колено. Ветки падуба, объединенные коровами, кое-как прикрывали пол. А еще в этом мрачном доме было много пыли и ни одного человека, кроме старой карги, которая возилась с огнем. Едва огонь гас, ей, верно, становилось холодно, и тогда она подбрасывала в него горсть сечки⁹, отчего все вокруг сразу заволакивало едким дымом, от которого свербило в носу и было трудно дышать. По другую сторону очага на полу лежала рыжая шкура телянка, предназначенная для гостей.

Воины уселись на ней и спросили у карги, где ее домочадцы, но старуха лишь буркнула в ответ что-то непонятное и опять замолчала. Тем временем в дом вошли краснощекий неотесанный мужлан с кудрявыми волосами и вязанкой хвороста за спиной и бледная худая женщина с сухими ветками в руках. Они кивнули гостям и развели жаркий огонь. Женщина сварила похлебку и подала ее гостям, прибавив к ней ячменный хлеб, сыр, молоко и воду.

Пока все ели, поднялся ветер, полил дождь и началась настоящая буря, поэтому воинам ничего не оставалось, как заночевать под ветхой, но все-таки крышей, тем более что они устали с дороги. Правда, ложе, предназначенное для них, было из пыльной соломы и кишело насекомыми, к тому же из него торчало много острых палок, так как коровы съели всю солому, под-

---

⁹ Сечка – мелко нарубленная солома с отрубями, идущая на корм скоту.

ложенную в головах и в ногах. Протертый до основы ковер покрывал это убожество, а поверх него женщина постелила дырявую простыню и положила тощие подушки и такое же одеяло.

Спутников Хронабви и на таком неприглядном ложе сморил глубокий сон, а Хронабви, помучившись немного, решил перелечь на рыжую шкуру и вскоре заснул.

Едва сон смежил веки Хронабви, как ему показалось, будто он со своими спутниками пересекает равнину Аргингрог в сторону брода Хрид Гройс через реку Северн. Неожиданно он услышал странный шум, какого ему еще не приходилось слышать, и, оглянувшись, увидел юношу на гнедом коне, а ноги коня были серой масти. На всаднике было платье из желтого атласа, затканное зеленым шелком. На боку у него, на поясе из оленьей кожи с золотой пряжкой, висел меч с золотой рукоятью в ножнах из дубленой кожи, привезенной из Кордовы. Поверх он повязал шарф из желтого атласа, затканного зеленым шелком, с зеленой бахромой. Зеленой была попона на коне, и плащ на всаднике был зеленым, как иголка на ели, а желтый цвет напоминал цветы ракитника. И такой зловещий вид был у всадника, что страх обуял воинов, и они поскакали прочь от него, а всадник помчался за ними. Когда его конь выдыхал воздух, Хронабви и его спутников словно ветер уносил вперед, а когда конь вдыхал воздух, они оказывались совсем близко к коню, чуть ли не у самых его ноздрей. Тогда они взмолились о пощаде.

– Не бойтесь, – сказал всадник, – я не причину вам зла.

– Вождь, если ты так добр, то скажи, кто ты и откуда, – попросил Хронабви.

– Зачем мне скрывать? Я Итаук, сын Манио. Но меня знают не по имени, а по прозвищу.

– Как же тебя зовут?

– Я скажу тебе. Итаук Корт Придайн.

– Почему тебя так зовут, вождь? – спросил Хронабви.

– Я скажу тебе. Во время сражения при Камлане я был одним из гонцов Артура, которых он посылал к своему племяннику Медрауду. Безрассудство и страсть к сражениям одолевали меня, и это я разжег пожар ненависти между Артуром и Медраудом, когда император Артур послал меня к Медрауду, чтобы я урезонил его и убедил не идти войной на названного отца и родного дядю, дабы не погибли зазря сыны королей и других почтенных мужей острова Британия. Артур наставлял меня светлыми речами, а я потчевал Медрауда самыми черными, какие только приходили мне в голову. За это меня прозвали Итаук Корт Придайн. Из-за меня бились воины при Камлане. За три ночи до конца сражения я бежал в Хлех Лас, что в Северной Британии, и там принял наказание. Только через семь лет мне было даровано прощение.

Тут раздался шум хуже прежнего, и когда воины огляделись, то увидели краснощекого безбородого юношу, благородного с виду, который скакал на могучем жеребце, гнедом спереди. На всаднике было платье из красного атласа, затканного желтым шелком, и желтой была бахрома у него на шарфе. И попона на коне была желтой, как цветы ракитника, а все красное было таким красным, как самая красная кровь.

Всадник остановился и попросил Итаука взять под свою защиту маленьких человечков, которые были с ним.

– Если я чем-нибудь могу одарить, я одариваю, а теперь ты будешь им товарищем, как я был до сих пор.

С этими словами всадник поскакал дальше.

– Итаук, – спросил Хронабви, – кто этот всадник?

– Хриваун Пебир, сын короля Деортаха.

Воины отправились дальше и за милю от брода увидели по обеим сторонам дороги первые шатры и палатки, а потом слышали шум, какой бывает только от большого войска.

Когда они приблизились к реке, то увидели на островке Артура, по одну сторону которого сидел епископ Бедвини, а по другую – Гвартегид, сын Кау. Перед Артуром стоял высокий рыжий юноша в платье из черного, как гагат, атласа и сжимал в руках меч в ножнах. Лицо у

него было белое, как слоновая кость, без бороды и усов, а брови черные, как гагат. Рука же, что виднелась между перчаткой и рукавом, показалась им белее лилии и толще лодыжки воина.

Итаук и все, кто был с ним, подошли к Артуру и почтительно приветствовали его.

– Господь с вами, – сказал Артур. – А где, Итаук, ты нашел этих маленьких человечков?

– Я нашел их на дороге, мой господин.

Император улыбнулся.

– Господин, – спросил Итаук, – почему ты смеешься?

– Итаук, – ответил ему Артур, – я не смеюсь. Просто мне обидно, что такие люди населяют остров после смерти тех, кто издавна живет здесь.

Тогда Итаук обратился к Хронабви:

– Видишь перстень с камнем на руке императора?

– Вижу, – ответил Хронабви.

– Благодаря этому камню ты ничего не забудешь из того, что увидишь сегодня, а не будь его, ты бы все позабыл.

К броду подошло войско.

– Итаук, – спросил Хронабви, – чье это войско?

– Хривауна Пебира, сына короля Деортаха. Его воинам почтительные слуги подносят мед, а дочерям британских королей не запрещено любить их. А заслужили они это тем, что во всех схватках всегда идут впереди.

Хронабви обратил внимание, что одежды на воинах и попоны на конях одного цвета – цвета красной крови, поэтому, когда один из рыцарей отделился от остальных, он напомнил ему огненный столб, устремленный в небо. Войско стало лагерем выше брода.

Вскоре к броду прискакало еще одно войско – сверху их одежды были белее лилии, а снизу – чернее гагата. Один из рыцарей выехал вперед и резко натянул поводья, отчего конь, встав на дыбы, облил водой с головы до ног и Артура, и епископа, и всех остальных, кто был поблизости, так что на них сухой нитки не осталось. Зато когда рыцарь развернулся, юноша, стоявший впереди Артура, ударил его коня промеж ноздрей мечом в ножнах, но с такой силой, что, будь меч обнажен, он непременно рассек бы ему голову до шеи.

Рыцарь наполовину вытащил меч из ножен и спросил юношу:

– За что ты ударил моего коня? Хотел ли ты нанести мне обиду или дать добрый совет?

– Дать совет, которого тебе не хватало. Уж не помутнение ли нашло на тебя, когда ты с ходу остановил коня и облил водой Артура, епископа и всех остальных, так что на них сухой нитки не осталось?

– Я принимаю твой совет.

И всадник возвратился к остальному войску.

– Итаук, – спросил Хронабви, – кто этот рыцарь?

– Нет красивее и мудрее его на всем острове. А зовут его Адаон, сын Талиесина.

– А кто ударил его коня?

– Нет никого на острове упрямее его, и зовут его Элпхин, сын Гвитно.

Тут заговорил высокий и статный муж, и в своей благородной и звучной речи он подивился тому, что видит здесь тех, кто в полдень должен сражаться у горы Бадон против Ослы Гахлехлаура.

– Вы можете выбирать, идти вам туда или нет, я же пойду и один! – воскликнул он.

– Хорошо сказано, – похвалил его Артур. – Мы все пойдем с тобой.

– Итаук, – спросил Хронабви, – кто так смело говорит с Артуром?

– Муж, который смело говорит с Артуром и к которому Артур прислушивается, – Карадаук Врайхврас, сын Хлира Марини и двоюродный брат Артура, его главный советник.

Итаук посадил Хронабви позади себя на коня, и, сохраняя порядок, большое войско двинулось в сторону Кевндитохла. На середине реки Итаук повернул коня, и Хронабви взглянул на долину, по которой шли к реке два новых войска.

Одно войско все было в белом, только на поясах из белого атласа чернела бахрома. Кони у них тоже были белые с гагатово-черными пятнами на коленях и шеях. И флаги у них были белые с черными точками.

– Итаук, – спросил Хронабви, – откуда это белое войско?

– Из Норвегии. Его привел король Марх, сын Майрхиона и двоюродный брат Артура.

И тотчас Хронабви увидел черное войско, разве только пояса у всех воинов были с белой бахромой и на шеях и коленях коней белели пятна. Флаги у них были черные с белыми точками.

– Итаук, – спросил Хронабви, – откуда это черное войско?

– Из Дании. Его привел король Эдайрн, сын Нита.

Когда Итаук и Хронабви нагнали войско, Артур и все его воины спешили у Кайр Баду, и Хронабви понял, что они с Итауком ехали той же дорогой, что и Артур.

Едва воины спешили, как в их рядах случилось великое брожение, и те, что стояли на флангах, повернулись к центру, а те, что стояли в центре, двинулись к флангам. Немного погодя Хронабви увидел рыцаря в кольчуге, и такая же кольчуга была на его коне, и все звенья на этих кольчугах были белее лилии, а заклепки краснее красной крови. Он ехал между воинами, и из-за него смешались их ряды.

– Итаук, – спросил Хронабви, – неужели войско бежит?

– Король Артур никогда не бежит, и, если бы он услышал сейчас твои слова, не жить бы тебе на свете. Рыцарь этот – Кай. Нет никого прекраснее Кая при дворе Артура, поэтому воины, стоящие с краю, потянулись взглянуть на него, а воины, которые были поблизости, бросились прочь от его коня.

Тут они услышали голос, звавший Кадура, графа Корнвахлского, и Кадур вышел вперед, держа в руках меч Артура, на котором были два золотых змея, и, когда он вытащил меч из ножен, изо ртов у змей словно вырвались два столба пламени, и воины отвели глаза, чтобы не ослепнуть. Постепенно шум стих, и граф возвратился в свой шатер.

– Итаук, – спросил Хронабви, – кто этот человек с мечом Артура?

– Этот человек – Кадур, граф Корнвахлский, он вооружает короля в дни сражений.

И тотчас они услышали голос, звавший Айринуиха Амхайбина, слугу Артура. Рыжий верзила с красным неприятным лицом, рыжими усами и колючей щетиной выехал вперед на рослом коне, и воины расступились перед ним. Слуга спешил и снял с коня поклажу. Он вытащил золотое кресло и ковер из узорчатого атласа, потом расстелил ковер перед Артуром, и во всех четырех углах на ковре было вышито золотыми нитками по яблоку, а посреди ковра он поставил кресло, в котором легко уместились бы три воина в доспехах. Тот ковер звался Гвенном, и у него было чудесное свойство: стоило ступить на него, и человек сразу становился невидимым, зато сам видел всех и всякого. И еще было у ковра чудесное свойство: какого цвета он был с самого начала, таким оставался всегда, что бы с ним ни делали.

Артур сел в кресло, и Овайн, сын Ириена, стал напротив него.

– Овайн, – сказал Артур, – сыграй со мной в шахматы.

– Слушаю, господин, – сказал ему Овайн.

Рыжий слуга принес доску из серебра и фигурки из золота, и они принялись играть.

Пока Артур с Овайном играли и наслаждались игрой, неподалеку появился белый шатер с красным балдахинном, над которым взвился гагатово-черный змей с красными сверкающими глазами и огненно-красным языком, а рядом с шатром вытянулся в струнку юный паж с рыжими выщипанными волосами, голубыми глазами и рыжим пушком на подбородке, в платье из желтого атласа, в зеленых чулках и пестрых кожаных башмаках, застегнутых на золотые

пряжки. На боку у него висел тяжелый меч с золотой рукоятью в ножнах из черной кожи, украшенных золотом.

Паж подошел к тому месту, где император играл с Овайном в шахматы, и почтительно приветствовал Овайна, который немало удивился тому, что паж приветствует его, а не императора Артура. Артур понял, о чем думает Овайн, и сказал ему:

– Не удивляйся тому, что паж приветствует тебя, ибо я его уже видел. К тому же он пришел к тебе.

– Господин, – спросил паж Овайна, – с твоего позволения юные пажи и слуги императора мучают твоих воронов и не дают им житья? Если не с твоего, то пусть император запретит им.

– Господин, – сказал Овайн, – ты слышишь, что говорит юноша, так будь добр, запрети трогать моих воронов.

– Играй, – приказал Артур.

Паж вернулся к шатру.

Одну партию они закончили и начали другую, когда краснощекий юный великан с вьющимися рыжими волосами, большими глазами и аккуратно подстриженной бородкой вышел из желтого шатра, увенчанного красным львом. На нем был плащ из желтого атласа, ниспадавший до земли и расшитый красным шелком, а на ногах – белые чулки и башмаки из черной кожи с золотыми застежками. В руках он держал тяжелый меч в ножнах из красной оленьей кожи, украшенных золотом.

Он подошел к тому месту, где Артур и Овайн играли в шахматы, и почтительно приветствовал Овайна.

Овайн смешался, но Артур был невозмутим.

Юноша спросил Овайна:

– По твоей воле слуги императора мучают твоих воронов до смерти? Если нет, то проси императора, пусть он им запретит.

– Господин, – взмолился Овайн, – будь добр, останови своих слуг.

– Играй, – приказал император.

И юноша вернулся в шатер.

Закончилась эта партия, и началась следующая, но едва они успели сделать по одному ходу, как совсем близко раскинулся огромный шатер, какого еще никто не видывал. Наверху над ним парил золотой орел, и драгоценный камень сверкал у него на голове. Из шатра вышел красивый, благородного вида юноша с густой гривой рыжих волос, с красными щеками и большими ястребиными глазами. Он был в плаще из синего атласа, и на правом плече у него красовалась золотая пряжка размером со средний палец воина. В руке он держал тяжелое, сверкающее золотом копьё с наточенным острием, к которому был прикреплен флаг.

Едва сдерживая ярость, юноша быстрым шагом подошел к тому месту, где Артур играл в шахматы с Овайном, и они сразу поняли, что он пришел не с добром. Юноша почтительно приветствовал Овайна и сообщил ему, что его вороны убиты, а те, что еще живы, так изранены, что не поднимутся больше в небо.

– Господин, – попросил Овайн, – уйми своих людей.

– Играй, – сказал Артур, – если ты не против.

Тогда Овайн обратился к юноше:

– Возвращайся. Если увидишь где схватку, поднимай копьё с флагом, и пусть будет, как угодно Господу.

Юноша бросился туда, где кипел бой, и поднял вверх копьё, и, когда он поднял его, вороны стряхнули с себя немочь, взмахнули крыльями и, сильные духом, поднялись в небо. Вернув себе мужество, они опустили на головы обидчикам и, когтями разрывая им лица, плечи, руки, взмыли с ними под облака, победно хлопая крыльями и каркая во все горло. По всему небу поднялся великий стон раненых и умирающих людей.

Оторвавшись от шахмат, подивились Артур и Овайн на необычный шум и увидели приближающегося к ним рыцаря на коне странной масти с ярко-красным правым плечом и ярко-желтыми ногами до копыт. И рыцарь, и конь были облачены в тяжелые чужеземные доспехи. На боку у юноши на темно-зеленом кожаном поясе с украшениями из золота и слоновой кости и с гагатово-черной пряжкой висел в голубых ножнах меч с золотой рукоятью. Золотой шлем украшали бесценные камни, а над ними сверкала золотом фигурка леопарда с глазами-рубинами. Как бы ни были храбры воины, как бы ни были закалены их сердца, но страшно им было взглянуть на леопарда и еще страшнее на рыцаря. В руке он держал копье, горевшее синим огнем и алевшее кровью убитых воронов.

Рыцарь приблизился к тому месту, где Артур и Овайн сидели за шахматами, и они увидели, что он растерян и обессилен. Юноша почтительно приветствовал Артура и сообщил ему, что вороны Овайна убивают его воинов.

Артур поглядел на Овайна и сказал:

– Запрети им.

– Господин, – ответил Овайн, – играй дальше.

Они вновь стали играть, а рыцарь вернулся туда, где шла битва.

Они играли, слыша страшный шум, стоны и крики людей и карканье воронов, поднимающих людей в небо и разрывавших их на части. Неожиданно к ним приблизился рыцарь на коне светло-серой масти, только левая нога у коня до копыта была гагатово-черной. Плащ на рыцаре был из узорчатого атласа с синей бахромой, а на боку у него, на поясе из красной оленьей кожи с золотыми блестками и с пряжкой из рога нарвала с черным язычком, висел тяжелый меч. На голове у него был золотой шлем, украшенный рубинами и увенчанный фигуркой огненно-рыжего льва с красным языком, высунутым чуть не на фут, и с красными глазами. В руке рыцарь держал тяжелое железное копье с серебряным наконечником, покрытым кровью.

Юноша почтительно приветствовал императора.

– Господин, – спросил он, – неужели тебе безразлична смерть пажей и воинов, сыновей знатных семейств с острова Британия? Без них как ты защитишься от врагов?

– Овайн, – сказал Артур, – запрети воронам убивать.

– Играй, господин, – ответил Овайн.

Они закончили партию и начали следующую, а когда заканчивали и ее, то рядом с ними поднялся великий шум. Кричали воины, которых вороны с карканьем разрывали в клочья и бросали на землю.

Тут появился рыцарь на пегом коне с горделиво посаженной головой, и левое плечо у его коня было красным, а правая нога снежно-белой, и доспехи на рыцаре и на коне сверкали золотым огнем. Плащ на рыцаре и попона на коне были бело-черные с золотой бахромой. Меч с золотой рукоятью висел на золотом поясе с застежкой из рога нарвала и с золотым язычком. На голове у рыцаря был шлем из желтой латуни, украшенный драгоценным хрусталем, а на шлеме восседал грифон с головой из драгоценного камня. В руке рыцарь держал железное копье с круглым лазурно-голубым древком. Серебряный наконечник был весь в крови.

В ярости рыцарь приблизился к тому месту, где Артур играл в шахматы, и, сказав ему, что вороны перебили всех его родичей и всех знатных юношей, потребовал, чтобы он приказал Овайну остановить воронов. Артур сделал, как он желал, а потом схватил золотые шахматные фигурки и стал их ломать и топтать, так что от них ничего не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.